

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1901.

№ 22.

НОЯБРЬ,—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

- Ученіе Шлейермахера о религій, ея сущности и происхожденіи. Профессора Харьковскаго Университета, *Прот. Т. Буткевича* . . . . . 637—656
- Очерки изъ жизни Христа Спасителя (продолженіе). *Свящ. М. Оивейснаго* . . . . . 657—679
- Св. Петръ Александрійскій. (его жизнь и дѣятельность) (окончаніе). *Сергѣя Чистосердова* . . . . . 680—694
- Протоіерей А. В. Мартыновъ. *Д. Багрецова* . . . . . 695—702

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

- Нѣсколько словъ по вопросу о существованіи русской философіи. *Александра Никольскаго* . . . . . 383—400
- Религіозно-философскія воззрѣнія Сковороды (окончаніе). *М. Краснова*. 401—420

-
- Рѣчь по освященіи зданія народныхъ училищъ имени поэта А. С. Пушкина. *Епископа Иннокентія* . . . . . I—IV

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Именной Высочайшій указъ Святѣйшему Правительствующему Синоду.— Высочайшая награда.—Отъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ.—Изъ дневника Харьковскаго Епархіальнаго миссіонера за 1900 годъ (продолженіе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1901.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входятъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редаціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 р. за 1890—1892 г., по 8 р. за 1895—1899 годы. За 1900 г.—9 р. и 1901 г. 10 рублей. Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 125 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. Последнее сочиненіе графа Л. Н. Толстаго „Царствіе Вожеіе внутри васъ“. Бритическій разборъ. Цѣна съ пересылкою 60 коп.

4. „Цацтво, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторовое сочиненіе о. Владимира Гетте. Переводъ съ французск. Б. Истомина. Харьковъ. 1895. Ц. 1 р. съ перес.

5. Нѣсколько словъ по поводу „двухъ характерныхъ писемъ“, присланныхъ Преосвященному Амвросію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому. Леонида Баграцова. Харьковъ 1901 года. 52 стр. Цѣна 30 коп., съ перес. 35 коп.

Издаііе Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“.

ВѢНОКЪ

на могилу Высокопреосвященнаго Амвросія,

АРХІЕПИСКОПА ХАРЬКОВСКАГО и АХТЫРСКАГО.

Харьковъ 1901 годъ. Цѣна 50 коп. съ пересылкою.

Требованія адресовать: Харьковъ, Духовная Семинарія, на имя
Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“.

Харьковъ. Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер. д. № 17.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА ВѢРА И РАЗУМЪ ВЪ 1902 ГОДУ.

Редакція журнала „Вѣра и Разумъ“ будетъ стараться, чтобы тяжелая утрата, понесенная ею въ лицѣ почившаго Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго Амвросія, не имѣла вліянія на измѣненіе характера и направленія основаннаго нимъ журнала и въ 1902 году. Оставаясь вѣрнымъ завѣтамъ почившаго іерарха, журналъ постарается сохранить прежнее направленіе и по прежнему будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ:

1. Отдѣла церковнаго. Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правдъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, — однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣла философскаго. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, будетъ помѣщаться отдѣлъ подъ названіемъ „Листовъ для Харьковской епархіи“, въ который войдутъ постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія до 220 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., а за-границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакція журнала «Вѣра и Разумъ» при харьковской духовной семинаріи, при свѣчной лавкѣ харьковскаго Покровскаго монастыря, въ харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гяляровскаго, Столѣншиковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полные экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 руб. за 1890—1894 г., по 8 р. за 1895—1899 годы. За 1900 г. 9 р. и 1901 г. 10 рублей.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 125 р. съ пересылкою.

Кромѣ того въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Брентано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, взводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. Последнее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царствіе Божіе внутри васъ“. Критическій разборъ. Цѣна съ пересылкою 60 коп.

4. „Царство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гетте. Переводъ съ французскаго К. Истомяна. Харьковъ. 1895. Цѣна 1 рубль съ пересылкою.

5. Нѣсколько словъ по поводу „двухъ характерныхъ писемъ“, присланныхъ Преосвященному Амвросію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому. Леонида Багрецова. Харьковъ, 1901 г. 52 стр. Цѣна 30 коп., съ пересылк. 35 коп.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 30 Ноября 1901 года.

Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солнцевъ.*

Ученіе Шлейермахера о религіи, ея сущности и происхожденіи.

Что Шлейермахеръ не могъ представить удовлетворительнаго разрѣшенія вопроса о сущности, характерѣ и происхожденіи религіи,—это понятно само собою. Въ юношескомъ возрастѣ полубоготворецъ, какъ свидѣтельствуютъ о томъ его собственныя письма къ отцу, въ послѣдствіи, не имѣя истинно-христіанскихъ убѣжденій, какъ это видно изъ его лекцій о жизни Иисуса Христа, онъ занимаетъ должность церковнаго христіанскаго проповѣдника и университетскаго профессора. Уже такое отсутствіе твердыхъ религіозныхъ убѣжденій и занятіе должностей, требующихъ преданности христіанскому вѣроученію достаточно говорятъ о томъ, что не Шлейермахеру разрѣшать вопросъ о сущности религіи. Правда, невѣріе въ христіанскія истины онъ хотѣлъ замѣнить пантеистическимъ міровоззрѣніемъ. Въ первые годы своей общественной дѣятельности Шлейермахеръ увлекался философіею Спинозы, предъ которымъ онъ съ благоговѣніемъ преклоняется въ своихъ рѣчахъ о религіи ¹⁾, гдѣ именно онъ и высказываетъ свой взглядъ на сущность и характеръ религіозныхъ обнаруженій. „Принесите благоговѣнно вмѣстѣ со мною, говоритъ онъ своимъ слушателямъ ²⁾, доконъ въ жертву тѣни святого отверженнаго Спинозы! Его проникалъ высокій міровой духъ, безконечное было его началомъ и концомъ, универсъ—его единственною и вѣчною любовію въ святой невинности и глубокомъ

¹⁾ Ueber die Religion. Reden an die Gebildeten unter ihren Verächtern. Berlin. 1799. Этязъ изданіемъ пользуюсь я ны.

²⁾ Стр. 54—55.

смирени отражался онъ въ вѣчномъ мѣрѣ и созерцалъ его, какъ и самъ былъ достойнѣйшимъ любви его зеркаломъ; онъ былъ полонъ религіи и исполненъ Святого Духа; и потому стоитъ онъ всѣми покинутый, одиноко и недосягаемо, учитель въ своемъ искусствѣ, но возвышенный надъ простымъ цехомъ, безъ учениковъ и безъ права гражданства". Конечно, только слѣдуя Спинозѣ, и Шлейермахеръ, на мѣсто живого и личнаго Бога ставить универсъ или вселенную. Но пантеизмъ, отрицающій бытіе живого личнаго Бога, какъ мы видѣли, безсиленъ разрѣшить вопросъ о сущности религіи въ смыслѣ союза или взаимоотношенія между личнымъ Богомъ и человѣкомъ. Наконецъ, Шлейермахеру мѣшало разрѣшить вопросъ о сущности религіи и то направленіе, которое онъ занялъ въ богословской и философской наукѣ. Въ цвѣтущую пору своей научно-общественной дѣятельности онъ поставилъ себѣ цѣлю—„установить вѣчный договоръ между живой христіанской вѣрой и научнымъ изслѣдованіемъ, свободно направленнымъ во всѣ стороны, независимо работающимъ для себя, такъ чтобы вѣра не мѣшала изслѣдованію, а изслѣдованіе не исключало вѣры". Шлейермахеръ сталъ во главѣ такъ называемаго *примирительнаго* или *посредствующаго* направленія. Но быть посредникомъ между двумя непримиримо враждующими противниками чрезвычайно тяжело. Необходимы жертвы и уступки; прямота, искренность и строго-логическая послѣдовательность здѣсь не у мѣста; приходится мириться съ полувѣрованіемъ и полуотрицаніемъ и скрывать свои настоящія убѣжденія. Такимъ дѣйствительно и представляется Шлейермахеръ, желавшій угодить „двумъ господамъ“, и „неудивительно, если у демократовъ онъ слылъ приверженцемъ деспотизма, у роялистовъ—якобинцемъ, у пантеистовъ—дуалистомъ, у теистовъ—дейстомъ, а у людей дѣловыхъ—человѣкомъ легкомысленнымъ и болтуномъ—Mensch, dem die Zunge zu lang sei“ (человѣкомъ, у котораго слишкомъ длинный языкъ). Желая угодить всѣмъ, онъ долженъ былъ высказываться только на половину и вслѣдствіе этого нерѣдко „хромалъ на оба колѣна“. Такимъ именно является онъ, какъ увидимъ ниже, и въ рѣшеніи вопроса о религіи, ея сущности и происхожденіи.

При всемъ томъ, справедливость требуетъ сказать, что Шлейермахеръ, хотя онъ и не оставилъ послѣ себя опредѣленнаго философскаго міровоззрѣнія, имѣлъ громаднѣйшее вліяніе на движеніе богословско-философской мысли, какъ даровитѣйшій, талантливый и всесторонне-образованный писатель. Только благодаря своимъ рѣдкимъ дарованіямъ, серьезной эрудиціи и удивительному трудолюбію онъ и могъ все время своей жизни твердо держать свое знамя примиренія между религіею и философіею, вѣрою и безбожіемъ. Онъ имѣлъ чрезвычайное множество учениковъ и послѣдователей. Его вліяніе на научное движеніе не потеряло своего значенія еще и въ настоящее время. Вотъ почему хотя Шлейермахеръ и не даетъ вполнѣ удовлетворительнаго разрѣшенія вопроса о сущности религіи, но его взгляда мы не можемъ обойти молчаніемъ, съ одной стороны потому, что отъ этого взгляда находятся въ генетической зависимости послѣдующія ученія, а съ другой—потому, что еще и теперь многіе писатели защищаютъ его въ томъ именно видѣ, какъ онъ былъ высказанъ первоначально самимъ Шлейермахеромъ.

Какъ мы отмѣтили выше, Шлейермахеръ высказалъ свой взглядъ на сущность религіи въ своихъ „Рѣчахъ о религіи къ образованнымъ изъ среды ея пренебрегателей“. Всѣхъ рѣчей о религіи Шлейермахеромъ было произнесено *пять*: I. Апологія (оправданіе оратора относительно избраннаго имъ предмета для рѣчей); II. О сущности религіи, III. Объ образованіи къ религіи, IV. Объ общественномъ въ религіи или о церкви и священствѣ и V. О религіяхъ. Наибольшій интересъ для насъ, конечно, представляетъ вторая рѣчь, въ которой Шлейермахеръ излагаетъ свое ученіе о сущности религіи, какъ явленіи чисто психологическомъ.

По ученію Шлейермахера, религія не есть ни метафизика, ни мораль, ни смѣшеніе той и другой; но явленіе совершенно самостоятельное.

„Если вы станете на высшую точку зрѣнія метафизики и морали, говоритъ Шлейермахеръ своимъ слушателямъ ¹⁾, то

¹⁾ Стр. 41.

вы найдете, что обѣ онѣ имѣютъ одинъ и тотъ же предметъ съ религіею, именно—универсъ и отношеніе человѣка къ нему. Это сходство издавна было основаніемъ къ нѣкоторой путаницѣ; метафизика и мораль часто проникали въ религію, а нѣчто, принадлежащее религіи подѣ неуклюжею формою входило въ метафизику или мораль. Но неужели въ силу этого вы будете думать, что она однородна съ тою или другою? Чтобы увидѣть различіе, я спрошу васъ только: что дѣлаетъ ваша метафизика—или если вы ничего не хотите знать объ этомъ устарѣломъ названіи, которое для васъ является лишь историческимъ—ваша трансцендентальная философія?—она классифицируетъ универсъ и раздѣляетъ его на такія-то и такія-то существа, она отыскиваетъ основанія того, что существуетъ и дедуцируетъ необходимость дѣйствительнаго, изъ себя самой она выводитъ реальность міра и его законы. Ясно, что въ эту область религія не должна забираться, она не должна имѣть цѣли (тенденціи) установлять существа и опредѣлять природы, теряться въ безконечности основаній и дедукцій, отыскивать послѣднія причины и высказывать вѣчныя истины. А что дѣлаетъ ваша мораль? Изъ природы человѣка и его отношенія къ универсу она развиваетъ систему обязанностей, съ неограниченною властію, она предписываетъ и запрещаетъ дѣйствія. Ясно, что религія не должна дерзать на это, она не должна пользоваться универсомъ, чтобы выводить обязанности, она не должна содержать кодекса законовъ. И однако же—скажете—то, что называютъ религіею, состоитъ, по видимому, изъ отрывковъ этихъ различныхъ заповѣдей. Да, это—ходячее понятіе и время—совершенно уничтожить его. Теоретики въ религіи, которые исходятъ изъ знанія о природѣ универса и Высочайшаго Существа, дѣло Котораго онъ есть, суть метафизики, но достаточно вѣжливы для того, чтобы не пренебрегать нѣсколько и моралью. Практики, для которыхъ главное дѣло—воля Божія, суть моралисты нѣсколько въ стилѣ метафизики. Вы берете идею добра и вносите ее въ метафизику какъ естественный законъ неограниченнаго и вседозвольнаго Существа, а идею Первосущества вы заимствуете изъ метафизики и вносите ее въ мораль, чтобы это великое дѣло

не оставалось анонимнымъ, но чтобы предъ столь величественнымъ кодексомъ могъ быть выставленъ образъ законодателя. Но дѣлайте, что хотите, вы ведете пустую игру съ матеріями, которыя не сольются одна съ другою органически, и вы всегда будете имѣть у себя только метафизику и мораль, но не религію. А между тѣмъ эту смѣсь мнѣній о Высочайшемъ Существовѣ или мірѣ, и заповѣдей для человѣческой жизни вы называете религіею! а инстинктъ, который ищетъ тѣ мнѣнія, вмѣстѣ съ темными предчувствіями, которыя суть собственно послѣдняя санкція тѣхъ заповѣдей, вы называете религіозностію! Но чтобы владѣть своею собственностію, религія отказывается отъ всѣхъ притязаній, на что либо такое, что принадлежитъ метафизикѣ или морали, и возвращаетъ обратно все, что ей навязано. Она не желаетъ, какъ метафизика, опредѣлять и объяснять универсъ по его природѣ, она не желаетъ изъ силы свободы и божественнаго произвола человѣка развивать и утверждать его дѣйствія какъ мораль. Ея сущность не есть ни мышленіе, ни дѣятельность, но воззрѣніе и чувство. Она хочетъ созерцать, универсъ, она хочетъ съ благоговѣніемъ внимать ему въ его собственныхъ представленіяхъ и дѣйствіяхъ, въ дѣтской пассивности, она хочетъ охватить и наполнить себя его непосредственными вліяніями. Такимъ образомъ и метафизикѣ и морали она противоположна, во всемъ, что составляетъ ея сущность, и во всемъ, что характеризуетъ ея дѣйствія. Тѣ во всемъ универсѣ видятъ только человѣка какъ средоточный пунктъ всѣхъ отношеній, какъ условіе всего бытія и причину всего быванія; она хочетъ видѣть въ человѣкѣ не менѣе, чѣмъ во всемъ другомъ отдѣльномъ и конечномъ, безконечное, его отпечатокъ, его отображеніе. Метафизика исходитъ отъ конечной природы человѣка и изъ ея простѣйшаго понятія, и изъ объема ея силъ и ихъ воспріимчивости хочетъ опредѣлить съ сознаниемъ, чѣмъ можетъ быть для него универсъ и какъ онъ необходимо долженъ смотрѣть на него. Религія живетъ всею своею жизнію также и въ природѣ, но въ безконечной природѣ цѣлаго, одинаго и всеобщаго; какое значеніе имѣетъ въ ней все отдѣльное, а также и человѣкъ, и гдѣ все, а также и онъ могутъ дѣйствовать и пребывать въ

этомъ вѣчномъ броженіи отдѣльныхъ формъ и существъ, это въ отдѣльномъ она хочетъ созерцать и чувствовать съ тихою преданностію. Мораль исходитъ отъ сознанія свободы, царство которой она хочетъ расширить до безконечности и подчинить ей все; религія дышетъ тамъ, гдѣ сама свобода уже стала природою, она постигаетъ человѣка по ту сторону игры его особенныхъ силъ и его личности, и видитъ его изъ того пункта зрѣнія, гдѣ онъ долженъ быть тѣмъ, что онъ есть, чего онъ хочетъ или не хочетъ. Она показывается вамъ какъ необходимое и неизбѣжное третье по отношенію къ тѣмъ двумъ, какъ ихъ естественный противобразъ. Желаніе имѣть спекуляцію и практику безъ религіи есть безумное высокомеріе, дерзкая вражда противъ боговъ, кощунство Прометея, который коварно похитилъ то, чего бы могъ требовать и ожидать съ спокойною увѣренностію. Практика есть искусство, спекуляція—наука, религія—чувство и вкусъ для безконечнаго.

Созерцаніе универса, говоритъ Шлейермахеръ, есть самая всеобщая и наивысшая формула религіи, изъ которой въ точнѣйшимъ образомъ можете опредѣлить ея сущность и ея границы. Всякое созерцаніе исходитъ отъ вліянія созерцаемаго на созерцающаго, отъ первоначальнаго и независимаго дѣйствія перваго, которое послѣднимъ потомъ воспринимается, постигается и понимается согласно его природѣ. Если истеченія свѣта,—что происходитъ совершенно безъ вашего участія,—не коснулись вашего органа, если малѣйшія части тѣлъ не производили механическаго или химическаго воздѣйствія на концы вашихъ пальцевъ, если давленіе тяжести у васъ не открыло противодѣйствія и границы вашей силы, то вы не будете созерцать и ничего не воспріймете, а что вы созерцаете и воспринимаете, то не есть природа вещей, а ихъ дѣйствіе на васъ. Что вы знаете или думаете о ней, то находится далеко за областью созерцанія. Нѣтъ ни одного ощущенія, которое не было бы благочестивымъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда оно указываетъ на болѣзненное, поврежденное состояніе жизни. Каждое чувство, говоритъ Шлейермахеръ въ другомъ мѣстѣ, становится для насъ религіознымъ въ той мѣрѣ, въ какой на насъ вліяетъ и производитъ впечатлѣніе не единич-

ное нѣчто, какъ таковое, а въ немъ и съ нимъ цѣлое, какъ откровеніе Божества, и такимъ образомъ входитъ въ нашу жизнь не отдѣльное и конечное, но Богъ, въ Которомъ одномъ отдѣльное есть вмѣстѣ единое и все. Такова религія; универсъ находится въ непрерывной дѣятельности и открываетъ себя намъ въ каждый моментъ. Каждая форма, которую онъ производитъ, каждое существо, которому онъ по полнотѣ жизни даетъ обособленное бытіе, каждое событіе, которое онъ выдѣляетъ изъ своего богатаго и всегда обильнаго лона, есть дѣйствіе его на насъ; и такимъ образомъ воспринимать все отдѣльное какъ часть цѣлаго, все ограниченное какъ отображеніе безконечнаго, *это и есть религія*; но что хочеть большаго, что хочеть глубже проникнуть въ природу и субстанцію цѣлаго, то не есть болѣе религія и неизбежно опустится въ пустую миеологию, хотя она и хочеть за собою удержать видъ религіи. Такъ было съ религіею тогда, когда древніе, уничтожая ограниченія времени и пространства, на каждый особый видъ жизни во всемъ мірѣ смотрѣли какъ на дѣло и царство вездѣприсутствующаго существа; особый образъ дѣйствія универса они созерцали въ его единствѣ и такъ обозначали это воззрѣніе; религіею было то, когда для каждаго полезнаго событія, при которомъ вѣчные законы міра ясно отрывались въ случайномъ, они указывали Бога, которому оно принадлежало, особымъ именемъ, и строили ему особый храмъ; они имѣли въ виду дѣйствіе универса и такъ обозначали его индивидуальность и его характеръ. Религіею было то, когда они возвышались надъ хрупкимъ желѣзнымъ вѣкомъ міра, полнаго трещинъ и неровностей, и искали золотого на Олимпѣ среди веселой жизни боговъ; такъ созерцали они всегда возбужденную, всегда живую и радостную дѣятельность міра и его духа, за предѣлами всякаго измѣненія и всего кажущагося зла, которое вытекаетъ только изъ столкновенія конечныхъ формъ. Но когда они составили странную хронику о происхожденіяхъ этихъ боговъ или когда позднѣйшая вѣра проводитъ предъ нами длинный рядъ эманаций и рожденій, это—пустая миеология. Представлять всѣ событія въ мірѣ дѣйствіями единаго Бога, это—религія; она выражаетъ ихъ отношеніе къ безконечному

цѣлому, но уместовать о бытіи этого Бога до міра и внѣ міра можетъ быть хорошо и необходимо въ метафизикѣ, въ религіи же это будетъ только, пустою миеологіею, дальнѣйшимъ развитіемъ того, что является только вспомогательнымъ средствомъ представленія. Созерцаніе всегда есть нѣчто отдѣльное, — обособленное, непосредственное воспріятіе и — ничего болѣе; соединять и сопоставлять его въ одно цѣлое — есть уже дѣло не чувства, а абстрактнаго мышленія. Такова религія; она остается при непосредственныхъ опытахъ бытія и дѣйствованія универса, при отдѣльныхъ воззрѣніяхъ и чувствованіяхъ; каждое изъ нихъ есть дѣло само по себѣ существующее, безъ связи съ другими или зависимости отъ нихъ; о происхожденіи или связи она ничего не знаетъ. Не только отдѣльный фактъ или дѣйствіе, которое можно было бы назвать ея первоначальнымъ и первымъ дѣйствіемъ, но все въ ней непосредственно и само по себѣ истинно.

Созерцаніе безконечнаго и сознаніе безграничности универса, къ которому каждый относится вмѣстѣ съ другими, только какъ незначительная часть къ цѣлому, — вотъ чувство, которое должно охватывать каждого, кто дѣйствительно имѣетъ религію. Каждый долженъ сознавать, что его религія есть только часть цѣлаго, что относительно тѣхъ же предметовъ, которые производятъ на него религіозное воздѣйствіе, существуютъ взгляды, которые столь же благочестивы и всетаки совершенно отличны отъ его взгляда и что изъ другихъ элементовъ религіи создаются воззрѣнія и чувствованія, которыя, быть можетъ, для него совершенно недоступны. Такимъ образомъ изъ самаго понятія о религіи вытекаетъ благородная вѣротерпимость. Какъ несправедливо поэтому поступаете вы, когда обращаетесь къ религіи съ своими упреками, будто бы она ищетъ преслѣдованій и возгрѣваетъ ненависть, будто бы она разрушаетъ общества и проливаетъ кровь какъ воду. Жалуйтесь за это на тѣхъ, которые извращаютъ религію, которые наводняютъ ее философіею и хотятъ заключить ее въ оковы системы. Только отдѣльное и конечное могутъ разрушать другъ друга своимъ существованіемъ; въ безконечномъ же все существуетъ рядомъ невозмутимо, все есть одно и все есть истин-

но. Новый Римъ, безбожный, но послѣдовательный мечеть стрѣлы проклятiя и изгоняетъ еретиковъ; старый, по истинѣ благочестивый и религіозный въ высокой степени, былъ гостеприимнымъ по отношенiю ко всякому богу и такимъ образомъ былъ полонъ боговъ. Приверженцы мертвой буквы, которую отвергаетъ религія, наполнили мiръ крикомъ и шумомъ, истинные созерцатели вѣчнаго всегда были спокойными умами, потому что только стремленiе созерцать, когда оно направлено на безконечное, поставляетъ духъ въ безграничную свободу, потому что только религія, какъ созерцанiе, спасаетъ его отъ постыдныхъ оковъ мнѣнiя и страстей. Все, что существуетъ, для нея существуетъ необходимо, и все, что можетъ существовать, для нея есть истинный необходимый образъ безконечнаго. Такова религія: она есть единственный и заклятый врагъ всякаго педантизма и всякой односторонности, всякой замкнутости и всякаго однообразiя въ чувствованiяхъ.

Ко внѣшней природѣ, которая весьма многими считается первымъ и знаменитѣйшимъ храмомъ Божества, внутреннѣйшимъ святилищемъ религіи, я подвожу васъ, говоритъ Шлейсмахеръ, только какъ къ самому крайнему переднему двору ея. Ни страхъ предъ матеріальными силами, которыя вы видите дѣйствующими на этой землѣ, ни восхищенiе красотами тѣлесной природы не должны или не могутъ дать вамъ перваго созерцанiя вселенной и ея духа. Не въ громѣ неба и не въ страшныхъ волнахъ моря должны вы познавать всемогущее Существо, не въ глазури цвѣтовъ и не въ блескѣ вечерней зари—милсе и полное благодати. Можетъ быть, что страхъ и радостное наслажденiе подготовляли первоначально грубыхъ сыновъ земли къ религіи, но самыя эти ощущенiя не суть религія. Всѣ предчувствiя невидимаго, которыя пришли къ людямъ этимъ путемъ, были не религіозными, но философскими, не созерцанiями вселенной и ея духа—ибо это были только взгляды на необъятное и неизмѣримое частное, но изслѣдованiемъ и исканiемъ причины и первой силы. Цѣль религіи—любить мiровой духъ и созерцать его дѣйствiе, а въ любви страха нѣтъ. Благотворныя явленiя мiра также способны породить только сознанiе пользы, а не религію. Вообще же нужно за-

мѣтять, что пространство и масса не составляютъ вселенной и не суть матерія религіи; искать въ нихъ безконечность значить мыслить по-дѣтски. Когда еще и половины міровъ не было открыто, даже когда еще совсѣмъ и не знали, что свѣтящіяся точки суть міровыя тѣла, универсъ однако же созерцали не менѣе величественнымъ, какъ и теперь, а для пренебрегателей религіи также не было извиненія, какъ и теперь. Неужели въ этомъ отношеніи самое ограниченное тѣло не столь же безконечно какъ и всѣ тѣ міры? Что на самомъ дѣлѣ во внѣшнемъ мірѣ соотвѣтствуетъ религіозному чувству, это не массы его, а его законы. Возвысьтесь до взгляда, какъ они обнимаютъ все, величайшее и ничтожнѣйшее, міровую систему и пылинку, которая безпокойно носится въ воздухѣ, и тогда скажите: не созерцаете ли вы божественнаго единства и вѣчной неизмѣняемости міра? Что прежде всего воспринимаетъ простой глазъ отъ этихъ законовъ, это—порядокъ, въ которомъ повторяются всѣ движенія на небѣ и на землѣ, определенный вуть теченія звѣздъ и одномѣрное проявленіе всѣхъ органическихъ силъ, постоянная неуклонность въ ходѣ этого механизма, и вѣчное однообразіе въ стремленіи пластической природы. Но въ созерцаніи универса это есть именно наименьшее. Гармонія и красота стоятъ выше; безконечная полнота и богатство, изобиліе средствъ для проявленія универса, беззаботность и жизнерадостность всей природы ясно говорятъ о неистощимости и безграничности міра, какъ цѣлаго. Посмотрите на лиліи въ полѣ, онѣ не сѣютъ и не жнутъ, и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ; поэтому не заботьтесь. Этотъ жизнерадостный взглядъ, это пріятное легкое чувство было также и нѣчто наивысшее, даже единственное, что одинъ изъ величайшихъ героевъ религіи пріобрѣлъ изъ созерцанія природы для своей религіи. И это онъ нашелъ уже на ея переднемъ дворѣ! Но гораздо большую выгоду она доставляетъ намъ, потому что болѣе богатый вѣкъ дозволилъ намъ глубже проникнуть въ ея внутреннее существо; ея химическія силы, вѣчные законы, по которымъ образуются и разрушаются самыя тѣла, даютъ намъ возможность яснѣйшимъ и святѣйшимъ образомъ созерцать въ нихъ универсъ.

Но міръ самъ по себѣ, каковъ бы онъ ни былъ, всегда оставался бы для насъ чуждымъ, если бы онъ не находилъ для себя отголоска въ нашемъ сердцѣ. Универсъ отображается во внутренней жизни и только чрезъ эту внутреннюю жизнь становится уже понятною жизнь внѣшняя. Сердце, если оно должно родить и питать религію, въ свою очередь должно быть созерцаемо въ мірѣ. Но какъ это возможно? Позвольте мнѣ, говоритъ Шлейермахеръ своимъ слушателямъ, открыть вамъ тайну, которая сокрыта въ одномъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ поэтическаго искусства и религіи. Пока первый человѣкъ былъ одинокимъ, пока существовали только онъ и природа, Божество, конечно, управляло имъ, бесѣдовало съ нимъ различнымъ образомъ, но онъ не понималъ Его, ибо не отвѣчалъ Ему; его рай былъ прелестенъ, и съ прекраснаго неба блестяли ему звѣзды, но чувства къ міру въ немъ не являлось; оно не развивалось также и изъ внутренняго существа его души; но сильное влеченіе къ міру возбуждало его душу. Когда Божество познало, что Его міръ есть ничто, пока человѣкъ будетъ одинокимъ, Оно создало ему помощницу, и только тогда въ немъ пробудились живые и остроумные звуки, только тогда міръ возсталъ предъ его глазами. Въ плоти отъ плоти своей и въ кости отъ костей своихъ онъ открылъ человѣчество, а въ человѣчествѣ—міръ; съ этого момента онъ сталъ способнымъ слышать голосъ Божества и отвѣчать ему, и преступное нарушеніе его законовъ не исключило уже его изъ общенія съ вѣчнымъ Существомъ. Въ этомъ священномъ сказаніи представлена исторія каждаго изъ насъ. Напрасно существуетъ все для того, кто уединенно стоитъ самъ по себѣ; ибо чтобы созерцать міръ и чтобы имѣть религію, человѣкъ долженъ найти человѣчество, и онъ находитъ его только въ любви и чрезъ любовь. Человѣчество для насъ есть собственно универсъ, безконечное, но только на крыльяхъ религіи мы можемъ подняться до безконечнаго недѣлимаго человѣчества, и найти его въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ, въ которомъ открывается все человѣчество. Въ наукѣ, произведеніяхъ искусства и исторіи каждый можетъ созерцать безконечное, универсальное, недѣлимое. Но въ особености исторія

въ собственномъ смыслѣ есть наивысшій предметъ религіи,— она ею начинается и ею оканчивается, и въ ея области заключаются наивысшія и возвышеннѣйшія воззрѣнія религіи: геній человѣчества вѣченъ и неограниченъ ни пространствомъ, ни временемъ.

Созерцающій универсъ, безконечное, вѣчное, безпредѣльное, единое, человекъ невольно сознаетъ свое ничтожество предъ нимъ и въ этомъ-то соединеніи непосредственнаго созерцанія универса съ соотвѣтствующимъ ему настроеніемъ или чувствованіемъ и состоитъ, по Шлейермахеру, сущность религіи, а плодъ его—безпредѣльное смиреніе. Но если сущность религіи состоитъ въ соединеніи созерцанія съ чувствованіемъ, то ея цѣлью слѣдуетъ назвать стремленіе человека навсегда слиться съ безконечнымъ и всеединымъ. „Скоро и волшебнымъ образомъ, говоритъ Шлейермахеръ, отдѣльное явленіе развивается въ образъ универса. Такъ же, какъ оно, формируется любимымъ и всегда искомымъ образомъ, моя душа бѣжитъ къ нему на встрѣчу, я обнимаю его не какъ тѣнь, а какъ само священное Существо. Я лежу на лонѣ безконечнаго міра: въ этотъ моментъ я—его душа, ибо я чувствую всѣ его силы и его безконечную жизнь, какъ свою собственную, въ этотъ моментъ онъ—мое тѣло, ибо я проникаю его мускулы и его члены, какъ свои собственные, и его внутреннѣйшіе нервы движутся по моему чувству и моему предчувствію, какъ мои. Самое незначительное потрясеніе,—и развѣвается священное объятіе и предо мною стоитъ уже созерцаніе какъ обособленный образъ, я измѣряю его, и оно отражается въ открытой душѣ, какъ образъ вырвавшейся возлюбленной въ открытыхъ глазахъ юноши, и уже съ трудомъ изъ-внутри поднимается чувство и распространяется какъ краска стыда и радости по его щекамъ. Этотъ моментъ есть наивысшій цвѣтъ религіи. Если бы я могъ создать его вамъ, то я былъ бы богомъ. Онъ есть часъ рожденія всего живого въ религіи“.

Вотъ, собственно говоря, все, что было сказано Шлейермахеромъ о сущности религіи въ его „Рѣчахъ“. Станнымъ должно показаться, что во всемъ этомъ довольно пространномъ разсужденіи о религіи мы не встрѣчаемъ никакого указанія

на то, что составляетъ главное содержаніе каждой эмпирической религіи, начиная отъ религіи австралійскихъ дикарей и кончая религіею христіанскою. Мы говоримъ о Божественномъ откровеніи, Богѣ, какъ личномъ, живомъ и всесовершенномъ существѣ, и вѣрѣ въ личное безсмертіе человѣка. Шлейермахеръ предусматривалъ возможность такого возраженія и предупредилъ его. Такъ какъ религія есть лишь созерцаніе универса и вытекаетъ изъ чувства зависимости каждаго человѣка, то она не нуждается уже ни въ какомъ внѣшнемъ откровеніи,—ни въ ученіи, ни въ богодухновенности, ни въ пророчествахъ и чудесахъ, ни въ благодатныхъ средствахъ возрожденія. Всѣ эти явленія имѣютъ исключительно внутренній, субъективный характеръ и всецѣло зависятъ отъ человѣка, а не отъ посторонней причины. „Впрочемъ,—дѣлаетъ уступку Шлейермахеръ,—за исключеніемъ не многихъ избранныхъ, каждый человѣкъ нуждается въ какомъ либо посредникѣ, руководителѣ, который пробуждаетъ его чувство къ религіи изъ первой дремоты и даетъ ему первое направленіе, но это должно быть только переходнымъ состояніемъ; затѣмъ каждый долженъ видѣть собственными глазами и ежедневно долженъ увеличивать сокровища религіи, иначе онъ незаслуживаетъ мѣста въ ея царствѣ и дѣйствительно не получаетъ его. Вы имѣете право презирать тѣхъ скудныхъ богомольцевъ съ чужого голоса, которые производятъ свою религію всецѣло отъ кого либо другого, привязываются къ мертвому писанію, присягаютъ ему и доказываютъ изъ него. Каждое священное писаніе есть только мавзолей религіи, памятникъ того, что существовалъ великій духъ (ein grosser Geist), котораго болѣе нѣтъ; ибо если бы онъ жилъ и дѣйствовалъ, то придавалъ ли бы онъ столь великое достоинство мертвой буквѣ, которая можетъ быть только слабымъ отпечаткомъ его? Религію имѣетъ не тотъ, кто вѣруетъ въ священное писаніе, но тотъ, который не нуждается въ немъ и, пожалуй, самъ могъ бы создать таковое. И это ваше презрѣніе къ жалкимъ и безсильнымъ почитателямъ религіи, въ которыхъ она умерла уже до рожденія отъ недостатка питанія, доказываетъ мнѣ, что въ васъ самихъ есть способность къ религіи“.

О Божествѣ, говоритъ Шлейермахеръ, я дѣйствительно ничего не сказалъ, но потому, что вѣру въ Него я никогда не считалъ существеннымъ содержаніемъ и главною частью религіи. Божество для меня можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только отдѣльнымъ религіознымъ воззрѣніемъ. Каждый представляетъ Бога по своему. Для очень многихъ Богъ есть не что иное, какъ гений человѣчества. Но это понятіе Шлейермахеръ признаетъ менѣе возвышеннымъ, чѣмъ то, когда Бога считаютъ индивидуумомъ совершенно отличнымъ отъ человѣчества, единственнымъ экземпляромъ своего рода. Иная религія безъ Бога можетъ быть лучше, чѣмъ другая съ Богомъ. Вѣра въ Бога зависитъ собственно отъ направленія фантазіи человѣка. Спиноза ни чуть не унижилъ своей религіи тѣмъ, что не далъ въ ней мѣста личному Богу.

Что касается безмерія, говоритъ Шлейермахеръ, то я не могу скрыть, что способъ, какъ очень многіе люди признаютъ его, и ихъ сильное стремленіе къ нему совершенно нерелигіозны, даже противны духу религіи, а желаніе ихъ не имѣетъ другого основанія, кромѣ отвращенія къ тому, что есть цѣль религіи. По ученію Шлейермахера, безсмертіе человѣка состоитъ въ томъ, что его личность утрачиваетъ свои рѣзкія границы или очертанія, которыя расширяются до безконечности, чрезъ что самая личность сливается съ универсомъ, вѣчнымъ, неизмѣннымъ, и погружается въ него. Къ сожалѣнію, говоритъ Шлейермахеръ, очень многіе „становятся на дыбы“ противъ безконечнаго, они не хотятъ его, они не хотятъ ничего другого, кромѣ самихъ себя, и боязливо заботятся о своей индивидуальности; они не хотятъ ради универса пожертвовать своею индивидуальностію, а берегутъ ее лишь для себя. Но универсъ говоритъ имъ, какъ написано: кто потеряетъ свою жизнь ради меня, тотъ сохранитъ ее, а кто хочетъ сохранить ее, тотъ потеряетъ ее. Шлейермахеръ опасается поэтому, чтобы, гоняясь за личнымъ безсмертіемъ, котораго на самомъ дѣлѣ нѣтъ, люди не потеряли того, которое они могли бы имѣть. Въ самой конечности быть единымъ съ безконечнымъ и быть вѣчнымъ въ каждый моментъ жизни, — вотъ, по Шлейермахеру, безсмертіе религіозное!

Закончивъ ученіе Шлейермахера о религіи и ея сущности, изложенное въ его „Рѣчахъ“, мы невольно сравниваемъ его съ религіею эмпирическою, какою мы находимъ ее во всемъ родѣ человѣческомъ, какъ у дикарей, такъ и у культурныхъ народовъ, какъ въ язычествѣ, такъ и въ христіанствѣ, и также невольно приходимъ къ заключенію, что Шлейермахеръ говорилъ все время о чемъ то другомъ, но не о религіи. Главными составными частями каждой дѣйствительной религіи являются: живая вѣра въ бытіе личнаго Бога, съ Которымъ человѣкъ можетъ вступать въ сношеніе, отъ Котораго онъ можетъ получать откровеніе, наученіе, сверхъестественную помощь, заповѣди, руководящія его нравственною дѣятельностію и поведеніемъ, Которому онъ могъ бы молиться и предъ Которымъ онъ могъ бы изливать скорби своей души въ тяжкія минуты испытанія въ своей жизни. *Каждая* религія учитъ, что Богъ есть судія и мздовоздаятель, награждающій праведныхъ и наказующій злыхъ и притомъ—именно не столько въ земной жизни, сколько по ту сторону гроба. Ничего этого не знаетъ, какъ мы видѣли, Шлейермахеръ, на мѣсто живого и личнаго Бога поставившій свое *пантеистическое* начало—универсъ или безконечное.

Если разсматривать приведенное нами разсужденіе Шлейермахера само по себѣ, безъ всякаго отношенія къ дѣйствительной религіи, какою мы находимъ ее у различныхъ народовъ древняго и настоящаго времени, то мы легко замѣтимъ, что Шлейермахеръ говоритъ собственно не о религіи, не о религіозномъ самосознаніи или чувствованіи человѣка, а объ его *эстетическомъ созерцаніи* вселенной. Религіозное чувство онъ несомнѣнно смѣшалъ съ чувствомъ прекраснаго, сущность котораго дѣйствительно состоитъ въ спокойномъ и невозмутимомъ созерцаніи природы. Въ мѣсто слова „религія“ вставьте въ его расужденіе слово „чувство прекраснаго“ и вы получите одну изъ теорій эстетики, особенно напоминающую собою эстетическія возрѣнія древне греческаго философа Платона, котораго Шлейермахеръ на ряду съ Кантомъ и Спинозою предпочиталъ всѣмъ другимъ мыслителямъ древняго и новаго міра. Эту подмѣну религіознаго чувства эстетиче-

скимъ у Шлейермахера его ученые критики увидѣли уже давно. Ее отмѣчаетъ и профессоръ Кудрявцевъ. „Положимъ, говоритъ онъ, что реально существуетъ не въ насъ только, но и внѣ насъ, всецѣлое, какъ единство и гармонія въ многообразіи, что оно *способно* непосредственно дѣйствовать на насъ и возбуждаетъ соответственное чувство. Дѣйствительно ли это чувство будетъ специфически религіознымъ, то есть, чувствомъ полнѣйшей зависимости нашего я отъ абсолютнаго, дѣйствующаго въ законахъ природы и человѣчества? Въ этомъ позволительно усумниться; созерцаніе гармоніи природы, единства въ разнообразіи, созерцаніе абсолютнаго въ *этомъ* смыслѣ, скорѣе всего пробудитъ чувство самоудовлетворенности и наслажденія, чувство удивленія и восторга предъ величіемъ и законосообразностію вселенной, но менѣе всего чувство безусловной зависимости отъ всецѣлаго. Положимъ, и это чувство можетъ входить отчасти сюда, но только отчасти и стороною, но не составитъ существеннаго и единственнаго результата подобнаго міросозерцанія. Вообще чувство, возбуждаемое тѣмъ содержаніемъ, какое предполагаетъ для религіи Шлейермахеръ, скорѣе будетъ относиться къ сферѣ *эстетическихъ*, но *никакъ* не религіозныхъ чувствованій“.

Впрочемъ, чѣмъ высказывать свое рѣшительное сужденіе о достоинствахъ и недостаткахъ возрѣнія Шлейермахера на религію и ея сущность, какъ оно было изложено имъ въ его знаменитыхъ „Рѣчахъ“, мы сначала замѣтимъ, что отъ многихъ своихъ мыслей вынужденъ былъ впослѣдствіи отказаться даже и самъ Шлейермахеръ, признавая ихъ неосновательность и невѣрность. „Рѣчи“ Шлейермахера были встрѣчены современниками далеко неодинаково. Ими было удовлетворено только незначительное меньшинство. Современный Шлейермахеру романтическій поэтъ Фридрихъ фонъ *Гарденбергъ*, извѣстный болѣе подъ псевдонимомъ *Новалиса* (1772—1801), восторженно восхвалялъ ихъ и увлекался ими; *Шеллингъ* также былъ доволенъ ими и высоко ставилъ ихъ автора въ числѣ оригинальныхъ мыслителей. *Шлегель* держалъ себя двусмысленно. Но значительное большинство современниковъ Шлейермахера высказалось объ его „Рѣчахъ“ весьма неодобрительно.

Во главѣ недовольныхъ стояли даже такіе знаменитые мыслители какъ *Гегель*, *Фихте* и *Гёте*. Отказывая Шлейермахеру совершенно въ оригинальности, первый назвалъ его просто популяризаторомъ возрѣній Якоби, второй дѣлалъ ему упрекъ за то, что, слѣдуя Спинозѣ, онъ не всегда оставался ему вѣрнымъ и потому не только затемнилъ, но во многомъ и исказилъ чистое пантеистическое ученіе своего учителя. Но главное обвиненіе, которое ввозили на Шлейермахера его современники, состояло въ томъ, что онъ проповѣдуетъ атеизмъ и совершенно отрицаетъ самостоятельное значеніе религіи. Особенно энергично въ этомъ направленіи возсталъ противъ Шлейермахера прежній его другъ и покровитель, извѣстный апологетъ христіанства и придворный проповѣдникъ *Саккъ*. Искренно или неискренно, но Шлейермахеръ пришелъ въ смущеніе отъ этого обвиненія. Въ свое оправданіе онъ сталъ доказывать, что его не поняли, или намѣренно извратили прямой смыслъ его словъ. Впрочемъ, онъ сознавался и въ томъ, что нѣкоторыя изъ его выраженій должны быть признаны неточными. Какъ бы то ни было, но во второмъ изданіи своихъ „Рѣчей о религіи“ Шлейермахеръ многое подвергъ существенному измѣненію. Гдѣ въ первомъ изданіи стояло „универсъ“, во второмъ мы встрѣчаемъ уже слово „Богъ“, „Высочайшее Существо“, „высшее и абсолютное единство“, первоначальное и высшее бытіе“; вмѣсто слова „созерцаніе“—стоитъ слово „чувствованіе“; выраженіе „созерцать міръ“ замѣнено словами: „воспринять въ себя жизнь мірового духа“; во второмъ изданіи Рѣчей мы не встрѣчаемъ уже замѣчанія и о томъ, что „иная религія безъ Бога лучше, чѣмъ другая съ Богомъ“. Вслѣдствіе этого во второмъ изданіи Рѣчей взглядъ Шлейермахера на религію и ея сущность значительно видоизмѣняется; сущность религіи полагается уже не въ созерцаніи универса и даже не въ соединеніи этого созерцанія съ чувствованіемъ, а просто только—въ чувствованіи; а жизнь религіозная проявляется въ цѣломъ рядѣ такихъ чувствованій. Что это за чувствованія, Шлейермахеръ точнѣе не опредѣляетъ, оставляя такимъ образомъ въ силѣ свое прежнее утвержденіе, что всякое чувствованіе религіозно или благочестиво и что мѣра чувствованія есть вмѣстѣ и мѣра религіозности.

Еще болѣе уклоняется Шлейермахеръ отъ своего первоначальнаго взгляда на религію и ея сущность въ своемъ сочиненіи—„Діалектикѣ“¹⁾. Здѣсь онъ подвергаетъ критикѣ всѣ извѣстныя понятія о Богѣ—пантеистическое, дуалистическое, деистическое и теистическое и находитъ ихъ равно неудовлетворительными: пантеистическое потому, что не допускаетъ различенія Бога отъ міра, дуалистическое, какъ и деистическое—потому, что Богъ не является въ нихъ истинно абсолютнымъ, ограничиваясь міромъ или матеріею, теистическое—потому, что оно мыслитъ Бога существомъ личнымъ, а слѣдовательно, конечнымъ и ограниченнымъ. Вслѣдствіе этого Шлейермахеръ пришелъ къ заключенію, что Богъ вообще непостижимъ ни для теоретическаго познанія, ни для воли; Онъ не можетъ быть познанъ ни чрезъ познаніе, ни чрезъ сужденіе; Онъ доступенъ только нашему чувствуванію, какъ тождеству мышленія и воли. Но полагая сущность религіи въ чувствуваніи или непосредственномъ самосознаніи, Шлейермахеръ въ своей Діалектикѣ утверждаетъ уже, что для религіи необходимо и участіе мышленія или философіи, при помощи которой человѣкъ можетъ ближе опредѣлить характеръ религіознаго чувствуванія. Теперь оказывается, что сущность религіи, по Шлейермахеру, состоитъ именно въ чувствѣ безусловной зависимости человѣка отъ безконечнаго. Одному остался вѣрнымъ Шлейермахеръ и въ своей Діалектикѣ, это—пантеистическому пониманію отношенія между Богомъ и міромъ. И здѣсь міръ для него остался „совокупностію всѣхъ противоположностей“, „множественностію безъ единства“, а Богъ—„реальнымъ отрицаніемъ всѣхъ противоположностей“, „единствомъ безъ множественности“. Ясно, что цѣлое составляютъ только Богъ и міръ, взятыя вмѣстѣ; а потому Шлейермахеръ и здѣсь оставляетъ въ силѣ свое положеніе—„міръ не безъ Бога и Богъ не безъ міра“, т. е., положеніе о совмѣстномъ бытіи обоихъ“.

Въ третьемъ сочиненіи „Der christliche Glaube nach den Grundsätzen der evangelischen Kirche“ (Berlin, 1821—22)

¹⁾ Dialektik, 1839.

Шлейермахеръ остается вполне вѣрнымъ своему взгляду на сущность религіи, высказанному имъ уже въ Діалектикѣ. То, что есть общаго во всѣхъ различныхъ обнаруженіяхъ благочестія, говоритъ онъ, чѣмъ отличаются они отъ всѣхъ другихъ чувствованій, т. е., равная себѣ сущность благочестія есть не что иное, какъ то, что мы чувствуемъ себя безусловно зависимыми или—что то же—сознаемъ себя въ связи съ Богомъ. Поэтому можно сказать, что Богъ данъ намъ въ чувствованіи первоначальнымъ образомъ; когда же говорятъ о первоначальномъ откровеніи Бога въ людяхъ или въ отдѣльномъ человѣкѣ, то подъ этимъ всегда нужно разумѣть лишь то, что вмѣстѣ съ безусловною зависимою, присущею какъ человѣку, такъ и всему конечному бытію вообще, первому дано и непосредственное сознание таковой зависимости, обращающееся у него въ богосознаніе, и насколько это осуществляется въ теченіе временнаго развитія личности человѣка, настолько мы приписываемъ человѣку и благочестіе или религіозность. Религіозное чувство, какъ непосредственное сознание своей безусловной зависимости,—говоритъ Шлейермахеръ, излагая христіанское ученіе о „міросохраненіи“,—бываетъ наиболее совершеннымъ тогда, когда въ своемъ самосознаніи мы вполне отождествляемъ себя съ цѣлымъ міромъ и чувствуемъ себя зависимыми въ такой же мѣрѣ, какъ и міръ. Такое отождествленіе можетъ быть достигасмо однакоже лишь тогда, когда мы въ своемъ мышленіи сводимъ къ единству все отдѣльное и разъединенное въ явленіи и чрезъ это все представляемъ себѣ какъ цѣлое. Въ этомъ всеединствѣ конечнаго бытія заключается совершеннѣйшая и всеобщая связь природы, а слѣдовательно, когда мы сознаемъ себя конечнымъ и безусловно зависимымъ бытіемъ, тогда только совпадаютъ вполне—совершенное убѣжденіе въ томъ, что все безъ исключенія обусловлено и обосновано въ совокупной связи природы, и внутренняя увѣренность въ безусловной зависимости отъ Бога всего конечнаго бытія. А отсюда естественно слѣдуетъ съ одной стороны возможность религіознаго или благочестиваго самосознанія въ каждый моментъ объективнаго сознанія, а съ другой

стороны—возможность совершеннаго міросознанія въ каждый моментъ религіознаго или благочестиваго самосознанія.

Подводя теперь итогъ всему тому, что было высказано Шлейермахеромъ о сущности религіи, какъ чисто психологическаго факта, мы должны сказать, что сначала онъ полагалъ сущность религіи только въ соединеніи непосредственнаго созерцанія универса съ чувствованіемъ, не допуская въ этомъ никакого участія ни со стороны мышленія, ни со стороны воли человѣка; затѣмъ онъ полагалъ сущность религіи вообще въ чувствованіи всякаго рода, допуская нѣкоторое участіе со стороны познавательной способности или философіи; наконецъ, послѣднимъ мнѣніемъ его было то, что сущность религіи составляетъ чувство безусловной зависимости человѣка отъ безконечнаго или Бога.

Профессоръ Харьковскаго Университета, *Прот. Т. Буткевичъ*

(Окончаніе будетъ).

ОЧЕРКИ ИЗЪ ЖИЗНИ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ.

(Продолженіе *).

Великое исповѣданіе. Великое порученіе. Великое наставленіе.
Великое искушеніе. Великое рѣшеніе.

(Матѣ. XVI. 13—28; Марк. VIII. 27—IX. 1; Лук. IX. 18—27).

Если мы правильно опредѣляемъ мѣстоположеніе маленькой гавани, Далмануеы, въ окрестностяхъ Тарихей, то пророческое предостереженіе, сказанное тамъ, представляется въ еще болѣе странной связи съ его исполненіемъ. Изъ Далмануеы Господь нашъ переправился чрезъ озеро въ окрестности Кесаріи Филипповой. Отъ Кесаріи же Филипповой Веспасіанъ прошелъ чрезъ Тиверіадудо Тарихей. Городъ и народъ были тогда истреблены, кровью бѣглецовъ окрасились озера, а ихъ тѣлами были запружены его воды. Даже среди ужасовъ послѣдней іудейской войны немного было зрѣлищъ столь же страшныхъ, какъ это дикое сопротивленіе у Тарихей, окончившееся избіеніемъ 6,500 человекъ на сушѣ и на морѣ, и наконецъ коварной измѣной, вслѣдствіе которой люди, которымъ обѣщано было помилованіе, были заманены въ циркъ въ Тиверіадѣ, и въ это время слабые и престарѣлые, числомъ около 1200, были убиты, а остальные, свыше 30,400, проданы въ рабство (*Jos. Bell. jud. III. 10*¹⁾). Тотъ, кто предвидѣлъ и предсказывалъ такой странный конецъ, находясь на томъ мѣстѣ, могъ глубоко вздыхать, когда говорилъ съ людьми, просившими „зна-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1901 г. № 17.

¹⁾ Если бы это было только преувеличеніемъ въ разсказѣ эксъ-генерала Галлеявъ, *Иосифа*, то онъ заслуживалъ бы нашего презрѣнія.

менія“ и однако не видѣвшими и того, что могли видѣть даже и обыкновенные люди, наблюдавшіе зарю и сгустившіяся облака надъ своею головою.

Изъ Далмануэы, по озеру, а затѣмъ по равнинѣ, гдѣ такъ недавно были насыщены пять тысячъ, и близъ Внесаиды, дорога, по которой шли Христось и Его ученики, могла привести ихъ къ столицѣ тетрархіи Филиппа, древней Панаѣ, или, какъ она называлась тогда, Кесаріи Филлиповой. Это современный Вавіасъ. Путешествіе можно было совершить въ теченіе двухъ дней. Не было никакой надобности путешествовать по дорогѣ, по которой ходятъ теперь, чрезъ Сафедъ. Прямо къ сѣверу отъ озера Галилейскаго, на разстояніи около десяти миль, идетъ дорога къ верхнему Іорданскому озеру, теперь называемому *Гулахъ*, древнему Меромъ¹⁾. При восхожденіи отъ береговъ Геннисарета, сзади можно видѣть все озеро и затѣмъ Іорданскую долину. Предъ нами возвышаются горы; надъ ними къ западу—высоты Сафедъ; за этими послѣдними развертывающаяся равнина между двумя хребтами Антиливана; далеко за ними—Ермонъ съ своими двойными покрытыми снѣгомъ вершинами („Ермоны“) (Ис. ХІІ 7); а за нимъ далеко въ туманѣ величественный Ливанъ. Едва ли вѣроятно, чтобы Іисусъ Христось и Его ученики пошли по краю почти непроходимаго болота и чащи у озера Меромъ. Здѣсь Іисусъ Навинъ имѣлъ послѣднюю и рѣшительную битву противъ Іавина и его союзниковъ, послѣ которой сѣверная Палестина перешла во власть Израиля (Ис. Нав. ХІ. 1—5). Мы оборачиваемся къ сѣверу отъ озера и на западъ къ Кедесу, Кедешу Бевеалимову, упоминаемому въ Библии, родинѣ Варака. Мы теперь миновали известковыя мѣстности центральной Палестины и вступили въ среду залежей изъ чернаго базальта. Какъ прекрасно мѣстоположеніе этого древняго священническаго города убѣжища! Въ богатомъ наслѣдіи Бевеалима (Втор. XXXIII. 23) Кедесъ былъ однимъ изъ красивѣйшихъ

¹⁾ За подробными географическими свѣдѣніями и долженъ отослать къ сочиненіямъ *Stanley, Tristram's Budgeker's Palästina*. Ссылаться каждый разъ на пособія, изъ которыхъ мною заимствованы были свѣдѣнія, мнѣ не представлялось нужнымъ.

мѣсть. Взбираясь на крутой холмъ за болотами Мерома, мы имѣемъ предъ собою одну изъ богатѣйшихъ равнинъ, пространствомъ около двухъ тысячъ десятинъ. Затѣмъ проходимъ чрезъ масличную аллею и поднимаемся вверхъ до небольшого склона. Предъ нами на бугоркѣ, при подножіи коего вытекаетъ обильный водою источникъ, лежитъ древній Кедешъ.

На нашемъ пути къ Кесаріи Филипповой мѣстность очень однообразна. Около часа съ половиною дальше мы встрѣчаемся съ древней римской дорогой. Мы теперь среди виноградниковъ и тутовыхъ деревьевъ. Проходя чрезъ узкую роскошную аллею, мы восходимъ по скалистой горной пустынѣ. Здѣсь лѣсныя пчелы набираютъ роскошную взятку съ чинаръ. Съ высоты открывается прекрасный видъ на озеро Меромъ и Иорданскую долину; къ сѣверу—на снѣжные пики Ермона; къ востоку—одна высота за другой и къ западу—высоты, увѣнчанныя теперь только развалинами. Мы еще идемъ по высотѣ, затѣмъ спускаемся по крутому скату, минуя слѣва древній Авель-Бееъ Маахъ (2 Царствъ XX. 14), современный *Абиль*. Еще часъ ходьбы—и мы на равнинѣ, гдѣ соединяются всѣ источники Иордана. Видъ отсюда превосходенъ, а почва здѣсь весьма плодородна, пшеница совсѣмъ послѣдуетъ въ началѣ мая. Еще полчаса и мы пересѣкаемъ мостъ надъ свѣтлыми голубыми водами Иордана, или лучше Хасбани, который, среди дико растущихъ олеандровъ, жимолости, лимоновъ и дико растущихъ розъ, пѣнится по огромнымъ голышамъ между базальтовыми стѣнами. На разстояніи около получаса къ востоку въ сторонѣ—древній Данъ (современный Телль—Кадн), даже еще болѣе прекрасный и роскошный, чѣмъ то, что мы описывали прежде. Данъ расположенъ на холмѣ надъ равниной. На западной сторонѣ ея, подъ нависшей чашей олеандровъ и другихъ деревьевъ и среди массы базальтовыхъ камней, начинаются такъ называемые нижніе источники Иордана, выходящіе въ видѣ рѣчки изъ водоема въ шестьдесятъ шаговъ въ ширину и изъ маленькаго источника по близости. „Нижніе источники“ доставляютъ Иордану большую часть воды. А отъ Дана масличныя аллеи и дубовыя просѣки направляются вверхъ до Баниаса или Кесаріи Филипповой.

Мѣстоположеніе древней Кесаріи Филипповой (1,147 футовъ надъ уровнемъ моря) дѣйствительно великолѣпно. Ютась среди трехъ долинъ и на террасѣ въ углу Ермона, она почти скрывается изъ виду за утесами и лѣсами. „Повсюду дикое смѣшеніе каскадовъ, тутовыхъ деревьевъ, смоковницъ, струящихся ручейковъ, виноградныхъ гроздь, фонтановъ, тростниковъ и развалинъ. Пѣніе птицъ соединяется съ журчаніемъ водъ“ ¹⁾. Растительность и плодородіе окружающей мѣстности необычайны. Современная деревня Баніасъ находится въ стѣнахъ древней крѣпости, и развалины послѣдней показываютъ, что она въ древности простиралась далеко къ югу. Намъ слѣдуетъ описать наиболѣе замѣчательные пункты. Западная сторона крутой горы, увѣчанной развалинами древней крѣпости, представляетъ обрывистую скалистую стѣну. Здѣсь изъ огромной пещеры струится рѣчка. Это верховье Иордана. Пещера, древнее языческое святилище Пана, дала городу его древнѣйшее имя Паней. Здѣсь Иродъ, принимая тетрархію отъ Августа, выстроилъ въ честь его храмъ. На скалистой стѣнѣ по близости отъ этого мѣста можно и теперь видѣть посвятителныя ниши, одна изъ которыхъ имѣетъ греческую надпись: „жрецъ Пана“. Когда сынъ Ирода, Филиппъ, получилъ эту тетрархію, то расширилъ и весьма украсилъ древнюю Панею и назвалъ ее въ честь Августа Кесаріей Филипповой. Горная крѣпость (около 1000 футовъ выше Паней) занимаетъ мѣсто почти на часъ ходьбы по горѣ и отдѣлена глубокой долиной отъ передней части горы Ермонъ. Самая крѣпость (около двухъ миль отъ Баніаса) представляетъ изъ себя одну изъ наилучше сохранившихся развалинъ; ея огромныя перекосившіяся стѣны походятъ на древнія іерусалимскія крѣпости и свидѣтельствуютъ объ ея древности. Она расположена по неровностямъ горы и занимаетъ пространство около 1000 футовъ въ длину и 200 въ ширину. Восточная и высшая часть составляла, какъ въ Махеронѣ, Цитадель внутри крѣпости. Въ нѣкоторыхъ частяхъ скала поднимается выше стѣнъ. Виды прямо внизъ съ горныхъ утесовъ, на ближнія долины и отдаленныя мѣстности великолѣпны.

¹⁾ *Tristram, Land of Israel, p. 586.*

Столь подробное описаніе мѣстности во время путешествія Христа и вида и мѣстоположенія Кесаріи представится необходимымъ, когда мы вспомнимъ, какъ важны были совершившіяся событія тамъ или въ ближайшихъ окрестностяхъ. Господь теперь удалился съ Своими учениками именно въ этотъ преимущественно языческій, округъ, давъ отвѣтъ на послѣдній и рѣшительный вопросъ фарисеевъ. Здѣсь же вопросъ Христа, подобно жезлу Моисея, ударилъ по сердечнымъ струнамъ учениковъ и изъ устъ Петра заструились живыя воды исповѣданія. Могло быть, что скалистая стѣна внизу крѣпости, изъ подъ которой вытекаетъ Иорданъ, или же скала, на которой стояла самая крѣпость, послужили матеріаломъ для словъ Христа: „Ты Петръ, и на семь камнѣ Я создамъ Церковь Мою“¹⁾. Въ Кесаріи, или въ ея ближайшихъ окрестностяхъ²⁾, Господь провелъ, вмѣстѣ съ Своими учениками, шесть дней послѣ этого исповѣданія; и здѣсь, по близости, на одной изъ высотъ свѣжнаго Ермона, было мѣсто преображенія, свѣтъ котораго освѣщалъ постоянно въ сердцахъ учениковъ ихъ темный и трудный путь (2 Петр. I. 17, 18); и даже еще болѣе, онъ свѣтитъ и въ жизни и въ смерти, за могилой и судомъ, до появленія совершеннаго блеска дня—воскресенія.

Когда мы размышляемъ объ этомъ предметѣ, то намъ нисколько не представляется страннымъ,—напротивъ, все здѣсь совершенно мудро и весьма благодатно,—что такія обстоятельства имѣли мѣсто далеко отъ Галилеи и Израиля, въ уединеніи и великолѣпнн тѣнистаго Ермона и даже преимущественно среди языческаго населенія. Не въ Иудеѣ и даже не въ Галилеѣ, а вдали отъ храма, синагоги, священниковъ, фарисеевъ и книжниковъ было произнесено Церковью первое исповѣданіе и на немъ положено ея первое основаніе. Даже и это свидѣтельствовало о близости суда и осужденія нѣкогда Богомъ избранной еврейской церкви. И все это совершилось,

¹⁾ Такъ Деканъ *Стэнли*, съ обычной ему прелестью языка, хотя и не вполне правильно въ топографическомъ отношеніи (*Sinai and Palestine*, стр. 395).

²⁾ Ничто изъ вышесказаннаго не обязываетъ насъ думать, что слова исповѣданія Петра были сказаны въ самой Кесаріи. Мѣсто могло быть въ перспективѣ или приведено по памяти.

хотя и было божественно предуставлено, до самаго конца, въ естественной и правильной послѣдовательности событій. Повторимъ здѣсь кратко обстоятельства, изложенныя подробно въ предыдущихъ главахъ.

Нужно было оставить Капернаумъ. Галилейское служеніе Христа окончилось. вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельныя гоненія фарисеевъ изъ Иерусалима, изслѣдованія Ирода, руки котораго, окрашенныя кровью Крестителя, трепетно искали его великаго преемника, увеличивающаяся нерѣшительность и неспособность народа понимать ученіе Христа, а также и состояніе Его учениковъ—все это указывало на необходимость оставить Галилею. Затѣмъ слѣдовала „послѣдняя вечеря“ для Израиля на восточномъ берегу Геннисаретскаго озера, когда Израиль хотѣлъ объявить Его царемъ. Христосъ долженъ былъ теперь совсѣмъ удалиться изъ предѣловъ Израиля. Затѣмъ совершенно было полное чудесъ ночное путешествіе, произошла небольшая субботняя остановка въ Капернаумѣ, затѣмъ послѣдовали путешествіе чрезъ территоріи Тира и Сидона и кругомъ до Десятоградія, ученіе и исцѣленія тамъ, собраніе ко Христу народа и та „вечеря“, которою закончилось тамъ Его служеніе, и наконецъ—удаленіе въ Тарихею, гдѣ Его апостолы, какъ рыбаки озера, могли имѣть торговыя связи, потому что это мѣсто могло быть центральнымъ складомъ рыбы для продажи и приготовленія къ вывозу.

Въ этомъ отдаленномъ и неизвѣстномъ уголкѣ на пограничной линіи между землями евреевъ и язычниковъ совершился тотъ величайшій кризисъ въ исторіи міра, который запечатлѣлъ осужденіе Израиля и на его мѣсто поставилъ язычниковъ въ качествѣ гражданъ новаго Царства. Въ данномъ отношеніи также весьма знаменательно, что исповѣданіе Церкви было произнесено на территоріи, исключительно населенной язычниками, а преображеніе—на горѣ Ермонъ. Этотъ критическій моментъ былъ публично вызванъ фарисеями и саддукеями, требовавшими, чтобы Іисусъ подтвердилъ Свой мессіанскія права знаменіемъ съ неба. Мы не скажемъ слишкомъ многого, если будемъ утверждать, что ни совопросники Христа, ни даже Его ученики, не поняли Его отвѣта, и даже не

поняли и смысла Его „знаменія“. Фарисеямъ могло казаться, что Онъ побѣжденъ и только оставался при убѣжденіи въ истинности Своихъ божественныхъ правъ, не имѣя для нихъ никакихъ основаній. До тѣхъ поръ Онъ намѣренъ былъ (такъ могли думать люди, не понимавшіе Его ученія), доказать Свое мессіанское достоинство чудесами, которыя Онъ творилъ; а теперь, когда Его удалось уловить на Его собственной почвѣ, Онъ публично не принялъ вызова или, по крайней мѣрѣ, уклонился отъ него. Онъ потерпѣлъ значительную неудачу и почти сознался въ этомъ. Такъ по крайней мѣрѣ могло казаться людямъ, которые не понимали Его отвѣта и „знаменія“. Мы замѣчаемъ, что подобный же окончательный вызовъ былъ сдѣланъ Иисусу Христу и первосвященникомъ, когда онъ заклиналъ Его сказать, дѣйствительно ли Онъ Тотъ, за кого выдавалъ Себя. Его отвѣтъ былъ утвержденіемъ, а не доказательствомъ; и не будучи ничѣмъ подтвержденъ, какъ это могло казаться, могъ дать поводъ спрашивавшимъ Его считать Его богохульникомъ.

Но что сказать объ ученикахъ, которые, какъ мы видѣли, вѣроятно понимали „знаменіе“ Христа немногимъ лучше, чѣмъ фарисеи? Неудача, повидному испытанная Христомъ, который не осмѣлился принять вызова отъ Своихъ враговъ, должна была произвести нѣкоторое впечатлѣніе и на учениковъ, и это было не только само по себѣ естественно, но и обнаружилось еще изъ предостереженія Христа о закваскѣ, т. е., объ ученіи фарисеевъ и саддукеевъ. Что дѣйствительно этотъ оставленный безъ отвѣта вызовъ и подразумеваемое при этомъ пораженіе Иисуса произвели сильное и глубочайшее впечатлѣніе не въ Его пользу, это очевидно изъ позднѣйшаго требованія Его собственныхъ родственниковъ идти и опровергнуть фарисеевъ въ столицѣ Іудеи и доказать открыто, если было можно, Своими дѣлами, что Онъ былъ Мессія (Іоанн. VII. 1—5). Тѣмъ болѣе замѣчательнымъ представляется обращеніе Христа съ Своими учениками. Его требованіе отъ нихъ вѣры и воспитаніе ея въ нихъ. Нужно помнить, что Его послѣднія „странныя“ изреченія въ Капернаумѣ подали поводъ къ оставленію Его многими, бывшими до тѣхъ поръ Его учениками (Іоанн. VI. 60—66; срвн. Мате.

XV. 12). Несомнѣнно, что и это именно было уже испытаніемъ ихъ вѣры, что обнаруживается изъ самого вопроса Христа: „не хотите ли и вы отойти“? (Іоанн. VI. 67). Въ этомъ случаѣ Онъ милостиво и мудро обошелся съ ними, противопоставляя ихъ сомнѣніямъ, порожденнымъ тѣмъ, чего они не могли понять, весь ихъ прошедшій опытъ во время слѣдованія за Нимъ, который дѣлалъ ихъ способными выйти изъ затрудненія. Это же даетъ и намъ возможность отвѣчать на сомнѣнія, можетъ быть порождаемая нашею неспособностію понимать видимо непонятныя, странныя слова Христа, напр. слова Его о дарованіи Имъ Своимъ ученикамъ въ пищу Своей плоти, или о томъ, что Онъ есть хлѣбъ живой, спедшій съ небесъ. Когда была выставлена предъ учениками подобная альтернатива, то ужели бы они захотѣли, или могли, послѣ того, что они узнали о Немъ, отойти отъ Него? Въ этомъ случаѣ они вышли изъ затрудненія. Такъ и мы выходимъ изъ затрудненій, когда произносимъ слова, которыя почти походятъ на отчаянный вопль, но которыя однако суть вопль побѣды: „Господи! къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни“.

Всѣмъ послѣдовавшимъ только обновлялось и углублялось испытаніе вѣры, начатое въ Капернаумѣ. Мы лучше всего поймемъ все это, если будемъ наблюдать ходъ этого испытанія въ человѣкѣ, вѣра котораго, наконецъ, подверглась крушенію: въ Іудѣ Искаріотѣ. Не пытаясь заглядывать въ таинственную бездну сатанинскаго элемента въ его отступничество, мы можемъ однако прослѣдить, какимъ путемъ шелъ Іуда въ своемъ психологическомъ развитіи. Мы не должны смотрѣть на Іуду, какъ на чудовище, но—какъ на человѣка, одержимаго такими же страстями, какъ и мы. Правда, въ его душѣ преобладала страсть: корыстолюбіе. Но кажется, что послѣднее было только подчинено другой страсти, высшей и болѣе благородной—честолюбію. Первоначально воспламеняли воображеніе Іуды мысли о Царѣ Израильскомъ и заставили его слѣдовать за Мессіей. Постепенно усиливаясь, наступило разочарованіе. Царство Христово было совершенно другимъ царствомъ. Христосъ обладалъ совершенно инымъ царскимъ достоинствомъ

сравнительно съ тѣмъ, которое разжигало воображеніе Іуды. Такое чувство углублялось по мѣрѣ накопленія событій. Довѣріе Іуды страшно поколебалось, когда Креститель былъ обезглавленъ. Какая противоположность была здѣсь съ тѣмъ временемъ, когда, слыша голосъ Крестителя, предъ нимъ склонялись тысячи во Израилѣ, подобно деревьямъ во время бури! И вотъ все это кончилось ничѣмъ. Крестителю слѣдовало бы стать не за, а противъ Христа. Затѣмъ наступило дальнѣйшее разочарованіе, когда Іисусъ не захотѣлъ сдѣлаться царемъ. Почему же, если Онъ дѣйствительно былъ Царь? И такъ далѣе, постепенно, пока Іуда не опустился на самое глубокое дно. Іисусъ не хотѣлъ или не могъ,—что это значило?—дать отвѣта на публичный вызовъ со стороны фарисеевъ. Мы допускаемъ, что это случилось тогда, когда закваска распространилась и заквасила все въ сердцѣ и душѣ Іуды.

Повторяемъ, то, что такъ много и постоянно тревожило Іуду, не могло, какъ показываетъ предостереженіе Христа, не тревожить совсѣмъ и другихъ. Самое пребываніе съ ними Іуды должно было оказывать на нихъ свою долю вліянія. Какъ Христосъ долженъ былъ поступать при этомъ? Сначала они плыли молча по озеру и потомъ было дано имъ предостереженіе, которое заставило ихъ опасаться, какъ бы и малая закваска не испортила священнаго хлѣба, которымъ они привыкли питаться. Маловѣріе ихъ подлежало исправленію; вѣра ихъ должна расти и сдѣлаться сильною. И такимъ образомъ мы въ состояніи понять то, что слѣдовало потомъ. Послѣ уединенной молитвы,—несомнѣно за учениковъ (Лук. IX. 18),—имѣвшей отношеніе къ вызову со стороны фарисеевъ, „закваскѣ“, которая угрожала ученикамъ, Господь теперь напоминалъ имъ обо всемъ прошломъ, предложивъ имъ вопросъ, за кого считаютъ Его люди, народъ, видѣвшій Его и слышавшій слова Его. Даже и на народъ, видѣвшій Его, произведено было нѣкоторое впечатлѣніе. Онъ видѣлъ въ Немъ (по словамъ учениковъ) Лицо, отличное отъ всѣхъ остальныхъ лицъ; даже отъ всѣхъ обыкновенныхъ людей: Лицо, подобное Крестителю или Іліи; или какъ будто Онъ былъ однимъ изъ пророковъ, снова возвратившихся къ жизни. Но если даже

народъ обладалъ такимъ знаніемъ о Немъ, то что же думали о Немъ люди, всегда находившіеся при Немъ? Отвѣтилъ на этотъ вопросъ тотъ, который былъ наиболѣе дѣйствительнымъ и истиннымъ представителемъ Церкви, потому что въ немъ наибольшій опытъ трехъ самыхъ довѣренныхъ учениковъ соединился съ крайнею смѣлостію исповѣданія: „Ты Христосъ“.

И такимъ образомъ эта закваска фарисейская была уничтожена! Однако не вполнѣ. Потому что тогда же Христосъ заговорилъ съ Своими учениками о Своихъ страданіяхъ и смерти, и сопротивление Петра показало, какъ глубоко проникла въ учениковъ эта закваска. Затѣмъ Христосъ раскрылъ великій контрастъ, существующій между людьми, мыслящими о дѣлахъ людскихъ и о божественномъ, далъ предостереженіе, которое при этомъ подразумевалось, и указалъ на необходимость нести крестъ уничтоженія. Это и должны были дѣлать лица, желавшія быть Его учениками. Здѣсь, слѣдовательно, споръ о „знаменіи“, или лучше—вызовъ доказать мессіанское достоинство былъ перенесенъ изъ умственной сфѣры въ нравственную и такимъ образомъ разрѣшенъ. Еще протекло шесть дней спокойнаго ожиданія и роста вѣры и она получила отвѣтъ, была вознаграждена, увѣнчана и усовершенствована видѣніемъ на горѣ преображенія. Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ все совершившееся было воспринято только очами, отяжелѣвшими отъ сна.

Но довольно выяснять общее значеніе этихъ событій. Мы теперь приготовились къ лучшему уразумѣнію ихъ подробностей. Конечно, не ради удовлетворенія личныхъ цѣлей, а ради того, чтобы обратить вниманіе на впечатлѣніе, произведенное даже на народъ, исправить то, что было при этомъ неясно и недостаточно, и довести апостоловъ до высшихъ понятій, Христосъ спросилъ ихъ о томъ, что думали о Немъ люди. Различіе мнѣній среди нихъ служило не только доказательствомъ ихъ неспособности усвоить себѣ истинный взглядъ на Христа, но и многосторонности Его ученія. Наше предположеніе, что общественное мнѣніе не указывало на Христа буквально, какъ на Крестителя, Ілію, Іеремію, или на одного изъ давно умершихъ пророковъ, едва ли не должно считаться справедливымъ. Потому что хотя и существовало ожиданіе буквально новаго

появленія Іліи и вѣроятно Іереміи ¹⁾, фарисеи однако не учили переселенію душъ, а іудеи не вѣрили въ него. Кромѣ того, никто не ожидалъ возвращенія къ жизни какого нибудь изъ другихъ древнихъ пророковъ и никто не могъ серьезно думать, что Іисусъ былъ буквально Іоаннъ Креститель, потому что всѣмъ было извѣстно, что они были современники ²⁾. Народное мнѣніе скорѣе могло означать, что нѣкоторые видѣли во Христѣ продолжателя дѣла Іоанна, какъ возвѣщающаго и приготовляющаго путь для Мессіи, или, если они не вѣрили въ Іоанна,—то дѣла Іліи. Для другихъ же Іисусъ казался вторымъ Іереміей, возвѣщающимъ горе ³⁾. Израилю и призывающимъ къ замедленному покаянію; или же однимъ изъ тѣхъ древнихъ пророковъ, которые говорили о близкомъ судѣ и о грядущей славѣ. Но какъ бы ни были различны мнѣнія объ этомъ предметѣ, въ одномъ всѣ были согласны, что Іисусъ былъ необыкновенный человекъ или учитель, что Его миссія отличалась небеснымъ характеромъ, и, увы! были согласны также и въ томъ, что Онъ не былъ Мессіей. Такъ далеко, слѣдовательно, отставало общественное мнѣніе и такъ много успѣха имѣли фарисеи.

Слова, съ которыми Іисусъ Христосъ, отъ мнѣнія „людей“,

1) Я признаюсь, впрочемъ, что сильно сомнѣваюсь въ этомъ пунктѣ. Легенды о сокрытіи скинии, ковчега и каменнаго жертвенника на горѣ Нево Іереміей связывались, правда, съ ожиданіемъ, что они будутъ возвращены во времена Мессіи (2 Макк. II, 1—7); но въ стихѣ 8 ясно говорится, что Самъ „Господь“, а не пророкъ, уважаетъ мѣсто, гдѣ они сокрыты. Мнѣніе декана *Пломтра*, что фарисеи держались ученія о переселеніи душъ, а іудеи вѣрили въ него, должно быть, возникло изъ неправильнаго пониманія словъ Іосифа, ссылка на которыя нами уже была сдѣлана въ гл. о „фарисеяхъ, саддукеяхъ и ессеяхъ“. Первое ясное упоминаніе о новомъ появленіи Іереміи вмѣстѣ съ Іліей для восстановленія ковчега и проч. находится у *Josippon ben Gorion* (Lib. I, с. 21); но здѣсь также только въ код. *Мюнстер.*, а не въ томъ, какимъ пользовался *Брейтаунтъ*. Время написанія сочиненія *Іосиппона* спорно; съ вѣроятностію можно думать, что оно написано не ранѣе десятаго столѣтія нашей эры. Единственное другое свидѣтельство о новомъ появленіи Іереміи въ 4 Ездр. (2 Ездр. II, 18). Но книга эта написана послѣ Р. Х., а въ этомъ отдѣлѣ ея заимствованія изъ христіанской письменности особенно ясны.

2) О неопредѣленныхъ опасеніяхъ Ирода см. т. I, стр. 842.

3) Видѣніе Іереміи во снѣ считалось признакомъ приближающихся бѣдствій (Бер. 57 b, строка 7 сверху).

обратился къ ученикамъ, чтобы вызвать вѣру въ нихъ: „а вы за кого почитаете Меня?“ были произнесены съ особеннымъ удареніемъ. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что предыдущій вопросъ былъ также подчеркнутъ употребленіемъ члена (въ подлинникѣ): „за кого *люди* почитаютъ Меня?“ (Марк. VIII, 27, 29). Въ одно мгновеніе послышались изъ устъ Петра, по внушенію силы Божіей, слѣдующія слова: „Ты Христосъ (Мессія), Сынъ Бога Живаго“ (Матѳ. XVI, 16). Св. Златоустъ прекрасно называетъ Петра „устами апостоловъ“. Мы припоминаемъ въ той же связи и слова апостола Павла, проливающія свѣтъ на представительный характеръ исповѣданія Петра по отношенію къ Церкви и отсюда на смыслъ отвѣта Христа и такое же представительное его приложеніе: „устами исповѣдуются ко спасенію“ (Рим. X, 10). Слова исповѣданія приведены съ нѣкоторыми различіями у трехъ евангелистовъ. Но нашему мнѣнію самая краткая формула (ев. Маркъ) „Ты Христосъ“, содержитъ въ себѣ столько же смысла, сколько и самая полная (ев. Матѳей): „Ты Христосъ, Сынъ Бога Живаго“. Мы можемъ понять, какимъ образомъ послѣдняя была усвоена и представлялась самою вѣрною, точною и удобною въ евангеліи, первоначально написанномъ для іудеевъ. Здѣсь мы замѣтимъ, что слова Христа въ самой точной формѣ повидимому приведены въ евангеліи отъ Луки: ученики почитали Иисуса „за Христа Божія“.

Говоря это, мы не ослабляемъ, а только усиливаемъ важность этого славнаго исповѣданія. Потому что, во первыхъ, мы должны имѣть въ виду, что исповѣданіе: „Ты Христосъ“ добавляется словами: „Ты Сынъ Бога Живаго“. Если, согласно евангеліямъ, мы вѣримъ, что Иисусъ былъ истиннымъ Мессіей, обѣщаннымъ Отцамъ, — былъ „Христосъ Божій“, то мы не можемъ не вѣрить, что Онъ есть и „Сынъ Бога Живаго“. И писаніе и разумъ показываютъ, что на основаніи существующихъ посылокъ можно сдѣлать только такое заключеніе. Но, далѣе, мы должны разсматривать такое исповѣданіе, если бы оно и было даже дано по внушенію божественной силы, въ его исторической связи. Слова были таковы, какія Петръ былъ въ состояніи произнести въ то время и какія ученики въ со-

стояннiи были понять. Кромѣ того, въ этихъ словахъ должна была выразиться ясная связь съ прошедшимъ, и однако возвышенiе надъ нимъ. Всѣмъ этимъ условiямъ удовлетворяетъ взглядъ, нами здѣсь принятый. *Полное* знанiе, въ смыслѣ дѣйствительнаго пониманiя того, что Иисусъ былъ Сынъ Живаго Бога, усвоено было учениками только послѣ воскресенiя (Ср. Рим. I, 4). Прежде исповѣданiя Петра, бывшiе въ лодкѣ, видѣвшiе Его шествiе по водамъ, сказали Ему: „во истину Ты Сынъ Божiй“ (Матѣ. XIV, 33). Но это не имѣло того смысла, въ какомъ хорошо освѣдомленный, вѣрующiй iудей могъ привѣтствовать Его, какъ Мессiю и „Сына Бога Живаго“, обозначая этимъ и Его служенiе, и Его природу въ ихъ взаимномъ сочетанiи. Далѣе, самъ Петръ исповѣдалъ Христа, когда, послѣ Его рѣчи въ Капернаумѣ, многiе ученики отреклись отъ Него. Петръ сказалъ тогда: „мы увѣрвали и знаемъ, что Ты Святый Божiй“ (Иоанн. VI. 69)¹⁾. Безъ всякаго объясненiя видно, что эти слова находятся въ связи съ словами этого послѣдняго и окончательнаго исповѣданiя Петра, въ которомъ онъ призналъ Иисуса „за Христа Божiя“ и вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ, на огромный шагъ впередъ, сдѣланный апостоломъ.

Чѣмъ ближе мы вникаемъ въ смыслъ этого исповѣданiя, тѣмъ возвышеннѣе оно представляется намъ. Мы видимъ въ немъ шагъ впередъ въ жизни Петра; мы наблюдаемъ въ немъ воспроизведенный контрастъ съ вызовомъ фарисеевъ, послѣдовавшiй скоро вслѣдствiе прочувствованной опасности отъ ихъ закваски. Мы обращаемъ также вниманiе и на неизмѣримое почти разстоянiе этого исповѣданiя отъ оцѣнки наилучше расположенныхъ ко Христу лицъ среди народа. Въ словахъ этого исповѣданiя Петръ сознательно сталъ на твердое основанiе, признавъ въ Иисусѣ Мессiю. Все остальное подразумевалось въ этомъ и могло слѣдовать изъ него. Это было первое дѣйствительное церковное исповѣданiе. Мы можемъ понять, почему оно слѣдовало за уединенной молитвой Христа (Лук. IX. 18), мы едва-ли можемъ сомнѣваться—о томъ самомъ

¹⁾ Таково правильное чтенiе.

откровеніи отъ Отца, которое Господь послѣ съ радостію призналъ въ словахъ Петра.

Отвѣтъ Спасителя приводится только ев. Матеемъ. Оупущеніе его ев. Маркомъ можетъ быть объяснено обстоятельствомъ, что св. Петръ самъ сообщалъ свѣдѣнія объ этомъ отвѣтѣ. Отсутствіе его въ ев. Марка и Луки ¹⁾ показываетъ (о чемъ замѣчаетъ *Беза*), что никогда не предполагалось ставить его въ основаніе столь важной доктрины, какъ доктрина о постоянномъ первенствѣ въ Церкви св. ап. Петра. Но если бы первенство и принадлежало самому апостолу, то и отсюда никакъ не слѣдовало бы, что оно простирается и на преемниковъ св. Петра, или что римскій папа есть его преемникъ. Твердыхъ же доказательствъ, что ап. Петръ былъ когда-либо епископомъ въ Римѣ, нѣтъ. Полагая, поэтому, что догматическіе выводы изъ извѣстнаго толкованія словъ Христа, сказанныхъ Петру, крайне несостоятельны, мы можемъ однако, нисколько не боясь впасть въ вѣроисповѣдное заблужденіе, изслѣдовать ихъ смыслъ. Вся эта формула отличается еврейскимъ характеромъ. „Блаженъ ты“—это еврейское слово по духу и формѣ. Обращеніе: „Симонъ, сынъ Іонинъ“ показываетъ, что Христосъ говорилъ по арамейски. Дѣйствительно, было бы неудобно, если бы іудейскій Мессія, въ часъ, когда Его признали Мессіей, отвѣчалъ бы Своему іудейскому исповѣднику по—гречески. Наконецъ, выраженіе: „плоть и кровь“ въ противоположеніи ихъ Богу, встрѣчается не только въ сочиненіи, написанномъ строго-іудейскимъ авторомъ, именно въ книгѣ Премудрости Іисуса, Сына Сирахова (Сир. XVI. 18; XVII. 31)), и въ писаніяхъ св. ап. Павла (1 Кор. XV. 50; Гал. I. 16; Ефес. VI. 12), но и въ почти безчисленныхъ мѣстахъ іудейскихъ писаній, и служитъ для обозначенія чело-вѣческой природы въ ея противоположности божественной. Откровеніе же такой истины „Отцемъ, сущимъ на небесахъ“, представляется не только согласнымъ съ ветхо—и ново-завѣтнымъ ученіемъ, но и высказано языкомъ, знакомымъ для іудейскаго слуха.

¹⁾ Здѣсь не могло быть никакой анти-петровской тенденціи, потому что слово опускается также и въ написанномъ подъ влияніемъ ап. Петра евангеліи Марка.

Не менѣе іудейскими по формѣ представляются и послѣдующія слова Христа: „ты Петръ (*Petros*), и на этомъ камнѣ (*Petra*) Я создамъ Церковь Мою“. Въ подлинникѣ мы отмѣчаемъ измѣненіе мужскаго „*Peter*“ (*Petros*) въ женскій „*Petra*“ („камень“), что представляется тѣмъ болѣе замѣчательнымъ, что въ греческомъ *petros* употребляется для обозначенія „каменя“, а иногда и „скалы“, между тѣмъ какъ *petra* всегда означаетъ „скалу“. Измѣненіе рода должно было, поэтому, имѣть опредѣленную цѣль. Послѣдняя будетъ вскорѣ объяснена. Припомнимъ, что когда Петръ впервые пришелъ ко Христу, то Господь сказалъ ему: „ты наречешься Кіеа, что значитъ камень (*Petros*, камень, или скала) (Іоан. I, 42); при этомъ поставлено арамейское Кіеа означающее, подобно слову Петръ, и „камень“ и „скалу“. Греческія *петросъ* и *петра* перешли (какъ уже было сказано) въ нарѣчіе раввиновъ. Такимъ образомъ имя *Петръ*, или лучше *Петросъ*, есть іудейское и встрѣчается, напр. въ качествѣ имени отца одного извѣстнаго раввина (Іосе баръ Петросъ) (Песикта, ед. *Vuber*, стр. 158 а, строка 8 снизу). Когда, поэтому, Господь пророчески наименовалъ Петра Кіеой, то могло быть, что въ этомъ случаѣ Онъ только пророчески истолковалъ прежнее имя его Петръ. Это представляется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что, какъ мы прежде видѣли, въ Галилеѣ существовалъ обычай называться двумя именами, особенно когда строго іудейское имя, напр. Симонъ, не имѣло никакого соотвѣтствующаго ему имени среди язычниковъ ¹⁾. Далѣе, греческое слово *петра*, скала (на этой скалѣ—*петра* созижду Церковь Мою) употреблялось въ томъ же самомъ смыслѣ и раввинами. Оно встрѣчается дважды въ мѣстѣ, которое съ такой полнотою иллюстрируетъ употребленіе у іудеевъ не только самаго слова, но и всего фигуральнаго выраженія, что заслуживаетъ того, чтобы мы и привели его здѣсь. По іудейскимъ представленіямъ міръ не былъ бы сотворенъ, если бы не покоился, какъ бы на нѣкоторомъ твердомъ основаніи, на благочестіи и принятіи божественнаго закона. Другими словами, была надобность въ су-

¹⁾ Такъ напр., Андрей и 'Ανδρέας в (Ανδ(ε)ραν)=„Мужественный“, „смѣлый“. Фамилія (Ανδ(ε)ραν упоминается въ Іер. Кетуб. 33а.

ществованіи нравственнаго основанія, прежде, чѣмъ міръ получилъ физическое. Здѣсь равнины противоплагаютъ языческій міръ Израилю. Комментарій говоритъ, что какой-то царь вышелъ построить городъ. Были изслѣдованы разныя мѣста для зданія; но когда начинали копать землю, то постоянно находили воду. Наконецъ строители наткнулись на скалу (*petra*). Такъ и Богъ, когда хотѣлъ создать міръ, то не могъ воздвигнуть его ни въ поколѣніе Еноха, ни въ поколѣніе потопа, который былъ причиною разрушенія міра; но когда Онъ узналъ, что въ будущемъ явится Авраамъ, то сказалъ: вотъ Я нашелъ скалу (*петра*) и на ней построю и создамъ міръ". Поэтому Авраамъ и названъ скалой (*Цуръ*), какъ сказано (Исаи LI. 1): взгляните на скалу, изъ которой вы иссѣчены (Ялкупъ на Числь XXIII. 9, т. I, стр. 243, *b*, послѣднія 6 строчекъ, и *c*, первая 3 строчки ¹⁾). Параллель между Авраамомъ и Петромъ можетъ быть проведена и еще дальше. Если, вслѣдствіе ложнаго пониманія даннаго Господомъ Петру обѣщанія, позднѣйшая христіанская легенда представляла апостола сидящимъ у небесныхъ вратъ, то іудейская легенда представляетъ Авраама сидящимъ у воротъ геенны, чтобы помѣшать всѣмъ, имѣющимъ знакъ обрѣзанія, упасть въ ея бездну (Эруб. 19 *a*; Бер. Р. 48 ²⁾). Чтобы пополнить этотъ очеркъ, скажемъ, что въ одной любопытной іудейской легендѣ объ апостолѣ Петрѣ, Петръ всегда называется Симономъ Киѳой, причемъ встрѣчается и нѣкоторое воспоминаніе о смыслѣ, какой соединенъ былъ съ его именемъ въ словахъ Іисуса Христа. Именно, такъ называется, что послѣ смерти Петра была выстроена церковь и башня, которая названа Петръ; „такъ назывался камень, потому что онъ сидѣлъ на этомъ камнѣ до самой своей смерти“ ³⁾.

¹⁾ То же самое встрѣчается въ Шем. Р. 15; только тамъ не одинъ Авраамъ, а и „отцы“ суть „скалы“ (употреблено не *петра*, а *цуръ*), на которыхъ зиждетъ міръ.

²⁾ Существовала странная идея объ іудейскихъ дѣтяхъ, умершихъ необрѣзанными, и грѣшникахъ во Израилѣ, пзмѣнившихъ свои взгляды на обрѣзаніе. Не могло ли это представляться уму св. ап. Павла, когда онъ писалъ Римл. II. 25, 26, послѣднее предложеніе?

³⁾ Читатель не затруднится отнести это выраженіе къ царскому престолу, можетъ быть къ „каедрѣ св. Петра“. Это отношеніе перемѣнено со смысломъ имени Петра.

Но продолжимъ то, что начали. Предполагая, что Иисусъ Христосъ говорилъ Петру на арамейскомъ языкѣ, мы можемъ теперь понять, почему были съ намѣреніемъ употреблены Христомъ слова *Петросъ* и *Петра*. Выборъ ихъ служилъ для обозначенія различія. Можетъ быть все это лучше всего было бы выразить въ слѣдующемъ, нѣсколько неуклюжемъ, парадфразѣ: „ты Петръ (Петросъ),—камень или скала,—и на этой Петрѣ, скалѣ, твердынѣ, Я создамъ Церковь Мою“. Если, слѣдовательно, намъ и нельзя было бы вполне относить слова Христовы только къ исповѣданію Петра, то мы могли бы безъ колебаній приложить ихъ къ тому, что было отличительной характеристикой Петра: къ данной ему съ неба вѣрѣ, выразившейся въ его исповѣданіи ¹⁾. Тогда намъ сдѣлалось бы понятнымъ и дальнѣйшее, именно: современники Христа могли смотрѣть на міръ, какъ на воздвигнутый на скалѣ вѣры Авраама, такъ и Христосъ обѣщаль, что Онъ создастъ Свою Церковь на томъ, что было свойственно въ особенности Петру, на его вѣрѣ и исповѣданіи. Да и терминъ „церковь“ не могъ представляться страннымъ для іудейскаго слуха. Греческое слово (*ἐκκλησία*), эквивалентное еврейскому кагалъ, „собраніе“ „избраніе“ ²⁾, встрѣчается въ переводѣ LXX ветхаго завѣта, и въ Премудрости Иисуса, Сына Сирахова (Сир. XXIV. 2), и находилось повидимому во всеобщемъ употребленіи (Дѣян. VII. 38, и даже Матѣ. XVIII. 17). Въ еврейскомъ словоупотребленіи оно относилось къ Израилю, не къ его національному, а къ религіозному единству. Въ ев. отъ Матѣя въ этомъ словѣ могло содержаться пророчество, что ученики Христа будутъ соединены со временемъ въ одно общее единство; что религіозное единство, или „Церковь“ будетъ зданіемъ, строителемъ котораго будетъ Христосъ; что оно будетъ воздвигнуто на свойственныхъ Петру, полученныхъ имъ съ неба, вѣрѣ и исповѣданіи; и что это религіозное единство, эта Церковь, не будетъ существовать временно, подобно философской школѣ, но продолжится и послѣ смерти, и въ безтѣлесномъ состояніи;

1) Другіе думаютъ, что (а) Христосъ здѣсь указалъ на Себя, какъ на скалу; (б) или на Петра, и именно на его личность; (в) или на исповѣданіе Петра.

2) Другое слово есть Эда. Ср. Bible Histor. vol. II, стр 177, прим.

что, и относительно Христа, и Его Церкви, врата адовы ¹⁾ не одолѣютъ ихъ.

Если смотрѣть на Церковь, какъ на зданіе, основанное на исповѣданіи Петра ²⁾, то нужно считать не измѣненіемъ, а продолженіемъ той же самой метафоры, что Христосъ обѣщалъ Петру, говорившему въ качествѣ представителя отъ апостоловъ, „домостроителей тайнъ Божіихъ“, „ключи царства небснаго“. Потому что какъ религіозное единство Его учениковъ, или Церковь, было образомъ „царскаго управленія на небѣ“, такъ, фигурально, и входъ во врата этого зданія былъ образомъ подчиненія установленіямъ Божиимъ, тому царству, въ которомъ Христосъ царь. Мы знаемъ, какъ, въ спеціальномъ смыслѣ, это обѣщаніе исполнилось относительно Петра. Онъ первый произнесъ свое исповѣданіе отъ лица Церкви, и ему же предоставлено было и почетное право первому открыть прежде затворенныя врата въ Церковь для язычниковъ; Богъ избралъ его орудіемъ, чтобы, при помощи его проповѣди, язычники впервые услышали евангельское слово (Дѣян. XV, 7) и по его приглашенію впервые крестились (Дѣян. X. 48).

Если до сихъ поръ мы видѣли, что сказанное Господомъ Петру, хотя и безконечно превосходило іудейскія понятія, было, однако, въ своемъ выраженіи и даже образѣ мысли, совершенно удобопріемлемо для іудейскаго ума, и даже представлялось знакомымъ іудеямъ настолько, что, какъ бы по хорошо высѣченнымъ ступенямъ, они могли восходить къ высшей святинѣ, то и трудныя слова, коими Господь закончилъ Свою рѣчь, могутъ быть прочитаны въ томъ же свѣтѣ. Потому что, конечно, при объясненіи словъ Христа Петру, первый вопросъ заключается въ томъ, что въ этомъ отвѣтѣ сообщалось лицу, которому дано было обѣтованіе. Въ связи съ этимъ мы должны напомнить, что никакіе другіе термины

¹⁾ Важно замѣтить, что здѣсь употреблено слово *hades*, а не *geenna*. Деканъ *Plumptre* обращаетъ вниманіе на іудейскій характеръ такого пророчества, произнесеннаго въ то время, когда все повидимому предвѣщало паденіе.

²⁾ Тѣ, которые прилагаютъ слова: „на семь камнѣ“ и проч. къ Петру или ко Христу должны чувствовать, что они вводятъ отрывистый и не элегантный переходъ отъ одной фигуры къ другой.

не употреблялись такъ постоянно въ раввинскомъ каноническомъ правѣ, какъ „связываніе“ и „разрѣшеніе“. Они представляютъ изъ себя буквальный переводъ еврейскихъ равнозначущихъ *асаръ*, что значитъ „связывать“ въ смыслѣ запрещать, и *гиттиръ*, что значитъ „разрѣшать“ въ смыслѣ дозволять. Употребляется для означенія послѣдняго и еще терминъ: *шера* или *шери*. Но это выраженіе на языкѣ таргума и талмуда не только эквивалентно слову дозволять, но и имѣетъ дальнѣйшее значеніе: оставлять или прощать. Съ другой стороны, „связываніе и разрѣшеніе“ просто относительно вещей или дѣйствій, запрещая или дозволяя ихъ, объявляло ихъ законными или незаконными. Это было однимъ изъ полномочій, которыхъ добивались раввины. Въ ихъ *законахъ* (не рѣшеніяхъ относительно вещей или дѣйствій) былъ проведенъ принципъ, по которому, если въ писаніи одни законы связывали и другіе разрѣшали, то всѣ законы раввиновъ относились только къ „связыванію“ (Ser. Бер. 3 *b*; Ser. Мер. 71 *a*; Ser. Санг. 30 *a*). Если, слѣдовательно, въ первомъ случаѣ выражалась *законодательная* власть, то во второмъ, т. е. при объявленіи „свободнымъ“ или „повиннымъ“, виновнымъ (потуръ или хайябъ) выражалась претензія раввиновъ на *юридическую* власть. При помощи первой власти они „связывали“ или „разрѣшали“ дѣла или вещи; при помощи второй они „отпускали“ или „удерживали“, объявляли лицо свободнымъ отъ наказанія, возмездія, или жертвы, или подлежащимъ имъ. Эти двѣ власти, законодательную и судебную, кои принадлежали раввинамъ, Христосъ теперь и перенесъ, не въ смыслѣ претензіи, а реально, на Своихъ апостоловъ: первоначально на Петра, какъ на ихъ представителя, и потомъ во второй разъ, послѣ Своего воскресенія, на всю Церковь (Іоанн. XX. 23).

На второмъ изъ этихъ полномочій намъ теперь вѣтъ надобности останавливаться. Власть „вязать и рѣшать“ включала въ себѣ всѣ законодательныя функціи новой Церкви. И она была дѣйствительна. По взгляду раввиновъ небо походило на землю, и въ небесномъ синедріонѣ предрѣшались и обсуждались разные вопросы. Относительно же нѣкоторыхъ изъ своихъ земныхъ опредѣленій они привыкли говорить, что „ве-

ликій синедрионъ“ утверждалъ то, что постановлено было въ синедрионѣ нижнемъ. Слова Христа, въ которыхъ устранены были ложныя понятія Его современниковъ, не оставляли сомнѣнія, а сообщали увѣренность въ томъ, что подъ руководствомъ Святаго Духа, все, что апостолы связывали и разрѣшали на землѣ, имѣло быть связываемо и разрѣшаемо и на небѣ.

То, что произошло между Христомъ и Его учениками, не могло сдѣлаться предметомъ общаго разговора, и всего менѣе въ тогдашнее критическое время исторіи Его жизни, и въ той мѣстности. Поэтому всѣ три евангелиста упоминаютъ, каждый съ отличительными подробностями ¹⁾, что открытое исповѣданіе Его мессіанскаго достоинства, которое было собственно и возвѣщеніемъ о немъ, не было всенароднымъ. Въ народѣ оно могло бы вызвать результаты несходные съ тѣми, какихъ было желательно достигнуть. Какъ неподготовленъ былъ даже самъ апостоль, сдѣлавшій возвѣщеніе о Мессіи, къ тому, что означало его исповѣданіе, и какъ невѣжественъ былъ онъ относительно значенія словъ: Мессія Израиля, это обнаружилось очень скоро. Потому что объявленіе Иисуса Христомъ налагало на Него, такъ сказать, необходимую обязанность разъяснить способъ Своей борьбы, и побѣды, креста и вѣнца. Такое разъясненіе требовалось самымъ исповѣданіемъ Петра и было необходимо не только для устраненія недоразумѣній, но и для направленія на истинный путь. И однако знаменательно, что, по словамъ евангелистовъ, Онъ только „началъ“ учить ихъ этому. Въ словахъ евангелистовъ несомнѣнно имѣется отношеніе и къ способу, и ко времени даннаго ученія. Они излагаютъ въ ясной рѣчи, какъ ученики вполне познакомились изъ своего позднѣйшаго опыта съ тѣмъ, что Ему предстояло быть отвергнутымъ вождями Израиля, быть убиту и воскреснуть въ третій день. Не подлежитъ сомнѣнію и то, что рѣчь Христа (въ томъ свѣтѣ, въ какомъ послѣ смотрѣли на нее) должна была ясно подразумѣвать все это, и что въ то же самое время ученики не въ полнѣ пони-

¹⁾ Слово, употребленное у ев. Матѣ. (δυσσεύλατο) означаетъ „обязалъ“; у ев. Марка (ἐπετίμησαν) подразумѣваетъ упрекъ; а у ев. Луки (ἐπιτίμησας αὐτοῖς παρήγγειλε) содержитъ в себѣ упрекъ, и повелѣніе.

мали ее ¹⁾. Онъ постоянно употреблялъ символическій языкъ и недавно порицалъ ихъ за то, что они неправильно поняли Его слова о „закваскѣ“—въ буквальномъ смыслѣ, тогда какъ Онъ понималъ это выраженіе въ фігуральномъ значеніи. Было вполне естественно, если они въ такомъ же свѣтѣ посмотрѣли и на возвѣщенія, которыя въ строго буквальномъ смыслѣ могли показаться имъ невѣроятными. Ученики могли хорошо понимать, что Онъ будетъ отвергнутъ книжниками, могли смотрѣть на это, какъ на несобственное обозначеніе смерти или насильственного уничтоженія Его правъ и ученій, а затѣмъ, послѣ самаго краткаго періода предполагать какъ бы ихъ восстановленіе (воскресеніе). Но они никакъ не могли себѣ представить, что всѣ эти страшныя подробности должны были совершиться во всей своей буквальности.

Но даже и будучи поняты такъ, слова Іисуса были довольно страшны, чтобы встревожить Петра. Самая его любовь, напряженно человѣчная, къ человѣческой Личности Его Учителя, могла ввести его въ заблужденіе. Чтобы Тотъ, въ Котораго Петръ вѣрилъ, какъ въ Мессію, Котораго онъ такъ любилъ со всею напряженностію своей сильной природы, чтобы именно Онъ испыталъ такую участь... нѣтъ! никогда! Петръ выразилъ это въ очень сильной рѣчи, хотя евангелисты и даютъ здѣсь только буквальный переводъ раввинскаго выраженія ²⁾: Богъ запретитъ это, Богъ пусть будетъ милостивъ къ Тебѣ ³⁾. Нѣтъ, такой человѣкъ никогда и не могъ и не долженъ быть Христомъ. Это было обращеніе къ человѣческой сторонѣ Личности Христа, подобное тому, какое было въ пустынѣ во время искушенія, когда сатана обратился къ чисто человѣческому въ Іисусѣ. Это тѣ искушенія, которымъ мы не можемъ противостоять, но мимо которыхъ можемъ только проходить, иначе они дѣлаются для насъ камнемъ преткновенія, лежащимъ

¹⁾ Иначе они не могли бы сомнѣваться въ Его смерти и воскресеніи.

²⁾ Замѣчательно, что выраженіе *ἰσως σοι* буквально: „имѣй милость къ себѣ“, есть точная транскрипція раввинскаго *חסד לנפשי* см. *Levy, Neuhebr. Wörterb.* т. II. стр. 85. Болѣе обычное выраженіе есть *חסד בעיני* „милость и миръ“, т. е. для тебя. Смыслъ: Богъ да запретитъ, или Богъ да отвратить что—нибудь отъ тебя.

³⁾ Такъ буквально и въ греч.

предъ нами; искушенія, которыя приходятъ къ намъ часто вслѣдствіе нашей любви къ другимъ и нашего о нихъ попеченія, при чемъ сатана преобразуется въ ангела свѣта; искушенія тѣмъ болѣе опасныя, что относятся къ чисто человѣческому, не грѣховному элементу въ насъ. Они возникаютъ изъ обстоятельства, что тѣ, кои дѣлаются нашими камнями преткновенія, пока находятся предъ нами, вдохновляются любовью, которая имѣетъ отношеніе къ чисто человѣческому, и въ своей односторонней, человѣческой напряженности, помышляетъ о человѣческомъ, а не о божественномъ.

Однако слова Петра должны были принести пользу, доставляя Учителю случай исправить то, что было недостаткомъ въ сердцахъ всѣхъ Его учениковъ, и научая ихъ общимъ принципамъ относительно Его царства и того, что подразумевалось подъ истиннымъ ученичествомъ,—принципамъ, которые могли, если принимались сердечно, сдѣлать учениковъ способными въ должное время перенести испытанія, имѣющія связь съ отверженіемъ и смертію Христа, чего временно они не могли понять. Не мессіанское царство и его слава принадлежатъ его вѣстникамъ и главамъ, а самоотреченіе и добровольное несеніе того креста, на которомъ власти міра сего будутъ пригвождать послѣдователей Христовыхъ. Ученики знали, какого рода казнь имѣли обычай назначать ихъ владыки, влстители міра, римляне. Подобно ученикамъ и всѣ мы должны приготовиться къ несенію креста ¹⁾ и въ этомъ дѣлѣ начать съ отверженія себя. Въ такой борьбѣ терять жизнь значило бы приобрѣтать ее, а приобрѣтать значило бы терять жизнь. И если выборъ долженъ быть сдѣланъ только между тѣмъ и другимъ, то кто будетъ медлить этимъ выборомъ, даже если бы намъ предстояло приобрѣсти или потерять цѣлый міръ? Ибо за всѣмъ этимъ находится реальность—мессіанское торжество и царство, не такое, какое воображали ученики, но гораздо болѣе возвышенное и святое. Это царство начнется

¹⁾ Въ тѣ дни самое сильное наказаніе, какого могли ожидать люди отъ своихъ влстителей (римлянъ), былъ буквально крестъ. Слѣдуетъ сказать, что и теперь самое сильное и большое страданіе, наносимое послѣдователямъ Христовымъ враждебной Христу силой, есть также крестъ.

съ пришествіемъ Сына Человѣческаго и затѣмъ преподаніемъ вѣчныхъ наградъ или осужденіемъ на мученія, соотвѣтственно самымъ дѣламъ (Матѣ. XVI. 24—27).

Но зачѣмъ говорить о будущемъ и отдаленномъ? „Знаменіе“, страшное „знаменіе“ „съ неба“, защита отвергнутыхъ правъ Христа, котораго евреи убили, призывая Его кровь на Свой городъ и народъ, такая защита одна могла быть понятна этимъ людямъ; защита дѣйствительности воскресенія и вознесенія предстояла въ ближайшемъ будущемъ. Пожаръ города и храма освѣтитъ ту языческую тьму, при которой можно будетъ читать надписъ, сдѣланную на крестѣ. Все это недалеко. Нѣкоторыя изъ лицъ, находившихся тамъ, не „вкусятъ смерти“, пока во время этихъ бѣдствій не увидятъ Сына Человѣческаго, грядущаго въ Своемъ царскомъ величіи (Матѣ. XVI. 28).

Тогда, и только тогда, при сожженіи города! Почему они не раньше увидѣли всего этого, а лишь вскорѣ по совершеніи своего страшнаго грѣха? Потому что Богъ не показываетъ „знаменій съ неба“, какихъ желаетъ видѣть человѣкъ; потому что, по Своему долготерпѣнію, Онъ медлитъ; потому что тѣнь отъ стрѣлки на солнечныхъ часахъ движется совсѣмъ незамѣтно, пока не настанетъ самый часъ; потому что есть божественное величіе и слава въ медленномъ, неслышномъ, тайномъ теченіи событій подъ Его управленіемъ. Богу свойственно медлить, ибо Онъ царствуетъ; человѣкъ долженъ согласиться ждать, ибо онъ вѣруетъ.

Перев. свящ. М. Оливейскій.

СВ. ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРІЙСКІЙ

(ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ).

(Окончаніе *).

Вторую группу сочиненій св. Петра мы назвали нравственно-практическими. Сюда относятся покаянныя правила, посланіе къ церкви Александрійской и нѣсколько мелкихъ отрывковъ.

„Покаянныя правила“ св. Петра являются наиболѣе виднымъ трудомъ въ этой группѣ сочиненій. До насъ вполне дошло 14 покаянныхъ канонѡвъ Петра изъ его сочиненія *περί μετανοίας*. Судя потому, что они находятся почти во всѣхъ латинскихъ и греческихъ кодексахъ правилъ (въ изданіи „*Consiles*“ Labbeі и въ твореніяхъ Григорія Чудотворца, Голланда и пр.), и часто цитируются отцами церкви съ именемъ Петра Александрійскаго,—принадлежность ихъ св. Петру несомнѣйна. По своему содержанію они (каноны) представляютъ собою плодъ ума кроткаго и сострадательнаго, но въ то же время строго справедливаго. Достоинство ихъ было признано на соборѣ Трульскомъ, выразившемъ свое одобреніе ¹⁾ этимъ правиламъ въ такихъ словахъ: „*quin etiam canones Petri, qui fuit Alexandriae archiepiscopus et martyr... et nulli liceat prius declaratos canones adulterare vel non recipere...* (см. Ceillier).

По согласному предположенію историковъ Додвелля ²⁾, Тильмона ³⁾, Кавэ ⁴⁾ и др. покаянныя правила были написаны въ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1901 г. № 20.

¹⁾ Ceillier, т. 3-й р. 59, прим. 4.

²⁾ См. Migne XVIII р. 509.

³⁾ Tillemont. V t. р. 450.

⁴⁾ Cave, t. 1. р. 160.

4-й годъ гоненія Діоклетіанова, т. е. въ 306 году отъ Рождества Христова. Поводъ къ написанію ихъ указанъ въ томъ же мѣстѣ Тильмона „Праздновали 4-ю пасху послѣ начала гоненія (Діоклетіана), пишетъ между прочимъ Тильмонъ, когда великое число и различныя обстоятельства паденія, какія произвело гоненіе, побудило св. Петра Александрійскаго установить нѣкоторыя правила для принятія падшихъ“¹⁾). Ясно отсюда, что каноны эти написаны ради тѣхъ, которые пали во время гоненія. Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, мы перейдемъ теперь къ анализу самыхъ правилъ²⁾.

Трудно усмотрѣть какую-либо строгую систему въ порядкѣ изложенія всѣхъ этихъ правилъ въ совокупности, но весьма ясна система въ изложеніи каждаго правила въ отдѣльности. Послѣ предварительнаго обозначенія вины, здѣсь указывается соотвѣтствующее степени вины наказаніе, и затѣмъ приводится рядъ свидѣтельствъ изъ свящ. Писанія, библейскихъ примѣровъ и др.—или собственныхъ соображеній, дающихъ основаніе для указаннаго наказанія.

Первое правило допускаетъ къ общенію съ вѣрными тѣхъ, которые, будучи схвачены по доносу другихъ, послѣ предварительнаго заключенія въ темницу, послѣ жестокихъ мученій, весносныхъ ранъ и многоразличныхъ угнетеній, уступали, наконецъ, по немощи плоти жестокости мученій. Въ снисхожденіе къ немощи плоти и въ уваженіе къ ихъ первоначальнымъ подвигамъ св. Петръ назначаетъ имъ только 40 дней поста и молитвы, послѣ чего они присоединяются къ церкви. Основаніемъ для 40-дневнаго покаянія онъ полагаетъ примѣръ сорокадневнаго поста Христа предъ выступленіемъ на общественное служеніе.

Второе правило назначаетъ годъ покаянія для тѣхъ, которые пали послѣ темничнаго заключенія, не испытавъ другихъ мученій, присовокупляя, что такія лица должны съ лихвою заплатить за великое утѣшеніе, которое они получили въ тюрьмѣ благодаря любви братьевъ (подъ уплатою разумѣется, вѣроятно, проявленіе добрыхъ дѣлъ).

¹⁾ Tillemont. V t. p. 450.

²⁾ Правила—въ переводѣ—Изд. Моск. Общ. Любит. Духовнаго Просвѣщ. Москва 1884 г.

Третье пр.—опредѣляетъ четвертый годъ покаянія (сверхъ трехъ) для добровольно, безъ всякихъ предварительныхъ истязаній, перешедшихъ на сторону мучителей. Какъ на основаніе для такого наказанія, указывается на притчу Христа о безплодной смоковницѣ, три года не приносившей плода и оставленной хозяиномъ по просьбѣ виноградаря на четвертый для испытанія ея.

Четвертое правило, повидимому, является продолженіемъ предыдущихъ, ибо оно содержитъ только жалобу на то, что любовь причиняетъ святителю скорбь о тѣхъ, которые не желаютъ принести покаяніе. По отношенію къ таковымъ, говоритъ св. Петръ, приложимъ другой приговоръ Христа о смоковницѣ: „да николиже отъ тебе плода будетъ во вѣки“ (Мѡ. 21, 19 ст.), и слова Екклезіаста: „развращенная не можетъ украситься и лишеніе не можетъ исчислиться (1. 15 ст.), равно какъ и слова пророка Исаи 57 гл. ст. 20—21 и гл. 66 ст. 24.

Пятое правило—осуждаетъ лицемеріе тѣхъ, которые, внутренно не отрекаясь отъ Христа, дѣлали видъ отреченія, какъ-то: проходили мимо идольскихъ жертвенниковъ, давали росписки и проч. „какъ дѣти смысленныя и разумныя смѣялись надъ дѣтьми неразумными“, по подлинному выраженію канона,—и осуждаетъ такихъ людей на шестимѣсячное покаяніе (хотя нѣкоторые духовники прощали имъ, какъ не принимавшимъ сознательно личнаго участія въ жертвоприношеніяхъ). По поводу шестимѣсячнаго покаянія св. Петръ упоминаетъ о бывшемъ чрезъ Гавріила откровеніи въ шестой мѣсяцъ зачатія Предтечи, когда зачатъ былъ Господь; приводитъ и апостольскія изреченія. (Л. 17. 21 ст. и Римл. X, 8—10 ст.).

Нѣкоторые изъ христіанъ уклонялись отъ личнаго жертвоприношенія идоламъ и возлагали это дѣло на своихъ рабовъ; такимъ образомъ они совершали одновременно два преступленія: согласіемъ на жертвоприношеніе выражали свое личное участіе въ идолослуженіи, а возложеніемъ обязанности на рабовъ соблазняли ко грѣху послѣднихъ. Вотъ почему св. отецъ въ VI и VII канонахъ не оставляетъ безъ наказанія тѣхъ и другихъ.

Шестымъ правиломъ онъ осуждаетъ на одинъ годъ покаянія служителей слишкомъ послушныхъ, основываясь на словахъ Христа: „всякъ, еже аще сотворитъ благое, сіе приметъ отъ Господа, аще рабъ, аще свободъ“ (Еф. 6, 8 ст.), а седьмымъ— на три года покаянія принудившихъ ихъ господъ. Полагая наказаніе послѣднимъ, св. Петръ имѣлъ въ виду слова Ап. Павла, желавшаго, „да таяжде творили господіе рабомъ своимъ, послабляюще прещеніе, вѣдуще, яко и намъ самѣмъ и тѣмъ, Господь есть на небесѣхъ, и обинovenія лица нѣсть у Него“ (Еф. 6, 9 ст.), а также то, что желающіе сами спастись должны обращать вниманіе на свой соблазнительный поступокъ по отношенію къ другимъ, которые имѣли такое же право на спасеніе, при должномъ отношеніи къ нимъ ихъ господъ (Кол. 4, 1 ст.).

Въ восьмомъ правилѣ св. Отецъ съ радостью принимаетъ въ общеніе тѣхъ, которые, будучи подвержены пыткамъ, подъ тяжестью мученій отреклись отъ вѣры, а впослѣдствіи вступили въ борьбу съ язычествомъ и выносили мученія и пытки за имя Христово, принимаетъ на томъ основаніи, что паденіе такихъ лицъ, какъ дѣло случайное, не можетъ ставиться имъ въ непрощительную вину, ибо сказано, говоритъ св. Петръ „сѣдмижды падеть праведный и востанетъ“ (Притч. 24, 16 ст.).

Онъ желаетъ въ девятомъ правилѣ,—чтобы принимались также въ общеніе лица добровольно выступавшія на борьбу съ язычествомъ (если они оставались побѣдителями),—когда не представлялось къ тому никакихъ побужденій со-*внѣ*. Но онъ приводитъ многія основанія, чтобы показать, что ихъ дѣйствія не заслуживаютъ похвалы, и что они гораздо лучше поступали-бы, если бы заботились о предотвращеніи этой преждевременной борьбы. Въ ихъ поступкѣ св. Петръ видитъ прежде всего нарушеніе словъ Христа, заповѣдавшаго молиться, да не увидемъ въ напасть (Мѡ. 26, 41 ст.; Лк. 11, 4 ст.) и забвеніе о фактахъ изъ жизни Его и св. Апостоловъ; указываетъ на то, что Христосъ Самъ избѣгалъ опасности (Мрк. 14, 48 ст.) и заповѣдывалъ вѣрнымъ своимъ послѣдователямъ не самимъ искать опасности, но лишь смиренно переносить её, когда она наступитъ помимо ихъ воли;—на примѣръ св. Сте-

фана архидіакона, первосвященника Іакова, св. Ап. Петра и Павла.

Десятымъ правиломъ допускаются и прощаются клирики, впадавшіе въ указанное девятымъ правиломъ безразсудство вмѣсто заботы о спасеніи душъ, возлагаемой на нихъ по должности управителей церкви. Такихъ клириковъ, отступившихъ отъ вѣры и снова исповѣдующихся Христу, св. Петръ допускаетъ лишь до общенія съ вѣрными, дабы они не потеряли мужества въ предстоящихъ еще имъ гоненіяхъ, но воспрещаетъ имъ отправленіе обязанностей ихъ званія, какъ добровольно покинувшимъ свою должность съ тѣмъ, чтобы подвергнуться опасности, чего не дѣлалъ никто изъ ихъ предшественниковъ—Апостоловъ. Въ основаніе такого своего отношенія къ падшимъ клирикамъ, св. отецъ ссылается на св. Ап. Павла, который, хотя и говоритъ, что лучше для него разрѣшиться и со Христомъ быть, однако прибавляетъ, а еже пребывати во плоти, нужнѣйше есть васъ ради“ (I Фил. I, 23—24 ст.)—и своимъ ученикамъ заповѣдалъ „пребывать всегда во ученіи, и быть образомъ вѣрнымъ“¹⁾.

Но видно, сколько мудрости и разборчивости Петра проявилось въ этихъ канонахъ. Назвавъ „безразсудствомъ“ самовольное мученичество, св. отецъ указываетъ далѣе на нѣкоторые случаи, имѣющіе только внѣшнее подобіе самовольнаго мученичества, и въ одиннадцатомъ правилѣ высказываетъ свой взглядъ на эти случаи. Въ началѣ этого канона онъ показываетъ, что говоря выше (X пр.) о тѣхъ, которые сами предавались гоненіямъ, онъ не имѣетъ въ виду тѣхъ, которые въ началѣ, въ самый огонь преслѣдованія, будучи влекомы къ судейскимъ трибунамъ и видя примѣръ св. мучениковъ, воодушевлялись благородною ревностью для подражанія, и оказывали себя христіанами (какъ напр. м. Варъ), под-

¹⁾ Соборъ Эльвирскій (въ Испаніи), собранный, какъ полагаютъ, около этого времени, запрещаетъ 60 своимъ правиломъ признавать въ числѣ мучениковъ тѣхъ, которые сами выступаютъ (добровольно) на разрушеніе идольскихъ жертвенниковъ и тѣмъ навлекуть на себя смерть. Менсурій, который былъ въ это время епископомъ Каррагенскимъ, также въ посланіи порицаетъ тѣхъ, которые заявляли, что они имѣютъ свящ. книги, чтобы потребовали ихъ на суль и мучили, и запрещаетъ христіанамъ почитать этихъ лицъ за мучениковъ (Tillemont. t. V ст. VII—р. 452).

тверждая свое исповѣданіе мужествомъ; не имѣлъ онъ въ виду и тѣхъ, которые, со скорбью смотря на своихъ братьевъ, отдающихъ вслѣдствіе жестокости мученій отъ вѣры, чувствовали себя распаленными внутренно и старались своею искреннею рѣчью воодушевить ихъ на подвигъ, чтобы возвысить ихъ противъ гордости демона и его слугителей, которые казались побѣдителями Христа въ лицѣ его членовъ, и убавить ихъ тщетную радость чрезъ мужество, съ какимъ они переносили пытки. Въ послѣдующемъ содержаніи этого самаго канона св. отецъ говоритъ о тѣхъ, которые по безсилію плоти не были въ состояніи противостоятъ до конца, и одобряетъ то, что родственники послѣднихъ плакали и огорчались чрезъ нихъ; по просьбѣ послѣднихъ, заключаетъ св. Петръ, такія лица могутъ быть принимаемы въ общеніе, ибо благодать Божія дается иногда по вѣрѣ другихъ чрезъ ходатая Христа (I Иоан. 2, 1—2 ст.).

Двѣнадцатое правило даетъ право на общеніе съ церковью тѣмъ, которые отдали деньги, чтобы избавиться отъ преслѣдованія, ибо, основываетъ св. отецъ, они отдали серебро, да не погубятъ души своей, чего другіе не сдѣлали.

Тринадцатое—оправдываетъ также (противъ Тертуліана) чрезъ различные примѣры тѣхъ, которые спаслись бѣгствомъ, тогда какъ другіе, вмѣсто нихъ подверглись наказанію. Указываются примѣры Гаія и Аристарха, схваченныхъ вмѣсто Павла,—воиновъ, стерегшихъ Петра; дѣтей, избіенныхъ за Христа Иродомъ и Захаріи, отца св. Иоанна Предтечи ¹⁾).

Четырнадцатое правило позволяетъ почитать, какъ духовниковъ, и возвышать къ духовному сословію тѣхъ, которымъ насильно вливали вино въ уста, или которыхъ заставляли воскурять еиміамъ, кладя ихъ руку въ огонь, особенно, если ихъ собратья засвидѣтельствуютъ объ этихъ жестокостяхъ; ибо, будучи ослаблены пытками, они уже не могли противостоятъ насилію, замѣчаетъ св. Отецъ.

Въ нѣкоторыхъ кодексахъ святоотеческихъ правилъ ²⁾ помѣ-

¹⁾ Сирскій переводъ по древнему Царяжскому списку правилъ содержитъ между 13 и 14 пр. краткое увѣщаніе къ покаянію, котораго нѣтъ въ греч., вѣроятно, потому, что оно не заключало въ себѣ никакого правила—Renaudot. p. 61. (Ср. Приб. къ Тв. Св. Отцовъ томъ XV, стр. 603).

²⁾ См. у Routh's и у Migne, у Pitra. III. т. p. 599.

щается еще XV правило св. Петра. Содержаніе этого канона вовсе не гармонируетъ съ содержаніемъ правилъ предыдущихъ. Въ немъ говорится о постѣ въ четвертый (среду) и шестой (пятницу) дни недѣли и указываются основанія къ тому; также объ обычаѣ отлагать постъ въ дни воскресные, равно какъ не преклонять колѣна въ эти дни, какъ дни радости, „ради Воскресшаго въ оный“. Правило это представляетъ собою извлечение изъ слова Петра на Пасху. Изъ краткихъ фрагментовъ одной Александрійской хроники можно видѣть, что посланіе *εις τὸ Πάσχα* = *περὶ τοῦ Πάσχα*—было предназначено извѣстному Трицентію (котораго Duchesne хотѣлъ отождествить съ какимъ-то Кресцентіемъ, съ которымъ Александръ имѣлъ споръ о Пасхѣ — *Πέτρος τῆς Ἀλεξανδρέων ἐκκλησίας ἐπίσκοπος ἐν τῇ περὶ τοῦ πάσχα λόγῳ, ὃν Τρικεντίῳ τινὶ γράφει* ¹⁾).

Посланіе св. Петра къ церкви Александрійской, приводимое во многихъ кодексахъ, было написано св. Петромъ вскорѣ послѣ возикновенія безпорядковъ, произведенныхъ Мелетіемъ и увѣщательнаго посланія къ нему четырехъ африканскихъ епископовъ, какъ это видно изъ самаго содержанія посланія, слѣд. не раньше конца 305 года, но и не позже Александрійскаго собора 306 года, о чемъ свидѣлствуютъ заключительныя слова посланія: „оберегайтесь того, чтобы имѣть общеніе съ нимъ, пока не приду къ нему съ мудрыми мужами и не увижу, что онъ замыслилъ“ ²⁾. Поводъ къ написанію посланія, указывается въ самомъ посланіи. Въ немъ, послѣ обычнаго привѣтствія стойкихъ въ вѣрѣ христіанъ Александрійскихъ, св. Петръ пишетъ: „поелику я узналъ, что Мелетій нисколько не исправляется (ибо ему и посланіе блаженнѣйшихъ епископовъ и мучениковъ не понравилось), а напротивъ,—вторгнувшись въ нашу епархію, присвоиваетъ себѣ такую власть, что даже пытается отлучить пресвитеровъ моего вѣдомства, которымъ было поручено посѣщать нуждающихся, и самъ рукоположилъ для себя пресвитеровъ въ темницѣ, въ силу своей страсти къ властвованію,—то и пишу вамъ это“. Слѣдовательно,

¹⁾ Harnack. т. I. p. 445.

²⁾ Migne p. 509. Routh. p. 348—349.

безпорядки, произведенныя Мелетіемъ,—вотъ что побудило Петра къ написанію посланія.

Заповѣдая, далѣе, вѣрующимъ избѣгать общенія съ Мелетіемъ, св. отецъ заканчиваетъ свое посланіе выраженіемъ обычнаго пожеланія „будьте здоровы“.

Въ числѣ дошедшихъ до насъ фрагментовъ св. Петра есть такіе отрывки, которые, вслѣдствіе ихъ краткости, трудно отнести къ какой-либо изъ указанныхъ группъ сочиненій, и которые, по нашему мнѣнію, можно правильнѣе назвать—благодѣтельными размышленіями.—Таковъ, напр., отрывокъ, извѣстный подъ титломъ: „изъ ученія Петра Александрійскаго“, приводимый Маіемъ (I с. VII р. 96) и Минемъ (pag. 510). Вотъ этотъ фрагментъ: „Несчастный я и того не помню, что Богъ изслѣдитъ умъ и слышитъ голосъ души. Я сознаюсь во грѣхѣхъ, говоря самому себѣ: милостивъ Богъ и потерпитъ меня, и не пораженный тотчасъ, не переставалъ грѣшить, но еще болѣе пренебрегалъ помилованіемъ и исчерпывалъ долготерпѣніе Божіе“! ¹⁾ Или другой фрагментъ, приводимый Ритромъ ²⁾. „Дѣло, свойственное христіанству,—передавать знаніе чуждое заблужденія и привлекать къ блаженной жизни тѣхъ, которые имъ руководствуются“.

Мы уже замѣтили выше ³⁾, что изъ экзегетическихъ трудовъ св. Петра до насъ дошелъ лишь одинъ краткій отрывокъ изъ его толкованія на еванг. Маттея, который буквально сходенъ съ отрывкомъ, приводимымъ другими писателями (Леонтіемъ Византійскимъ, Юстиніаномъ и др.) подъ именемъ фрагмента изъ проповѣди о пришествіи Спасителя. За неимѣніемъ, такимъ образомъ, специальныхъ образцовъ экзегетическихъ трудовъ св. Петра, мы ограничимся лишь общимъ сужденіемъ о немъ, какъ толкователѣ Свящ. Писанія, на основаніи истолкованія имъ тѣхъ библейскихъ текстовъ, какіе встрѣчаются въ разсмотрѣнныхъ уже нами сочиненіяхъ.

Первое, что бросается въ глаза въ его толкованіяхъ на тѣ или другія мѣста Свящ. Писанія, это строго буквальное пони-

¹⁾ Migne, т. XVIII р. 510.

²⁾ Pitra, т. IV. р. 429.

³⁾ См. глава 2-я, стр. 550 ж. В. и Р. за 1901 г. № 20.

маніе библейскаго текста. Кажется, такое отношеніе къ библейскому тексту могло явиться, какъ реакція противъ доведеннаго Оригеномъ до крайности раціональнаго отношенія къ Свящ. Писанію. Подтвердимъ указанное свойство экзегетики Петра примѣрами. Такъ, въ словѣ о душѣ св. Петръ опровергаетъ иносказательное толкованіе библейскаго повѣствованія о пребываніи первоначальнаго человѣка въ раю и о кожаныхъ ризахъ ¹⁾, и понимаетъ весь этотъ рассказъ въ буквальный смыслъ ²⁾. Такъ же буквально понимаетъ онъ мѣста: „цѣлованіемъ ли предаешь Сына Божія“ (Л. XXI, 48 ст.) и „слово плоть бысть и вселися въ ны“ (Іоан. 1, 14) и другія мѣста Писанія.

Основательное знаніе священнаго писанія и глубокой анализъ мысли, содержащейся въ извѣстномъ текстѣ, умѣнье философски развивать свои мысли и критическій талантъ, искусство подмѣчающій ошибки противника,—вотъ достоинства его толкованія. Проявленіе всѣхъ указанныхъ качествъ можно видѣть даже на одномъ опытѣ его истолкованія текста, неправильно понимаемаго Оригеномъ—„плоть и кровь царствія Божія наследити не могутъ“ ³⁾. Онъ подмѣтилъ предубѣжденность и натянутость въ пониманіи этого текста Оригеномъ, указалъ своимъ читателямъ истинный смыслъ его и сдѣлалъ основательное объясненіе и подтвержденіе той мысли, которая заключалась въ немъ. Всѣ указанные качества толкованія ставятъ св. Петра въ число лучшихъ экзегетовъ.

В. До сихъ поръ мы говорили лишь о сочиненіяхъ, принадлежность которыхъ св. Петру несомнѣнна, но въ числѣ литературныхъ памятниковъ IV вѣка встрѣчается еще нѣсколько со-

1) Извѣстно, какъ толковалъ это мѣсто Оригенъ. „Духи, первоначально обитавшіе въ тѣлахъ чистѣйшихъ и тончайшихъ, говоритъ Оригенъ, послѣ паденія должны были облечься въ выѣшнія грубыя тѣла. И потому, если Писаніе говоритъ, что послѣ паденія люди были одѣты въ кожанныя одежды, то въ этомъ сказаніи заключается таинственная исторія происхожденія человѣческаго рода, т. е. появленія духа въ образѣ человѣка.

2) Объ этомъ свидѣт. и Прокопій Газскій, который, понимая это связаніе буквально, ссылается на св. отцевъ и между прочимъ на св. Петра. см. Routh. p. 348.—(de priore de anima sermone).

3) См. объясн. этого текста св. Петромъ выше, стр. 559. 560 ж. В. и Р. № 20 за 1901 г.

чиневій съ именемъ этого святого, которыя весьма мало удовлетворяютъ условіямъ подлинности сочиненій, и потому могутъ быть названы или сомнительными, или прямо подложными. Таковы—трактатъ о богохульствѣ, пасхальная хроника и нѣсколько армянскихъ фрагментовъ. Обратимся теперь къ разсмотрѣнію этихъ сочиненій.

Трактатъ о богохульствѣ нельзя назвать прямо подложнымъ, но принадлежность его св. Петру, во всякомъ случаѣ, сомнительна. Онъ приводится Routh'омъ, и только имъ однимъ, и не цитируется ни однимъ церковнымъ писателемъ. И Routh, приводя его, дѣлаетъ оговорку, что онъ не ручается за подлинность его; онъ признаетъ его подлиннымъ, если не ложны схолиі, изъ которыхъ этотъ трактатъ заимствованъ ¹⁾).

Содержаніе его очень своеобразно и отличается отъ другихъ произведеній того же автора. Здѣсь приводится разговоръ Петра съ св. Пафнутіемъ (по смыслу бесѣды—исповѣдникомъ) о предсмертныхъ страданіяхъ послѣдняго. Но Пафнутіи былъ живъ еще во времена собора Никейскаго ²⁾. Кромѣ того, на свиданіе и знакомство этихъ двухъ лицъ мы не находимъ ни малѣйшаго намека у историковъ. Все это даетъ намъ право сомнѣваться въ принадлежности даннаго сочиненія св. Петру.

Трактатъ „о богохульствѣ“ представляетъ діалогъ между двумя лицами—св. Петромъ и неизвѣстнымъ по имени пустынноику Египта, и рѣшаетъ вопросъ о томъ, гдѣ лежитъ источникъ хульныхъ помысловъ, часто обуревающихъ человѣка,—въ самомъ-ли человѣкѣ или внѣ его? Св. Петръ, по трактату, высказываетъ ту мысль, что нечестивые помыслы внушаются человѣку со-внѣ, злымъ демономъ, и въ подтвержденіе своего мнѣнія ссылается на свой разговоръ съ Пафнутіемъ ³⁾.

1) *Nullum alium Petrum praeter martyrem nostrum in mente habuisse falsarium, si modo fallaces sint hae merces (scholia)... и т. д. (Routh. 3 т. р. 371).*

2) Изъ исторіи извѣстно, что св. Пафнутіи на соборѣ Никейскомъ высказывался противъ безбрачія духовенства.

3) Я спрашивалъ св. Пафнутія, говоритъ Петръ, страдалъ-ли онъ когда-либо отъ такого пагубнаго помысла? И онъ утвердительно отвѣтилъ мнѣ, что во время самыхъ мученій, когда тѣло его сожигалось на огнѣ, злой духъ внутри его произносилъ хулу на Бога; Пафнутіи въ гнѣвѣ сказалъ ему: я принялъ мученичество за Христа не для того, чтобы отрывать или хулить Его; я мучаюсь за него,—хула же твоя на Господа Бога на тебя обратится.

Но если трактатъ „о богохульствѣ“ можно назвать только сомнительнымъ, то остальные два сочиненія,—отнесенныя къ этой категоріи, прямо подложными.

Таковъ прежде всего трактатъ о Пасхѣ, написанный въ формѣ діалога. Онъ помѣщенъ въ началѣ Пасхальной или Александрійской хроники, данной Гангомъ и ранѣе его Петб. Но изъ самаго же содержанія этой пасхальной хроники можно видѣть, что она не могла принадлежать веру св. Петра Александрійскаго ¹⁾.

Такъ, о св. Аванасіи говорится здѣсь съ величайшею похвалою, и онъ называется великимъ свѣтильникомъ церкви Александрійской, между тѣмъ, какъ св. Аванасію было всего 15 лѣтъ, когда св. Петръ принялъ мученичество ²⁾.

Говорится здѣсь о соборѣ Никейскомъ, о праздникѣ рождества Іоанна Предтечи, о праздникахъ Благовѣщенія Пр. Богородицы и Срѣтенія Господнемъ ³⁾. Все это даетъ мѣсто предположенію, что она появилась только послѣ соборовъ Ефесскаго и Халкидонскаго.

Итакъ, несомнѣнно, сочиненіе о Пасхѣ принадлежитъ писателю болѣе позднему. Тильмонъ ⁴⁾ относитъ происхожденіе этого трактата къ 6 вѣку, Ceillier ⁵⁾—тоже къ позднему времени, Кавэ ⁶⁾ относитъ его къ V вѣку. Почему же трактатъ этотъ былъ надписанъ именемъ св. Петра? Ceillier—объясняетъ такъ: „имя святаго Петра Александрійскаго поставляется во главѣ этого сочиненія, можетъ быть, только потому, что извѣстно было о немъ, что послѣ него осталось слово на Пасху“ ⁷⁾. Кавэ дѣлаетъ другое предположеніе. „Сочиненіе это принадлежитъ анонимному автору слѣдующаго (т. е. V) вѣка, говоритъ онъ, который расположилъ свою пасхальную таблицу по циклу 532 лѣтъ, какъ ясно изъ послѣдующей части фрагмента. Въ немъ онъ прежде всего старается доказать, что Господь нашъ на послѣдней вечери не совершилъ законной Пасхи, что онъ и

¹⁾ Cave—p. 160 положительно отрицаетъ принадлежность ея Петру Александрійскому.

²⁾ Ceillier „Histoire generale“ т. 3 р. 61.   ⁵⁾ Ceillier—p. 60.

³⁾ Ibid.

⁶⁾ Cave „Hist. litteraria“ 1 t. p. 160.

⁴⁾ Tillemont, t. V, p. 465.

⁷⁾ Ceillier, p. 61.

пытается подтвердить свидѣтельствомъ древнихъ отцовъ. Между ними на первомъ мѣстѣ стоитъ Петръ Александрійскій, вслѣдствіе чего имя его усвоено и всему трактату¹⁾. Всѣ указанныя основанія воспрепятствовали Голланду признать подлинность фрагментовъ этого разсужденія. Во фрагментахъ, представленныхъ имъ²⁾, мы не находимъ свѣдѣній о дѣлахъ, совершившихся послѣ Петра, что даетъ поводъ подозрѣвать его въ выборѣ только такихъ мѣстъ изъ пасхальной хроники, по которымъ менѣе всего можно опредѣлить время происхожденія этого памятника.

Приводимыя Голландомъ семь выдержекъ изъ этой хроники представляютъ собою такіе отрывочные разсказы, что трудно сдѣлать какой либо анализъ ихъ; для основательнаго ознакомленія съ ними необходимо обратиться къ подлинному тексту ихъ³⁾.

Пять армянскихъ фрагментовъ съ именемъ Петра, приводимые у Pitra⁴⁾, должно отнести также къ сочиненіямъ подложнымъ. Хотя первые два фрагмента представляютъ собою лишь повтореніе мыслей изъ книги о Божествѣ, но, по связи ихъ съ остальными тремя отрывками, и они должны быть признаны за подложные. Лоофъ⁵⁾ признаетъ эти послѣдніе (3) фрагмента съ полнымъ правомъ за искаженные монофизитами или за монофизитскія собственныя цитаціи. Такими считаемъ ихъ и мы, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, ихъ содержаніе. „Тѣ, которые осмѣливаются говорить, читаемъ мы въ третьемъ фрагментѣ, что неполное было соединеніе, или отдѣлять Божественную природу отъ человѣческой, подвергаются анаемѣ“. Мысль, какъ видимъ, совершенно противоположная ученію Петра Александрійскаго о двухъ полныхъ природахъ во Христѣ. „И Богъ и тѣло суть одна природа и одна личность, которая явилась по волѣ своей и по плану духа, гласитъ четвертый фрагментъ,—она самая есть и Богъ недѣлимый въ нераздѣльномъ единствѣ своемъ, долженствующій быть почитае-

1) Cave, p. 160.

2) См. Patrologia. Migne. т. XVIII, p. 512 и др.

3) См. Migne 18 t. p. 511 и слѣд.

4) Pitra, т. IV p. 430.

5) Loofs—см. Harnack. т. 1. p. 447.

мымъ“, между тѣмъ св. Петръ ясно училъ о двухъ природахъ и одномъ лицѣ во Христѣ. Такимъ же крайнимъ выраженіемъ монофизитства является и послѣдній армянскій фрагментъ. „Которые послѣ нераздѣльнаго единства говорятъ о двухъ природахъ, двухъ видахъ, двухъ сынахъ, изъ коихъ одинъ отъ отца, а другой отъ матери Маріи, тѣ безумствуютъ, пренебрегая отцомъ, познаниемъ двухъ сыновей, изъ которыхъ одинъ природный, а другой издалека пришедшій (чужой), отчего вводятъ четверичность и въ своихъ рѣчахъ Св. Троицу отрицаютъ, ибо новый Богъ полагается, начало имѣющій отъ Маріи. Поэтому, если такъ обстоитъ дѣло, то заблуждались всѣ народы въ почитаніи человека пригвожденнаго ко кресту и вкушеніемъ Его тѣла и крови“. Безъ всякаго подробнаго анализа этихъ отрывковъ ясно видно, что имя св. Петра придано этимъ фрагментамъ для того только, чтобы сообщить имъ церковный авторитетъ и сдѣлать ихъ болѣе популярными среди христіанъ, тѣмъ болѣе, что при внѣшнемъ сходствѣ ихъ съ подлинными сочиненіями Петра и при невыясненности въ то время понятій—природа, лицо, естество и др., легко было принять ложь за истину.

Въ заключеніе своего изслѣдованія о св. Петрѣ Александрійскомъ сдѣлаемъ, на основаніи всего вышесказаннаго, нѣсколько общихъ замѣчаній, относящихся къ характеристикѣ св. Петра, какъ учителя, пастыря и писателя. Отличительной чертой характера св. Петра, налагающей печать на всѣ роды дѣятельности его, служить, безъ сомнѣнія, его сильная ревность по вѣрѣ и величайшее благоговѣніе предъ Словомъ Божиимъ. Въ силу этой своей личной особенности онъ является смѣлымъ и рѣшительнымъ реформаторомъ и безпристрастнымъ служителемъ истины, къ которой бы она ни выражалась; строгимъ руководителемъ для однихъ и милостивымъ отцомъ для другихъ; талантливымъ полемистомъ, дающимъ мѣсто на ряду съ свидѣтельствами Писанія и собственнымъ соображеніемъ, и скромнымъ подражателемъ въ пониманіи догматическихъ истинъ, уже выясненныхъ.

Чтобы наши выводы не остались голословными, обратимся къ примѣрамъ изъ его дѣятельности. Аллегорическо-мистическое толкованіе Св. Писанія дошло къ его времени до край-

ности и однако, благодаря вліянію Оригена и уваженію къ нему, эти крайности Оригена усваивались большинствомъ; ошибки легко мирились съ истиннымъ знаніемъ въ понятіи самыхъ образованныхъ людей того времени. Требовалось очень много рѣшительности и большая сила воли (не говоримъ уже объ умѣ); чтобы реформировать духъ школы, измѣнить господствующее въ ней направленіе и дать новое направленіе. Святый Петръ за пять лѣтъ своего учительства достигаетъ этого, благодаря своей неутомимой энергіи. Онъ первый открыто возстаетъ противъ основныхъ заблужденій Оригена, ведетъ долгую и упорную борьбу съ приверженцами Оригеновской партіи и, наконецъ, сообщаетъ новое направленіе Александрійской школѣ. Но тотъ же Петръ глубоко уважаетъ Оригена за его научные труды и раздѣляетъ его воззрѣнія, чуждыя крайности. Строго-православный, по своему направленію, онъ даетъ ходъ православію, и оно при немъ одерживаетъ явную побѣду. Что же, спрашивается, руководило имъ въ этой борьбѣ съ Оригеновскими воззрѣніями, если извѣстно, что онъ не только не питалъ къ Оригену какихъ либо личныхъ несимпатій, но, напротивъ, уважалъ его за его ученость? Безъ сомнѣнія, ревность по вѣрѣ, побуждавшая его вездѣ и во всемъ искать только истины!

Тою же основною чертою его характера объясняются и всѣ его пастырскія распоряженія. Св. Петръ не терпитъ лицъ, нарушающихъ общее церковное благочиніе, уклоняющихся и другихъ уклоняющихся отъ установленнаго Богомъ церковнаго порядка, еретиковъ и вообще всѣхъ тѣхъ, кто вноситъ то или иное раздѣленіе въ христіанское общество. Онъ со всею строгостью отлучаетъ Мелетія, какъ нарушителя благочинія церковнаго и преступника церковныхъ канонѣвъ; не выноситъ лицемерія Арія, сочувствовавшаго замысламъ Мелетія, но прикрывавшагося личиною благожеланія къ церкви и пр.,—но очень снисходителенъ и милостивъ къ лицамъ, обращающимся въ лоно церкви послѣ паденія ихъ. Покаяніе, налагаемое имъ, есть скорѣе выраженіе его любви къ нимъ и его заботы объ ихъ духовномъ совершенствѣ, чѣмъ карательная мѣра,—и вообще его поведеніе по отношенію къ падшимъ свидѣтель-

ствуетъ о его нѣжномъ, кроткомъ и любвеобильномъ сердцѣ, сокрушающемся при видѣ упорнаго отказа отъ спасенія со стороны нѣкоторыхъ и безмѣрно радующемся при видѣ одного грѣшника кающагося.

Идеаль добраго пастыря, указанный Христомъ въ притчѣ о пастырѣ, въ словахъ: „добрый пастырь душу свою полагаетъ за овцы“, и подтвержденный Его собственнымъ примѣромъ, былъ осуществленъ Петромъ во всемъ его совершенствѣ; благополучіе и спасеніе вѣранныхъ ему душъ—было главною заботою и, можно сказать, единственною заботою Петра; молитва о пасомыхъ была его предсмертною молитвою; а своею строго-подвижническою жизнью, воздержаніемъ и глубочайшимъ смиреніемъ—онъ являлъ образецъ для всѣхъ вѣрующихъ, исполняя завѣтъ Ап. Павла къ Тимофею: „образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, дѣломъ“.

Мы уже указали достоинства его сочиненій, проникнутыхъ строго православнымъ духомъ и имѣющихъ своею цѣлью—опровергнуть ложь и возстановить истину, или же дать то или другое руководство для вѣрующихъ,—указали и то, что его письменные труды являлись не по его инициативѣ, а вызывались нуждами христіанской церкви и общества,—намъ остается лишь санкціонировать, что и въ научно-литературной дѣятельности св. Петра отразилась указанная характерная особенность св. Петра.

Закончимъ свой обзоръ похвальными словами св. Петру историковъ церкви, словами, глубокую истину которыхъ признаемъ мы. „Святой Петръ былъ священнымъ украшеніемъ епископовъ, какъ по святости всей жизни, такъ и по искусному занятію Св. Писаніемъ“ ¹⁾ „превосходнымъ учителемъ христіанской религіи“ ²⁾ и „непобѣдимымъ ратоборцемъ“ ³⁾.

Сергій Чистосердовъ.

1) Евсевій „Ист. Христ. Церкви“ IX, 6 гл.

2) Тамъ-же.

3) Феодоритъ „Церк. Ист.“ I, 2 гл.

Протоіерей А. В. Мартыновъ.

(† 17 ноября 1901 г.).

Ноября 17 дня н. г., на 46 году жизни, скончался отъ паралича сердца одинъ изъ достойнѣйшихъ Московскихъ протоіереевъ, профессоръ богословія при Московскомъ Сельско-Хозяйственномъ Институтѣ, Александръ Васильевичъ Мартыновъ. Въ Бозѣ почившій о. протоіерей былъ въ одно время ректоромъ Харьковской Духовной Семинаріи и редакторомъ издающагося при ней журнала „Вѣра и Разумъ“. Въ то же время онъ состоялъ и сотрудникомъ названнаго журнала. Благодарная къ памяти почившаго сотрудника и бывшаго своего редактора, редакція журнала „Вѣра и Разумъ“ призываетъ нравственнымъ долгомъ своимъ сказать нѣсколько благодарныхъ словъ о немъ на страницахъ своего журнала.

Александръ Васильевичъ Мартыновъ (род. 19 авг. 1856 г.) и по рожденію, и по первоначальному образованію, принадлежитъ Ярославской епархіи. По окончаніи курса наукъ въ Ярославской духовной семинаріи въ 1878 году, онъ, какъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ воспитанниковъ, отправленъ былъ въ Московскую Духовную Академію для полученія высшаго богословскаго образованія. Здѣсь онъ, въ продолженіе четырехъ лѣтъ своего пребыванія, заявилъ себя какъ весьма талантливый молодой человекъ и въ то же время прилежный, любознательный и преданный наукѣ студентъ. Въ 1882 г. А. В. окончилъ курсъ первымъ по списку магистрантомъ и затѣмъ избранъ былъ и. д. приватъ доцента Академіи по кафедрѣ патрологіи. Въ мартѣ 1886 г. А. В. представилъ въ Совѣтъ Мо-

сковской Духовной Академіи, въ качествѣ магистерской диссертациі, свой первый печатный трудъ на тему: „Ученіе св. Григорія Нисскаго о природѣ челоуѣка (опытъ изслѣдованія въ области христіанской философіи IV вѣка), М. 1886 г.“ Совѣтъ Академіи поручилъ чтеніе названнаго труда профессору Академіи А. П. Лебедеву, который и представилъ 23 апрѣля отзывъ. Въ своемъ отзывѣ профессоръ Лебедевъ назвалъ диссертацию интересной по содержанію, цѣнной по научнымъ выводамъ и призналъ автора ея вполне достойнымъ искомой степени. Защита диссертациі происходила 18 мая 1886 г., подъ предсѣдательствомъ ректора академіи, протоіерея С. К. Смирнова, въ присутствіи членовъ Совѣта академіи и многихъ стороннихъ лицъ. Оффиціальными оппонентами были: ординарный профессоръ по кафедрѣ общей церковной исторіи А. П. Лебедевъ и преподаватель естественнонаучной апологетики, профессоръ Д. Θ. Голубинскій. Диссертантъ прекрасно защитилъ свою диссертацию, обнаруживъ при этомъ серьезное знакомство съ предметомъ своего изслѣдованія. Совѣтъ академіи призналъ защиту диссертациі удовлетворительной и постановилъ ходатайствовать установленнымъ порядкомъ объ утвержденіи А. В. въ степени магистра богословія. 22-го августа 1886 г. А. В. былъ утвержденъ Св. Синодомъ въ искомой степени ¹⁾, а въ связи съ тѣмъ и званіе приватдоцента замѣнено было для него званіемъ доцента, въ коемъ онъ и былъ утвержденъ 29 сент. 1886 г. ²⁾. Кромѣ новаго званія, за свою магистерскую диссертацию А. В., опредѣленіемъ Совѣта Академіи, удостоенъ былъ Макарьевской преміи въ 300 руб. ³⁾.

Исполнивъ такимъ образомъ свою ближайшую обязанность по составленію магистерскаго сочиненія и сдачѣ диспута, почившій о. профессоръ продолжалъ преподаваніе патрологіи и въ то же время (съ 23 сент. 1891 г.) состоялъ лекторомъ по англійскому языку. Служба его при Академіи продолжалась до

¹⁾ Журналы совѣта Моск. Дух. Академіи за 1886 г., стр. 145 (Приб. къ изд. твор. св. отцевъ, ч. 39. Москва 1887 г.).

²⁾ Журналы совѣта М. Д. Акад. за 1886 г., стр. 205 (Приб. къ изд. тв. св. отцевъ, ч. 39).

³⁾ Журналы совѣта М. Д. Акад. за 1887 г., стр. 39 (Приб. къ изд. твор. св. отцевъ, ч. 40).

1893 г., когда онъ опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода назначенъ былъ ректоромъ Харьковской Духовной Семинаріи и редакторомъ журнала „Вѣра и Разумъ“, съ возведеніемъ его, по рукоположеніи во священника, въ санъ протоіерея ¹⁾). Сослуживцы А. В. по Академіи на прощаніе поднесли ему изящный альбомъ, наполненный своими кабинетными портретами. На верхней крышкѣ этого альбома была вычеканена надпись: „Высокопочитаемому о. протоіерею Александру Васильевичу Мартынову отъ сослуживцевъ по Московской Духовной Академіи на добрую память“ ²⁾). Прибывъ въ Харьковъ протоіер. Мартыновъ совершилъ 22 августа первое богослуженіе въ семинарскомъ храмѣ и обратился въ концѣ литургіи къ воспитанникамъ семинаріи и своимъ сослуживцамъ съ глубокопрочувствованною рѣчью. Указавъ на важность и серьезность интересовъ въ дѣлѣ служенія духовному просвѣщенію и воспитанія духовнаго юношества, будущихъ служителей Церкви православной, о. протоіерей приглашалъ въ своей рѣчи какъ воспитывающихся, такъ и воспитываемыхъ ко взаимному довѣрію. „Безъ этого условія, говорилъ о. ректоръ, и я не буду имѣть возможности исполнять свой долгъ по отношенію къ вамъ, и вы не получите той пользы, которая можетъ происходить отъ искренняго союза духовныхъ дѣтей съ духовнымъ отцомъ. При отсутствіи искренности и довѣрія, наши отношенія останутся внѣшними, какими—къ сожалѣнію—являются они во многихъ учебно-воспитательныхъ заведеніяхъ, гдѣ начальники и воспитатели слѣдятъ лишь за наружною стороною поведенія воспитанниковъ и преслѣдуютъ замѣченныя нарушенія порядка и благопристойности... Не скрывайте души вашей и совѣсти вашей отъ насъ, не заставляйте насъ гадательно и—быть можетъ—ошибочно судить о вашемъ внутреннемъ настроеніи; но откровенно сознавайтесь въ вашихъ проступкахъ, заявляйте о вашихъ нуждахъ, немощахъ и преткновеніяхъ въ увѣренности найти въ насъ самое теплое къ себѣ участіе. Вѣрьте, что въ нашемъ благѣ—наше счастье и ра-

¹⁾ См. листокъ для Харьковской епархіи, стр. 164. Журн. „Вѣра и Разумъ“ за 1843 г.

²⁾ Богословскій Вѣстникъ за 1893 г., Сент., стр. 445.

доть, въ злополучіи нашемъ—наше огорченіе и страданіе“¹⁾.. Вотъ то основное начало, которымъ онъ хотѣлъ руководиться при своемъ воспитаніи юношества;—это начало онъ стремился осуществить и на дѣлѣ. И его имя не забудется на страницахъ исторіи Харьковской Духовной Семинаріи, хотя онъ и не долгое время былъ ея начальникомъ. Отзывчивый къ нуждамъ своихъ питомцевъ, обходительный съ сослуживцами, онъ не допускалъ однако же послабленій и обнаруживалъ твердость характера въ потребныхъ случаяхъ. Служеніе его въ Харьковской Духовной Семинаріи въ должности ректора и редактора журнала „Вѣра и Разумъ“ продолжалось до 14 іюня 1894 г., когда, указомъ Святѣйшаго Синода, послѣдовавшимъ на имя Высокопреосвященнаго Архіепископа Амвросія, онъ былъ перемѣщенъ на ректорскую же должность въ Таврическую Духовную Семинарію²⁾. Но и здѣсь о. протоіерей пробылъ недолго. Въ это время онъ пришелъ уже къ убѣжденію, что административныя должности трудно согласимы съ учеными занятіями, которыми онъ всегда увлекался, а потому рѣшилъ просить высшее начальство о предоставленіи ему академической или профессорской должности. Желаніе его вскорѣ же было исполнено и 10 августа 1894 г. онъ былъ опредѣленъ профессоромъ богословія при Московскомъ Сельско-Хозяйственномъ Институтѣ, гдѣ, какъ мы сказали, и оставался до своей кончины. Сосредоточивая свою дѣятельность на исполненіи прямыхъ обязанностей по званію профессора при Институтѣ, о. Мартыновъ въ то же время читалъ лекціи богословія на высшихъ женскихъ курсахъ и состоялъ законоучителемъ въ женской классической гимназіи г-жи Фишеръ. Блестящія дарованія и обширная эрудиція, въ связи съ умѣніемъ давать надлежащую постановку предмету, за который брался покойный А. В., сдѣлали его въ упомянутыхъ учебныхъ заведеніяхъ однимъ изъ лучшихъ профессоровъ, лекціи котораго выслушивались съ живѣйшимъ вниманіемъ. Къ сожалѣнію обострившійся злой недугъ А. В. преждевременно унесъ его въ могилу и тѣмъ лишилъ общество полезнаго дѣятеля...

1) Журн. „Вѣра и Разумъ“, Отд. церк. за 1893 г., стр. 251 и слѣд.

2) Листокъ для Харьковской епархіи, 1894 г., стр. 258.

Обращаясь отъ служебнаго положенія къ учено-литературной дѣятельности почившаго, мы видимъ, что онъ сдѣлалъ многое, хотя, нѣтъ сомнѣнїя, онъ сдѣлалъ бы и большее, если бы его не постигло разстроенное здоровье и наконецъ смерть. Учено-литературные труды почившаго о. протоіерея отчасти примыкають къ его академическимъ, учебнымъ и ученымъ, занятїямъ, отчасти же вызываемы были особыми случаями. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить упомянутый ученый трудъ А. В. подъ заглавіемъ: „Ученіе св. Григорїя Нисскаго о природѣ человѣка“. Этотъ трудъ, напечатанный равнѣ въ Прибавленїяхъ къ изданію Свят. Отцовъ ¹⁾, а затѣмъ изданный отдѣльною книгою (Москва, 1886 г.) представляетъ собою цѣнный вкладъ въ нашу отечественную богословскую литературу. Выяснивъ и опредѣливъ тѣ внѣшнія вліянія, подъ которыми сложились своеобразныя богословско-философскія воззрѣнїя Св. Григорїя Нисскаго, почившій о. профессоръ дѣлитъ свое изслѣдованіе на три главные отдѣла.—Въ первомъ онъ раскрываетъ ученіе Св. Григорїя о природѣ человѣческой—въ состоянїи первобытной чистоты и невинности, точно соотвѣтствовавшемъ божественной идеѣ о человѣкѣ; во второмъ—въ состоянїи уклоненїя отъ этой идеи, въ какомъ находимъ мы природу человѣческую въ здѣшнемъ мірѣ и въ третьемъ—въ состоянїи возвращенїи этой природы къ идеальному ея назначенію, начиная съ момента смерти человѣка до окончательнаго достиженїя имъ первоначальнаго совершенства. Важность предмета соединяется въ этомъ изслѣдованїи съ увлекательнымъ изложенїемъ, такъ что чтеніе книги доставляетъ истинное удовольствїе: съ одной стороны оно знакомитъ читателя съ міровоззрѣнїемъ одного изъ знаменитѣйшихъ отцовъ вселенской церкви, а съ другой—увлекаетъ ясностію изложенїя. Въ другомъ своемъ трудѣ, напечатанномъ также въ „Прибавленїяхъ къ изданію Творенїй Святыхъ Отцевъ“ на тему: „Нравственное ученіе Климента Александрійскаго по сравненїю съ стоическимъ“ ²⁾ А. В. чѣмъ оставивается передъ фактомъ заимствованїи христіанскими пи-

¹⁾ Ч. 37 (1886 г.) стр. 1—154, ч. 38 (1886 г.) 505—629 стр.

²⁾ Часть 43, стр. 92 и сл.

сателями мнѣній и положеній языческой философіи и дѣлаетъ такимъ образомъ попытку рѣшить весьма важный вопросъ въ христіанскомъ нравоученіи: насколько эти заимствованія соотвѣтствуютъ духу и характеру откровеннаго ученія,—могутъ ли онѣ имѣть дѣйствительное мѣсто и оправданіе въ системѣ православнаго богословія? Онъ старается въ частности возможно безпристрастиѣ разъяснить вопросъ о вліяніи стояческой философіи на Климента Александрійскаго, излагаетъ основоположенія нравственной философіи стоиковъ, представляетъ затѣмъ моральное ученіе Климента преимущественно съ тѣхъ сторонъ, которыя имѣютъ ту или иную связь съ стоицизмомъ и, наконецъ, сосредоточиваетъ преимущественное свое вниманіе на рѣшеніи вопроса о ихъ дѣйствительномъ сродствѣ и различіи. На страницахъ журнала „Вѣра и Разумъ“ почившій о. профессоръ помѣстилъ: „Содержаніе Тертуліанова сочиненія „о свидѣтельствѣ души“ и его достоинство въ апологетическомъ отношеніи“¹⁾. Въ этомъ сочиненіи онъ прекрасно обрисовываетъ коренную заслугу Тертуліана—перенесеніе дѣла защиты христіанства на новую, сравнительно съ греческими апологетами, его предшественниками, почву, болѣе цѣлесообразную и болѣе устойчивую, почву—антропологическую, или точнѣе—нравственно-психологическую. Свои доводы онъ подтверждаетъ ссылками преимущественно на указанный апологетическій трактатъ карагенскаго пресвитера подъ заглавіемъ: „о свидѣтельствѣ души,—по природѣ христіанки“, заглавіи какъ нельзя болѣе соотвѣтствующемъ содержанію. На страницахъ того-же журнала о. профессоръ помѣстилъ и другую статью: „Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“²⁾. Здѣсь онъ послѣдовательно и съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ выставляетъ и подвергаетъ критической оцѣнкѣ тѣ доводы, при помощи которыхъ протестанты пытаются доказать безусловную необходимость крещенія дѣтей и въ то же время говорятъ о спасеніи всѣхъ одною вѣрою (*sola fides*). Кроме упомянутыхъ сочиненій, почившій о. протоіерей помѣстилъ на страницахъ „Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей“

1) Церковн. отд. журнала за 1893 г., стр. 363—378 и 441—454.

2) Тамъ же, стр. 712—736.

статью подъ заглавіемъ: „Къ вопросу о церковномъ учительствѣ“¹⁾, а на столбцахъ „Московскихъ Вѣдомостей“: „Рѣчь къ выпускнымъ воспитанникамъ гимназіи г-жи Фишеръ“²⁾ и др. Все напечатанное А. В. носитъ слѣды тщательной обработки и свидѣтельствуетъ о разнообразіи интересовъ, которые занимали его и широтѣ его богословско-философскихъ воззрѣній.

Наконецъ отмѣтимъ его глубокую религіозность. Его церковныя служенія отличались искреннимъ благоговѣніемъ. Это ясно свидѣтельствовало, что почившій былъ не только ученый мыслитель, но и искренно вѣрующій пастырь и христіанинъ. Глубокою религіозностью почившій отличался всегда. Будучи еще доцентомъ, А. В. посѣщаль обычно находившуюся неподалеку отъ его квартиры домовую гимназическую церковь въ Сергіевомъ Посадѣ. И тѣ, кому приходилось быть часто въ этомъ храмѣ не забыли, конечно, благоговѣйнаго профессора, нерѣдко читавшаго часы или апостолъ и строго, съ глубокимъ чувствомъ, исполнявшаго всѣ христіанскія обязанности. Кромѣ религіозности, почившій отличался еще стойкостію и вѣрностію своимъ убѣжденіямъ. Какъ человекъ вполне честный, онъ не мѣнялъ своихъ убѣжденій и оставался вѣренъ имъ, не смотря ни на какія житейскіе расчеты. Онъ не умѣлъ и не могъ кривить душою. Это было отличительною чертою его характера. Въ жизни своей онъ былъ скромнымъ, умѣреннымъ и любящимъ.

За свои ученыя и вообще служебныя заслуги покойный о. протоіерей былъ награжденъ наперснымъ крестомъ отъ Святейшаго Синода и орденомъ св. Анны 3 степени.

Пользовавшійся уваженіемъ при жизни о. протоіерей почтенъ былъ и по своей смерти. Заупокойную литургію и отпѣваніе его въ институтскомъ храмѣ совершилъ 20 ноября глубокоуважаемый Архипастырь, Преосвященный Ректоръ Московской Духовной Академіи Арсеній, Епископъ Волоколамскій, Викарій Московской Митрополіи въ сослуженіи ректора Московской духовной семинаріи Архимандрита Анастасія и нѣсколькихъ протоіереевъ и священниковъ. Погребеніе состоялось на клад-

1) №№ 44 и 45 за 1896 г.

2) № 243 за текущій годъ.

бищѣ Московскаго Скорбященскаго монастыря. У гроба почившаго произнесено было нѣсколько прочувствованныхъ словъ и рѣчей. Особенной задумчивостью отличалась рѣчь ординарнаго Профессора Московской Духовной Академіи Н. А. Заозерскаго, правдиво и всесторонне охарактеризовавшаго личность и дѣятельность прот. Мартынова.

Призвательная къ памяти почившаго, Харьковская Духовная Семинарія не осталась безучастною въ молитвѣ за своего бывшаго начальника. 20-го ноября въ семинарскомъ храмѣ совершена была редакторомъ журнала „Вѣра и Разумъ“, ректоромъ семинаріи прот. І. П. Знаменскимъ въ сослуженіи духовника семинаріи священника С. Посельскаго и діакона З. Кандыбы паннихида по скончавшемся протоіереѣ. Въ церкви присутствовали инспекція, преподаватели семинаріи, б. ч. бывшіе сослуживцы почившаго, воспитанники семинаріи, ученики находящейся при семинаріи образцовой школы и друг. молящіеся. Всѣ съ горестью услышали предъ паннихидою печальную вѣсть отъ о. ректора о смерти А. В. и затѣмъ вознесли молитвы о упокоеніи души почившаго.

Вѣчная ему память!

Л. Багрецовъ.

Нѣсколько словъ по вопросу о существованіи русской философіи.

Русская философія?! Да гдѣ она? Да есть ли она? Да можетъ ли она быть?

Разъясненія этихъ недоумѣній, полагаемъ, были бы во всякомъ случаѣ небезынтересны, если не признать ихъ прямо необходимыми. Поэтому мы и взяли на себя задачу сказать нѣсколько словъ въ опроверженіе всѣхъ этихъ скептическихъ недоумѣній по вопросу о существованіи русской философіи.

Не входя въ подробное изслѣдованіе, разберемъ здѣсь этотъ вопросъ лишь въ его схематическомъ видѣ. На чемъ основываются отрицающіе у насъ существованіе философіи? По какимъ мотивамъ они это дѣлаютъ? Мы не ошибемся, если скажемъ, что у большинства изъ нихъ тайною пружиною, побуждающею отрицать существованіе русской философіи, являются практическіе мотивы, даже, прямо скажемъ, мелкіе мотивы: прежде всего—боязнь показаться смѣшнымъ—малотребовательнымъ въ своихъ отношеніяхъ къ философіи. Вы признаете существованіе философіи, а вамъ докажутъ, что ея вовсе нѣтъ, и что вы слишкомъ наивно понимаете философію, если принимаете за нее всякіе суррогаты ея. Развѣ не въ смѣшномъ положеніи вы окажетесь? А быть въ смѣшномъ положеніи куда какъ нехорошо! Гораздо удобнѣе прямо отрицать существованіе у насъ философіи. Это смѣло, оригинально, а главное—безопасно: вмѣсто того, чтобы самому доказывать, вы, отрицая что либо, заставляете доказывать самого противника. Вторая при-

чина, побуждающая отрицать существованіе въ Россіи философіи, это нѣкоторая, присущая душѣ каждаго, истинно любящаго свое отечество, человѣка скромность. Мы, русскіе; боимся, какъ бы стыдимся преувеличить достоинства своего народа. Особенно такая боязнь присуща нашимъ западникамъ. Боязнь приписать излишніа достоинства русскому народу побуждаетъ ихъ отрицать и тѣ, какія онъ дѣйствительно имѣетъ.

Теперь на счетъ основаній отрицанія русской философіи. Какъ на первое основаніе своихъ отрицательныхъ взглядовъ, скептики указываютъ на то, что въ Россіи до сихъ поръ ничего еще не сдѣлано по философіи. „Наше философское образованіе находится еще на стадіи „туманныхъ пятенъ“, иронизировалъ по этому поводу (въ началѣ 90 годовъ) самый видный представитель философіи второй половины XIX вѣка, недавно скончавшійся Влад. С. Соловьевъ. Другіе, менѣе блестящіе, но не менѣе рьяные скептики твердятъ то же самое: у насъ нѣтъ философіи! Укажите, говорятъ, одно хоть имя, одно философское произведеніе, которое сообщало бы человѣчеству такое новое, чего бы на Западѣ не знали, о чемъ тамъ не писали бы!

Разумѣется, имъ говорятъ имена, указываютъ произведенія,—но вѣдь о словахъ всегда можно спорить, а между тѣмъ поводомъ къ отрицанію русской философіи служить ни болѣе—ни менѣе, какъ споръ о словахъ. На самомъ дѣлѣ, недоразумѣніе, заключающееся въ отрицаніи существованія русской философіи, коренится прежде всего на двоякомъ пониманіи самаго термина: „философія“. Какъ понимать философію: въ школьномъ ли смыслѣ опредѣленной науки, или же въ смыслѣ общаго міровоззрѣнія, какъ понимаетъ ее общій смыслъ? Что въ послѣднемъ смыслѣ философія всегда существовала—у каждаго народа и даже у каждаго человѣка—нечего и говорить. На какомъ бы низкомъ уровнѣ развитія ни стоялъ отдѣльный человѣкъ или цѣлый народъ, онъ всегда имѣетъ такое или иное общее воззрѣніе на міръ. Слѣдовательно, съ этой стороны невозможно отрицать существованіе философіи въ Россіи. Остается, значить, отрицать философію въ смыслѣ науки. Отрицать ее въ этомъ смыслѣ потому особенно удобно, что, какъ

извѣстно всякому образованному человѣку,—философія до сихъ поръ не имѣетъ точно установленнаго опредѣленія,—и вотъ скептики очень ловко и пользуются этимъ неопредѣленнымъ значеніемъ слова „философія“, въ видахъ оправданія своихъ отрицательныхъ взглядовъ на русскую философію. Но имѣютъ ли они достаточныя основанія для этого отрицанія философіи, хотя бы въ школьномъ смыслѣ этого слова? Далекъ нѣтъ! И здѣсь опять самая возможность отрицанія коренится на недоразумѣніяхъ. Весь вопросъ сводится къ тому, что разумѣть подъ славами: „*есть философія*“.

Что, на самомъ дѣлѣ, рѣшаетъ вопросъ о томъ, есть или нѣтъ среди извѣстнаго народа философія? Разумѣется, не количество сочиненій философскаго характера,—количество нигдѣ не говоритъ о существѣ дѣла. Что же?—Остается сказать, что качество сочиненій. Но какъ повимать это „качество“?—Отрицающіе существованіе философіи у насъ обыкновенно указываютъ на то, что у насъ нѣтъ и не было ни одного гениальнаго представителя философіи, что до сихъ поръ русская философія не представила ни одной строго-последовательно проведенной философской системы. Но противъ первой половины возраженія, что у насъ до сихъ поръ не было философскаго генія, нужно сказать, что указывать на отсутствіе генія, какъ на основаніе отрицанія русской философіи, неосновательно и ненаучно: если связывать существованіе философіи съ философскими геніями; то придется отрицать существованіе философіи за цѣлыя столѣтія не только въ Россіи, но и во многихъ другихъ, безусловно философскихъ странахъ, напримѣръ, въ той-же Германіи, гдѣ до Лейбница не было ни одного гениальнаго мыслителя; а кто же осмѣлится сказать, что до Лейбница въ Германіи не было философіи?! Что же касается того, будто у насъ ни у кого изъ философовъ нѣтъ строго последовательной системы, то это не вполне справедливо. У нѣкоторыхъ изъ русскихъ философовъ, напр., у Юркевича, Кудрявцева, Преосвященнаго Никанора, Чичерина, Соловьева, мы находимъ если и незаконченныя, то все-же строго последовательныя системы. Да нужно и то сказать, что еслибы и не было строго проведенныхъ системъ, то и это не могло бы слу-

жить основаніемъ отрицать русскую философію. Въ самомъ дѣлѣ, много-ли и въ Западно-европейской философіи мы найдемъ строго-опредѣленныхъ, послѣдовательныхъ системъ? Системъ, подобныхъ Кантовой, Гегелевой, Миллевой, Контовой, мы найдемъ слишкомъ мало. Слѣдовательно, и эта причина,—отсутствіе послѣдовательно-проведенныхъ системъ,—еще не говоритъ противъ существованія русской философіи. Наконецъ, самое послѣднее и вмѣстѣ съ тѣмъ, повидимому, самое сильное возраженіе противъ существованія русской философіи—это отсутствіе въ ней самостоятельнаго характера. Говорятъ, что русская философія представляетъ собою только просто компиляцію съ Западно-европейской, преимущественно нѣмецкой, философіи; говорятъ, что русская философія совершенно не представляетъ самостоятельности въ своихъ изслѣдованіяхъ и изысканіяхъ. „Помилуйте, говорятъ, если у насъ и есть что философское, такъ ужъ никакъ не философія, а только „философская литература“. У насъ есть, говорятъ, писатели, посвящающіе свои труды обзорѣнью и разбору вопросовъ, касающихся философскихъ предметовъ—вотъ и все. Что же касается философовъ—мыслителей, которые *самостоятельно* философствовали бы о Богѣ, мірѣ, происхожденіи и назначеніи чело-вѣка и т. под. вѣчныхъ вопросахъ, то такихъ у насъ нѣтъ,—а слѣдовательно нѣтъ и философіи!

Но серьезно ли это возраженіе? заслуживаетъ ли вниманія раздѣленіе между философіею и философскою литературою? Ни въ какомъ случаѣ. Подъ понятіе философской литературы можетъ подойти и понятіе философіи, и потому противопологать другъ другу эти понятія рѣшительно нѣтъ смысла. Въ обширномъ смыслѣ, любое произведеніе любого философа, хотя бы и величайшаго, можетъ войти въ понятіе философской литературы, оставаясь въ строгомъ смыслѣ философскимъ произведеніемъ. Слѣдовательно, если здѣсь можетъ идти споръ, то опять только о словахъ, а не о дѣлѣ.

Но разграничивающіе данныя понятія и зачисляющіе русскія философскія произведенія въ отдѣлъ философской литературы, хотятъ этимъ выставить то, что русская философія не имѣетъ самостоятельнаго и „самобытнаго“ характера. Разберемъ эти

упреки, дѣлаемые русской философіи за отсутствіе въ ней характера самобытности и самостоятельности. Прежде коснемся упрека въ отсутствіи самобытности. Тѣ, которые ставятъ вопросъ о „самобытности“ русской философіи, обыкновенно понимаютъ слово „самобытность“ въ томъ смыслѣ, что философскіе выводы русскихъ мыслителей должны не противорѣчить „историческимъ основамъ“ русскаго народа, его „вѣковымъ устоямъ“. Но вѣдь еще вопросъ, въ чемъ видѣть эти основы, эти устои; здѣсь возможны самыя сильныя разногласія. Что, на самомъ дѣлѣ, принято называть устоями какого-либо народа? Подъ этимъ терминомъ преимущественно разумѣютъ тѣ, лежащія въ глубинѣ народнаго духа, вѣками скоплавшіяся религіозныя и нравственныя данныя, которыя служатъ главнѣйшими факторами въ исторической жизни народа. Вотъ эти-то данныя, эти „вѣковые устои народнаго духа“ и должны, говорятъ, лечь въ основу русской философіи, если только эта послѣдняя хочетъ быть самобытною. Но дѣйствительно ли эти устои должны быть полагаемы въ основу философіи? да и могутъ ли они быть полагаемы? Для насъ не будетъ затруднительнымъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, если мы прослѣдимъ генезисъ народныхъ устоевъ и основъ. Народные устои вовсе не представляютъ собою *первичныхъ*, природныхъ элементовъ народнаго духа: они являются продуктомъ вѣроисповѣдныхъ, историческихъ, географическихъ, расовыхъ и т. д. особенностей народа, т. е., являются уже вторичными образованіями (формаціями) человѣческаго духа.

Но могутъ ли класться въ основу рѣшенія вопроса вторичные факторы тамъ, гдѣ дѣло касается вѣчныхъ, безусловныхъ, общечеловѣческихъ основъ жизни, коренныхъ элементовъ человѣческаго духа?

Мы полагаемъ, что на этотъ вопросъ возможенъ только отрицательный отвѣтъ. Если въ какой либо наукѣ, то именно въ философіи, и не могутъ имѣть значенія бытовья, соціальныя, географическія и историческія условія; именно въ философіи, какъ наукѣ общечеловѣческихъ и вѣчныхъ проблемъ и не можетъ быть ни русскихъ, ни англійскихъ, ни французскихъ, ни нѣмецкихъ философій. Но могутъ возразить: вѣдь существуютъ

же выраженія: англійская философія, нѣмецкая философія, и всѣ понимаютъ, что подъ именемъ англійской философіи разумѣютъ, преимущественно, эмпирическое направленіе, подъ именемъ нѣмецкой—идеалистическое. Не говоритъ ли это принятое словоупотребленіе за дѣйствительное существованіе „національных“ философій? Мы должны рѣшительно отвѣтить, что нисколько не говоритъ. Самыя приведенныя нами выраженія существуютъ. Но вопросъ въ томъ, имѣютъ ли еще право на существованіе эти выраженія съ тѣмъ самымъ пониманіемъ, какое обычно имъ приписывается. Дѣйствительно ли „вся“ англійская философія представляетъ тенденцію къ эмпиризму, нѣмецкая къ идеализму? Каждый, знакомый съ исторіей философіи, имѣетъ основанія отвѣтить на это отрицательно. Довольно указать для англійской философіи имена: Беркли, Рида, Гамильтона, для нѣмецкой—Фейербаха, Бюхнера, Фохта, чтобы отказаться приписывать англійской философіи тенденціи эмпиризма, нѣмецкой—идеализма. Все дѣло въ томъ, что указанныя нами выраженія представляютъ лишь примѣры поспѣшныхъ обобщеній, а потому и должны быть употребляемы лишь въ очень условномъ смыслѣ. Правда, эти выраженія довольно часто допускаются и въ философской литературѣ, но обычность употребленія, разумѣется, не можетъ говорить еще за его основательность. Итакъ, мы можемъ сдѣлать выводъ, что составившіяся, какъ продуктъ поспѣшнаго обобщенія, выраженія: англійская философія, нѣмецкая философія и т. д. нисколько еще не говорятъ за возможность существованія національной философіи. Философія, во всякомъ случаѣ должна быть универсальна, а не національна; она должна рѣшать общечеловѣческія проблемы, должна удовлетворять общечеловѣческимъ вѣчнымъ запросамъ духа и непремѣнно съ точки зрѣнія вѣчныхъ и также общечеловѣческихъ психическихъ потребностей, а не съ точки зрѣнія вторичныхъ, условныхъ національныхъ наслоеній ¹⁾).

1) Считаемъ здѣсь не лишнимъ, во избѣжаніе недоразумѣній, оговориться: отрицая возможность „самобытности“ философіи съ принципиальной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія значенія самаго термина философія, мы не отрицаемъ того, что въ дѣйствительности всегда существовала и всегда будетъ встрѣчаться „самобытно

Итакъ, и отсутствіе въ русской философіи „самобытности“ въ строгомъ смыслѣ этого слова, нисколько еще не говоритъ противъ существованія этой философіи: изъ того, что русскіе мыслители не рѣшали философскія проблемы съ точки зрѣнія „русскихъ историческихъ устоевъ“¹⁾, не слѣдуетъ, чтобы и самой философіи не было въ Россіи. Притомъ нужно еще замѣтить и то, что философія какого либо народа не только *не должна*, но и *не можетъ* быть самобытною. Дѣло въ томъ, что при условіи развившихся постоянныхъ и систематическихъ сношеній между народами и чрезъ то постоянныхъ вліяній одного народа на другой, ждать въ настоящее время отъ какого либо народа „самобытной“ философіи *можно лишь по недоразумѣнію*. На самомъ дѣлѣ, *самобытнаго*, въ строгомъ смыслѣ, въ настоящее время можно ждать только отъ какихъ нибудь дикарей центральной Африки, къ которымъ еще не проникли Ливингстоны и Стэнли и которые, можетъ быть, еще долгое время останутся изолированными отъ культурной жизни. Отъ тѣхъ же народовъ, которые уже вступили въ сношенія съ культурными націями, ни въ какомъ случаѣ нельзя ждать самобытной (въ строгомъ значеніи этого слова) философіи²⁾: представители этихъ націй всегда будутъ находиться подъ вліяніемъ представителей другихъ націй (какъ всегда болѣе молодой умъ испытываетъ вліяніе ума болѣе зрѣлаго), разумѣется, при условіи сношеній:—всегда будутъ мыслить и писать ихъ терминами,

характерная“ философія, съ своей „національно-характерной“ окраской, въ силу того, что каждый философъ не есть какой нибудь абстрактъ, а живая личность, связанная духомъ и тѣломъ съ своимъ народомъ и съ своимъ временемъ, живой носитель субъективно-цѣльнаго міровоззрѣнія, отражающагося субъективно-національными чертами въ философскихъ системахъ. „Фундаменты готическаго храма и русскаго собора, прекрасно говорилъ по этому поводу Н. Я. Гротъ, могутъ быть почти тождественны, но воздвигнутыя на нихъ зданія, будутъ носить стиль различный, національный“. (Вопросы философіи и психологіи, 1890, кн. 2, ст.: Что такое метафизика?) Въ философіи *могутъ* обнаруживаться самобытно-національныя тенденціи, но она *не должна быть тенденціозно* самобытно-національна, иначе она не „философія“.

1) Попытки къ такимъ рѣшеніямъ, правда, дѣлались, прѣмѣромъ чего могутъ служить славянофилы.

2) Прѣмѣръ Сѣверо-Америк. Соед. Штатовъ—государства высоко-культурнаго, однако не имѣющаго „самобытной философіи“, служитъ сильнымъ подтвержденіемъ этого заключенія.

разрабатывать темы, сперва данныя ими. Но если, такимъ образомъ, полная самобытность невозможна, то па что же осуждается всякій народъ, волею судьбы выступившій поздно на поприще философіи? Неужели только на компиляцію трудовъ ранѣе выступившихъ и потому болѣе развитыхъ своихъ предшественниковъ? Конечно, нѣтъ. Среди такого народа возможны самостоятельныя философскія изслѣдованія. Важно, чтобы всякое содержаніе—истинное или ложное, условное или безусловное—усвоялось этимъ народомъ свободно, сознательно, и чтобы чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе освобождалась нарождающаяся философія этого народа отъ той степени зависимости отъ иностранной философіи, которую она пока не можетъ устранить въ силу своей сравнительной молодости. Желательно лишь, чтобы философія извѣстнаго народа, постепенно развиваясь, все болѣе освобождалась во имя всечеловѣческаго, безусловнаго значенія философіи отъ вліянія тѣхъ одностороннихъ національных началъ, которыя есть въ философіи каждаго народа и которыя нарождающеюся философіею молодого народа могутъ быть въ первое время приняты на ряду съ вѣчными и безусловными началами философіи. Вотъ въ этомъ освобожденіи философіи извѣстнаго народа отъ одностороннихъ, во имя общечеловѣческихъ началъ и можно видѣть ея истинную самобытность. Но тенденціи къ такой самобытности, какъ мы увидимъ далѣе, присущи и русской философіи, и слѣдовательно, упрекать ее въ отсутствіи такой самобытности нѣтъ достаточныхъ данныхъ.

Но противники русской философіи отрицаютъ въ ней не только характеръ самобытности, но и характеръ самостоятельности. Говорятъ, что русская философія представляетъ лишь слабое подражаніе западно-европейской философіи, что въ русской философіи нѣтъ самостоятельныхъ изслѣдованій по философіи. Но правда ли это? Дѣйствительно ли русская философія вовсе не имѣетъ самостоятельныхъ изслѣдованій? Опять рѣшительно отвѣчаемъ: во всякомъ случаѣ, нѣтъ. Въ какой степени зависимость лишаетъ мыслителя права считаться самостоятельнымъ философомъ? Вѣдь, судя строго, никто не можетъ назваться безусловно самостоятельнымъ. Даже и Оалесъ исходилъ же отъ чего нибудь,

хотя бы отъ религиозныхъ представленій предшествующаго періода развитія греческой мысли. Въ извѣстной степени, всѣ писатели и философы зависимы отъ предшествующихъ писателей и мыслителей въ своихъ міровоззрѣніяхъ, какъ всѣ люди по тѣлу зависятъ отъ предшествовавшихъ поколѣній; но зависимы не только отдѣльные мыслители,—но и цѣлые народы отъ націй, ранѣе выступившихъ на поле исторіи и ранѣе ихъ рѣшившихъ вѣчные вопросы философіи. Въ силу же такого великаго значенія зависимости отъ предшествующихъ вліяній, происходитъ то, что писать исторію философіи русскаго народа и вообще народовъ, выступившихъ на поприще культурной жизни въ сравнительно недавнее время, значитъ совсѣмъ не то, что писать исторію философіи, напр., греческаго или какого нибудь изъ восточныхъ народовъ. Тогда какъ у восточныхъ народовъ, жившихъ изолированной жизнью и почти вовсе не стоявшихъ въ культурной зависимости отъ другихъ народовъ, можно съ первыхъ шаговъ философіи искать самостоятельныхъ воззрѣній, у народа,—подобно русскому, выступившаго на историческое поприще въ позднюю эпоху, такихъ самостоятельныхъ воззрѣній, а тѣмъ болѣе самостоятельныхъ философскихъ изслѣдованій, мы не можемъ рассчитывать найти. Такой народъ сперва становится въ зависимость отъ болѣе культурныхъ націй и только постепенно освобождается отъ философской зависимости предъ этими народами. Въ исторіи нашей философіи мы дѣйствительно и видимъ такое, лишь постепенное, освобожденіе отъ зависимости предъ западно-европейской философіей. На самомъ дѣлѣ, въ русской философіи лишь въ первое время ея существованія большинство изъ выходившихъ трудовъ представляло собою только подражаніе западно-европейской философіи. Но не нужно забывать того, что въ то время, когда русскіе выступали на поприще философствованія, западно-европейская мысль уже совершила нѣсколько цикловъ развитія. Что же на первое время оставалось дѣлать русскимъ мыслителямъ, какъ не идти тою проторенною дорогою, которою шли мыслители другихъ странъ? Русскую мысль скорѣе можно было бы упрекать въ незрѣлости въ томъ случаѣ, если бы она стала игнорировать свою предшественницу—западно-европейскую фи-

лософію. Да притомъ и здѣсь, на первыхъ же порахъ, мы видимъ примѣры выдающейся философской самостоятельности: довольно вспомнить философа второй половины XVIII вѣка—Сковороду, чтобы убѣдиться въ этомъ. Затѣмъ, и въ послѣдующіе періоды исторіи нашей философіи, на ряду съ мыслителями, прямо пересаживавшими на русскую почву иностранныхъ (преимущественно, нѣмецкихъ) философскихъ писателей, наряду напр. съ Велланскимъ, прямо переводившимъ Шеллинга и его ученика Окена, мы видимъ такихъ глубоко самостоятельныхъ писателей, какъ Сидонскій, нѣкоторыми мыслями своими предвосхитившій великихъ англійскихъ эмпириковъ—Бэна и Дж. Ст. Милля. О послѣдующемъ времени нечего и говорить: все чаще и чаще являются писатели, которые вполне критически относятся къ западно-европейской философіи, которые, если что изъ нея и заимствуютъ, то опять таки перерабатывая и воплощая въ новыя оригинальныя формы. Довольно вспомнить труды первыхъ славянофиловъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Поэтому, повторяемъ, весь вопросъ въ томъ, какъ понимать „самостоятельность“. Вѣдь если понимать этотъ терминъ въ смыслѣ независимости исходной точки зрѣнія, въ смыслѣ отсутствія вліянія предшествовавшихъ философовъ, то въ такомъ смыслѣ рѣшительно никто не можетъ оказаться самостоятельнымъ. Вѣдь даже Кантъ въ своей философіи исходилъ отчасти изъ ученія Юма, отчасти изъ ученія Лейбница и его школы. Но никто же не можетъ оспаривать самостоятельности Канта. А почему? Да потому, что Кантъ, ко всему, что ни заимствовалъ, относился критически. Но съ этой точки зрѣнія, безъ сомнѣнія, и многіе русскіе философы вполне и по праву могутъ претендовать на званіе самостоятельныхъ философовъ. Итакъ, съ этой точки зрѣнія нѣтъ основаній отрицать существованіе у насъ философіи.

Нельзя отрицать ее и съ точки зрѣнія ея, правду сказать, печальнаго, неупорядоченнаго существованія въ прошломъ. На самомъ дѣлѣ, каковы эти факты прошлаго? Самые печальные! Русская философія до самаго послѣдняго времени не имѣла въ высшихъ свѣтскихъ школахъ даже правъ гражданства среди другихъ наукъ. Только съ 1863 г. утверждено ея преподаваніе

въ университетахъ, но и до сихъ поръ во всѣхъ русскихъ университетахъ (за исключеніемъ одного Московскаго) еще остаются незанятыми философскія кафедры въ нѣкоторыхъ по одному, а въ иныхъ даже и по двумъ (изъ трехъ) предметамъ. Затѣмъ, всего 11 лѣтъ, какъ основанъ у насъ первый свѣтскій спеціальныи органъ философіи. Далѣе—самое число философскихъ произведеній, по сравненію съ количествомъ нашей интеллигенціи, нашихъ мыслящихъ и образованныхъ людей, все же и въ настоящее время крайне незначительно. Но могутъ ли приведенные нами и подобныи имъ факты служить основаніемъ для отрицанія существованія русской философіи? Ни въ какомъ случаѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ стоитъ лишь обратиться къ исторіи какой либо страны, гдѣ философія уже, безспорно, существовала, напр., древней Греціи.

Въ Греціи, въ вѣкъ Платона и Аристотеля, конечно, не издавалось ни одного философскаго журнала,—правительствомъ, безъ всякаго сомнѣнія, не было учреждено ни одной философской кафедры: однако, несомнѣнно, философія въ это время существовала. Что же представляло философію въ это время? Да всего только кружокъ любителей мудрости, собиравшихся въ Афинахъ прежде у Сократа, а потомъ у Платона въ садахъ Академа и въ портикахъ Ликее у Аристотеля, послушать учителей и подѣлиться съ ними мыслями. Итакъ, только одинъ этотъ, безъ сомнѣнія, малочисленный кружокъ представлялъ всю философію. Правда, были и въ этомъ городѣ, гдѣ собирались названные кружки, и въ другихъ мѣстахъ другіе представители мудрости, которые тоже иногда основывали свои кружки, но все это было не упорядочено, не имѣло опредѣленной организаціи. Нынѣ—въ этихъ кружкахъ велись оживленные споры о самыхъ высокихъ вопросахъ, а завтра народное волненіе или новый тиранъ, и кружка какъ не бывало! Одинъ убѣгалъ въ Сиракузы, другой въ Италію, третій въ Іонію или въ Критъ и т. п. Всякій обмѣнъ мыслей прекращался, и иногда надолго, пока болѣе благопріятныя политическія обстоятельства не позволяли снова собираться и снова предаваться философскимъ изысканіямъ. Эту справку изъ области греческой исторіи мы сдѣлали для

того, чтобы показать, что ни отсутствіе философскихъ кафедръ, ни отсутствіе (ученыхъ) философскихъ журналовъ еще не доказываетъ отсутствія философіи, ибо ничего этого не было въ Аѳинахъ во время Сократа, Платона и Аристотеля, но между тѣмъ всякій скажетъ, что въ это время философія тамъ была, и не только была, но и прямо процвѣтала.

И у насъ въ Россіи, если кафедры философіи долгое время и не существовали среди другихъ университетскихъ кафедръ; если у насъ въ Россіи до самаго послѣдняго времени не было самостоятельнаго философскаго органа, то зато все время въ XIX вѣкѣ были своя, иногда многочисленныя, философскіе кружки, гдѣ занимались философіею съ небольшою горячностью и любовью къ дѣлу, чѣмъ въ древней Греціи.

Но здѣсь намъ предвидится такое возраженіе нашихъ противниковъ скептиковъ: „Какъ?! Вы сравниваете кружки Сократа, Платона и Аристотеля съ кружками какихъ нибудь Одоевскихъ, Полевыхъ, Станкевичей, Герценовъ?! Не есть ли это оскорбленіе памяти великихъ греческихъ философовъ?“ На это можно отвѣтить только то, что намъ, русскимъ, рѣшительно недостаетъ чувства уваженія къ самимъ себѣ. Только въ силу потери чувства національнаго самоуваженія мы можемъ стыдиться сравнивать явленія нашей русской жизни съ аналогичными явленіями странъ классической древности и современнаго Запада. Кружки московскихъ Шеллингианцевъ 30-хъ годовъ или Гегелианцевъ 40-хъ годовъ, сопоставляемые съ философскими кружками, группировавшимися вокругъ великихъ греческихъ философовъ IV вѣка до Р. Хр., имѣли слишкомъ много общихъ чертъ, чтобы мы могли опасаться обвиненія въ парадоксѣ, сравнивая ихъ между собою. Горячность въ исканіи истины, искренняя любовь къ философіи и другія качества дѣлаютъ возможнымъ серьезно говорить объ ихъ сопоставленіи, разумѣется, не входя въ сравненіе результатовъ философіи: въ этомъ отношеніи наши кружки, конечно, не могутъ выдержать сравненія съ греческими философскими кружками, имѣвшими міровое значеніе. Если у насъ въ этихъ кружкахъ иногда встрѣчались офицеры—жуиры, такъ неужели поэтому нужно отрицать всякое серьезное значеніе за этими

кружками? Но вѣдь и въ сократовскомъ кружкѣ встрѣчались свои повѣсы—Алкивіады: однако же никто, на этомъ основаніи, не можетъ отрицать значенія за философскимъ кружкомъ Сократа! Единичные примѣры не говорятъ еще противъ общаго смысла извѣстнаго явленія,—и потому, если мы не считаемъ возможнымъ отрицать существованіе философій въ Аѳинахъ, когда тамъ были только свои философскіе кружки, то неужели мы можемъ отрицать существованіе философій въ Россіи, гдѣ существовали свои философскіе кружки, гдѣ, хотя не регулярно, но преподавалась философія, и гдѣ всетаки, хотя и не въ спеціальныхъ органахъ, русскіе мыслители все же могли печатать свои произведенія? Итакъ, мы теперь можемъ сказать: и неудовлетворительное состояніе русской философій, съ ея внѣшней стороны, не можетъ давать основаній для отрицанія философій въ Россіи.

Но скептики не останавливаются на разобранныхъ нами возраженіяхъ. Они указываютъ еще на отсутствіе прогресса въ исторіи русской философій, какъ на основаніе для отрицанія русской философій. Но правда ли, что она не сдѣлала ни одного шага впередъ за время своего существованія? Рѣшительно, нѣтъ. Отрицающіе прогрессъ въ философій говорятъ, что сравненіе хода философій съ ходомъ наукъ историческихъ и другихъ, даетъ такіе выводы: тогда какъ литература, историческія, естественныя, юридическія науки сдѣлали великій шагъ впередъ, философія стоитъ почти на одномъ мѣстѣ“. Но это преувеличеніе. Довольно самаго бѣлаго знакомства съ исторіей русской философій, чтобы убѣдиться, какой серьезный прогрессъ совершила она въ истекшее (XIX) столѣтіе. Начнемъ со внѣшней стороны. Въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія проходили цѣлые годы прежде, чѣмъ являлось какое нибудь философское сочиненіе. Съ двадцатыхъ годовъ XIX ст. эти сочиненія, хотя и въ маломъ количествѣ, но стали уже ежегодно появляться; въ сороковыхъ годахъ они выходятъ десятками, а въ семидесятыхъ годахъ начинается уже чувствоваться потребность въ философскихъ журналахъ. Здѣсь также наблюдается постепенность. Сперва являются журналы: „Знаніе“, „Мысль“, „Русское Богатство“, изъ духовныхъ—„Православное

Обозрѣніе“ и всѣ академическіе, только отчасти, между прочимъ матеріаломъ, отводящіе мѣсто философскимъ вопросамъ. Далѣе дѣлается попытка издавать журналъ, если не исключительно, то преимущественно философскаго характера. И такъ какъ философскія традиціи установились среди представителей духовной школы ранѣе, чѣмъ въ свѣтской средѣ, то въ духовномъ мірѣ и проявилась первая такая попытка: въ 1884 году явился журналъ „Вѣра и Разумъ“, изданіе преимущественно философскаго характера. Но дѣло на этомъ не остановилось. Дѣлаются попытки (въ свѣтской средѣ) издавать журналъ уже исключительно философскаго характера. Сперва эти попытки дѣлаются единичными силами—издаются собственно не журналы, а лишь сборники: „Философскій Трехмѣсячникъ“ Козлова, „Свое Слово“ его же. И только наконецъ, уже въ самомъ концѣ 80-хъ годовъ (въ ноябрѣ 1889 г.) является первый журналъ, спеціально посвященный вопросамъ философіи и психологіи, извѣстные „Вопросы Философіи и Психологіи“. Такимъ образомъ, во внѣшнемъ, количественномъ отношеніи прогрессъ философскихъ наукъ въ нашемъ отечествѣ внѣ всякаго сомнѣнія.

Но то же мы можемъ сказать и о качественномъ прогрессѣ русской философіи. Можно вообще сказать, что только въ семидесятые годы XIX в. русская философія вступила на путь серьезнаго всесторонняго рѣшенія философскихъ проблемъ; только въ эти годы появляются философскіе труды, въ которыхъ разсматриваются произведенія философовъ различныхъ направленій, тогда какъ прежде русскіе философы являлись послѣдователями только отдѣльныхъ философовъ-мыслителей. Такъ во второй половинѣ XVIII столѣтія—въ 60-е и 70-е годы—всѣ немногочисленныя русскія философскія произведенія представляютъ собою не что иное, какъ подражанія или опроверженія Лейбнице-Вольфіанской философіи. Въ концѣ 70, 80 и 90 годовъ XVIII в. являются большею частью подражатели Вольтера. Начиная съ первыхъ годовъ XIX вѣка, особенно въ тридцатые годы, мы видимъ увлеченіе Шеллингомъ: въ концѣ тридцатыхъ и въ сороковые—увлеченіе новымъ философомъ—Гегелемъ—все это были увлеченія одностороннія, однимъ какимъ-нибудь философомъ: въ одно время Вольтеромъ, въ другое Шеллингомъ,

въ гретѣ Гелелемъ, но о другихъ писателяхъ наши „философы“ считали себя еще въ правѣ не знать. Подобное же явленіе мы замѣчаемъ и въ пятидесятихъ и даже шестидесятихъ годахъ XIX в. Разница только въ томъ, что прежде покровлялись единичной философія Шеллинга или Гегеля, отдѣльнымъ философамъ, а теперь цѣлымъ направленіямъ—материализму и позитивизму. Въ то время въ пятидесятихъ и шестидесятихъ годахъ на Западѣ,—собственно въ Германіи,—не было такихъ крупныхъ философскихъ величинъ, которыя оригинальностью и цѣльностью своихъ воззрѣній могли бы завладѣть умами русскихъ мыслителей, какъ въ свое время ими владѣли Шеллингъ и Гегель,—и вотъ русскіе увлекаются цѣлыми направленіями, опять безъ широкаго знакомства съ другими направленіями философской мысли.

Совсѣмъ другое положеніе дѣла мы замѣчаемъ въ семидесятихъ годахъ XIX ст. Въ это время выступаетъ на философскую сцену цѣлый рядъ мыслителей, которые понимаютъ задачи философіи несравненно шире и глубже, чѣмъ ихъ предшественники. Мы не видимъ въ нихъ такого увлеченія однимъ какимъ либо мыслителемъ; нѣтъ, мы видимъ, что въ нихъ преобладаетъ критическое отношеніе къ различнымъ философскимъ направленіямъ. Если какой либо изъ этихъ писателей и имѣетъ своего излюбленнаго философа, то все же онъ отнюдь не считаетъ возможнымъ руководиться лишь имъ исключительно. Велею неволею, понуждаемый критикой своихъ противниковъ, онъ изучаетъ другихъ писателей. Такимъ образомъ, кругозоръ философскихъ писателей дѣлается несравненно шире. Этому особенно помогаютъ критики. Философская критика и составляетъ характерный признакъ, отличающій русскую философію четырехъ послѣднихъ десятилѣтій XIX ст. До 50-хъ годовъ мы вовсе не видимъ философской критики. Вновь выходившія философскія произведенія рѣдко находили себѣ публичную оцѣнку. Рѣдко, рѣдко когда кто-нибудь, большею частью ех offiціо откликался на вновь вышедшую философскую книжку. Съ появленіемъ словянофиловъ положеніе дѣлъ измѣнилось. Появляется критика. Первые словянофилы (особенно Кирѣевскій и Хомяковъ) всегда дѣлали замѣтки по поводу вновь вы-

ходившихъ книгъ философскаго характера. Эта критика особенно развилась въ шестидесятыхъ годахъ, когда господствующее мѣсто въ передовой печати заняли матеріализмъ и позитивизмъ (съ половины 60-хъ годовъ—Ватсонъ, Писаревъ, Лавровъ, Антоновичъ). Крайностями своихъ выводовъ они заставляли братья за перо самыхъ спокойныхъ кабинетныхъ ученыхъ и даже изъ той среды, изъ которой рѣдко выходили бойцы на поприще литературной борьбы,—изъ среды духовно-академической философіи (Юркевичъ). Но все же и въ 60-е годы философская критика не имѣла такого значенія, которое она получила въ послѣднія два—три десятилѣтія—въ 70-е, 80-е и 90-е годы. Рѣдкое философское произведеніе изъ появляющихся въ это время не вызываетъ ряда оцѣнокъ со стороны писателей различныхъ направленій. Такъ, уже въ 70-ые годы мы видимъ самую оживленную перепалку по поводу диссертациі Струве: „Самостоятельное начало душевныхъ явленій“. Струве критикуютъ съ различныхъ сторонъ: Н. Аксаковъ со стороны философіи, Усовъ—физиологіи; въ полемику вмѣшиваются Страховъ, Юркевичъ. „Задачи психологіи“ Кавелина также возбуждаютъ оживленную полемику между Кавелинымъ, Сѣченовымъ и Самаринымъ. Въ 1874 г. съ появленіемъ перваго выдающагося сочиненія В. С. Соловьева: „Кризисъ западной философіи“, снова возникаетъ горячая полемика: Соловьева разбираютъ представители такихъ различныхъ направленій, какъ Лесевичъ и Кавелинъ съ одной стороны, Страховъ, Владиславлевъ, Чичеринъ, Козловъ и Дебольскій съ другой. Въ послѣдующіе годы философская критика не уменьшается, но все болѣе и болѣе прогрессируетъ. Мы оставляемъ пока вопросъ о достоинствѣ нашей философской критики, мы констатируемъ лишь голый фактъ—очевидное развитіе критики. Это развитіе философской критики и было важнымъ факторомъ развитія философской мысли. Критика очень много содѣйствовала оживленности философскихъ работъ. Итакъ, мы видимъ, что отрицать прогрессъ въ развитіи русской философіи нельзя. За истекшее ХІХ-е столѣтіе русская философія сдѣлала замѣтный шагъ впередъ, хотя, можетъ быть, и не такой блестящій, какой сдѣлали другія области знанія. Но иначе и быть не могло. Философія, имѣющая своею цѣлью

выработку цѣльнаго міровоззрѣнія, представляетъ, въ силу своей общности, несравненно труднѣйшую область знанія, нежели какая либо другая наука, и по тому самому фило-софія можетъ появиться въ извѣстномъ обществѣ только уже при достаточной степени общаго развитія и при условіи дол-гихъ философскихъ традицій.

Если и настоящее состояніе философіи въ Россіи не можетъ удовлетворять требовательнаго ревнителя просвѣщенія, то не нужно забывать и того, что первый университетъ въ Россіи основанъ всего 145 лѣтъ тому назадъ, а кафедры философіи стали на твердую почву въ университетахъ всего какіе нибудь 38 лѣтъ съ 1863 года. До этого времени, философскія кафедры въ университетахъ то существовали, то закрывались ¹⁾. Разу-мѣется, трудно ожидать, чтобы въ этотъ столь короткій срокъ ²⁾ философія могла сдѣлать прочные успѣхи и русскіе философы слѣлаться замѣтными и за границей. Дѣло и значеніе русской философіи—вопросъ будущаго; но имѣемъ смѣлость сказать—будущаго не отдаленнаго. Русскими мыслителями сдѣлано пока немного. Но и сдѣланнаго уже достаточно, чтобы имѣть осно-ваніе сказать, что русская философія по серьезности, глубинѣ и всесторонности нѣкоторыхъ своихъ изслѣдованій недалека отъ того, чтобы въ лицѣ своихъ, по крайней мѣрѣ, лучшихъ представителей сдѣлаться извѣстною и за-границей.

Итакъ, мы имѣемъ право сказать, что указаніе и на неудо-влетворительное состояніе русской философіи, какъ науки, не можетъ считаться основаніемъ для отрицанія существованія фи-лософіи въ Россіи. Все это отрицаніе, собственно говоря, по-строено, какъ мы видѣли, на недоразумѣніи, и въ этомъ отно-шеніи оно, пожалуй, не заслуживало бы даже и опроверженія, если бы не та настойчивость, съ которою проводятъ это отри-цаніе скептики.

¹⁾ Такъ, съ 1850—1863 г.г. особенной философской кафедры въ университе-тахъ не было, а философію поручено было преподавать профессорамъ богосло-вія, которые и должны были читать „божественную Логіку и божественную Пси-хологію“, т. е., преподавать философію съ точки зрѣнія богословія.

²⁾ Въ духовныхъ академіяхъ, правда, философія все время (съ конца 17 вѣка) преподавалась, но преподаваніе ея велось преимущественно въ цѣляхъ аполо-гетическихъ.

Какой же выводъ мы можемъ сдѣлать изъ всѣхъ нашихъ предшествовавшихъ разсужденій? Прямой выводъ тотъ, что отрицаніе существованія философіи въ Россіи, по меньшей мѣрѣ, странно и неосновательно. Но вѣдь указаніемъ на странность, конечно, не заставитъ людей, ругающихъ все свое родное, стыдящихся его, замолчать, не разубѣдишь ихъ въ ложности ихъ доводовъ и основаній, не убѣдишь въ существованіи того, что они такъ страстно, хотя и неосновательно, отрицаютъ. Въ такомъ случаѣ единственнымъ способомъ рѣшенія вопроса былъ бы способъ, такъ сказать, наглядно историческій. Скептики отрицаютъ существованіе философіи въ Россіи, стараются преднамѣренно не замѣчать ея. Со стороны всякаго противника ихъ прямая задача должна заключаться въ томъ, чтобы представить имъ на лицо эту философію, указать имъ наличный историко-философскій матеріалъ. Поэтому мы и беремъ на себя задачу въ ближайшемъ будущемъ отъ времени до времени знакомить читателей съ этимъ матеріаломъ въ видѣ отдѣльныхъ очерковъ изъ исторіи русской философской мысли.

Александръ Никольскій.

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКІЯ ВОЗЗРѢНІЯ СКОВОРОДЫ.

(Окончаніе *).

ГЛАВА IV.

Въ предыдущихъ главахъ мы систематически раскрыли религиозно-нравственное міровоззрѣніе Сковороды. Подводя итоги всему сказанному, мы должны теперь 1) сдѣлать общую характеристику этого міровоззрѣнія, 2) дать оцѣнку основныхъ тезисовъ его и 3) указать значеніе Сковороды въ исторіи національно-русской философской мысли.

По основному направленію своей мысли и дѣятельности, Сковорода былъ религиознымъ мыслителемъ и проповѣдникомъ—моралистомъ. Изученіе его сочиненій приводитъ къ заключенію, что изслѣдованіе неическихъ запросовъ, касающихся человѣческой жизни, было главнымъ предметомъ его дѣятельности. Вслѣдствіе этого наибольшій интересъ Сковорода представляетъ какъ религиозный мыслитель и, какъ моралистъ, онъ имѣетъ наибольшее историческое значеніе. „Кто Христа знаетъ, то не важно, если онъ прочаго не знаетъ; кто Христа не знаетъ, то не важно, если онъ прочее знаетъ“,—пишетъ онъ въ одномъ письмѣ къ свящ. Я. Правицкому ¹⁾. Моральный мотивъ красною нитью проходитъ чрезъ всѣ сочиненія Сковороды. Выступивъ въ качествѣ учителя нравственности среди современнаго ему украинскаго общества, онъ стремился начертать ему фи-

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1901 г. № 21.

¹⁾ В. И. Срезневскій, „Библиографъ“, 1894 г., I, „Письма Г. С. Сковороды къ свящ. Я. Правицкому“ (1785—1788 гг.), стр. 9.

лософски обоснованный нравственный идеалъ христiанина. Для этого Сковорода самъ философствовалъ и другихъ побуждалъ заниматься изученiемъ философіи; для этого же онъ соединяетъ философію съ богословіемъ, желая изъ двухъ наукъ составить одну совершенную науку о счастіи человѣческомъ. Съ тою же цѣлью онъ изслѣдуетъ также вопросы чисто богословскаго и умозрительнаго характера, такъ какъ нравственность находится въ зависимости отъ религіи и вѣры, безъ которой не можетъ быть дано что-либо устойчивое и надежное для нравственности. Въ теченіе 30 лѣтъ Сковорода училъ современниковъ добродѣтели, отказываясь отъ всякихъ оффиціальныхъ общественныхъ должностей, которыя могли бы стѣснить его свободу. Нравственное просвѣщеніе современниковъ онъ считалъ своимъ долгомъ, обязательнымъ для его совѣсти, такъ какъ чувствовалъ къ этой дѣятельности призваніе свыше. Въ своихъ сочиненiяхъ Сковорода не разъ заявляетъ, что то „дѣло, которое онъ дѣлаетъ на театрѣ міра“, наиболѣе соотвѣтствуетъ его духовной природѣ. „Что мнѣ есть любезнѣе на небеси и на земли: точію поучатися святыни? пишетъ онъ въ одномъ письмѣ. Обучаться и вмѣстѣ обучать братію добродѣтели, якоже свыше заповѣдано мнѣ, сей мой единъ есть и жребій, и конецъ, и цвѣтъ, и плодъ жизни, и трудовъ моихъ успокоеніе... Согрѣлось мое сердце, и въ моемъ поученіи разгорается огонь, ибо что я говорю, то глаголю отъ избытка сердца, и не для того только, чтобы говорить, или чтобы не молчать. Я цѣлую жизнь промолчалъ бы, коль Минерва моя не велѣла бы мнѣ говорить ¹⁾“. Своимъ ученіемъ и дѣятельностію Сковорода стремился преобразовать русское общество и дать его жизни и мысли, вмѣсто стараго направленія, исполненнаго всякаго рода заблужденій,

¹⁾ „Софросина“; письмо къ прот. Ф. Загѣскому, 1763 г. 10 декабря, Телескопъ. XXVI, Москва, 1835 г., изслѣдованіе Б. Хиждеу, стр. 23, 154, 158. Нѣкоторые изслѣдователи (Срезневскій Н. И., Московскій наблюдатель, 1836 г. III и IV; Давилевскій Г. П., Основа, 1862 г., VII—IX, Д. И. Багалъй, соч. Сков., LXII, LXX) сомнѣваются въ принадлежности Сковородѣ тѣхъ сочиненій, которыя приписываетъ ему Хиждеу. Однако, можно согласиться съ мнѣніемъ проф. Зеленогорскаго, что эти сочиненія написаны Сковородою, такъ какъ нисколько не противорѣчатъ его взглядамъ и по духу своему близко подходятъ къ другимъ его сочиненіямъ.

новое, свѣтлое направленіе, которое онъ называетъ „новою славою“. Мысль объ этомъ будущемъ, возрожденномъ состояніи людей доставляла нашему моралисту высокое наслажденіе ¹⁾.

Проф. Багалъйи называетъ ученіе Сковороды, по основнымъ чертамъ его, идеалистическимъ. Мы указывали въ свое время, что идеализмъ Сковороды особенно ярко обнаруживается во взглядѣ на природу человѣка. Онъ былъ убѣжденъ, что душа, будучи божественнаго происхожденія, вообще болѣе склонна къ добру, чѣмъ ко злу. Если только мы знаемъ, въ чемъ заключается наше благо, то наша природная склонность къ добру, по его воззрѣнію, должна побѣдить склонность ко злу. Оптимистически смотритъ Сковорода и на вселенную, всѣ явленія которой онъ признавалъ въ высшей степени цѣлесообразными и полезными для нравственнаго развитія человѣка, правильно идущаго по пути этого развитія ²⁾. Даже смерть, по его взгляду, не есть зло въ собственномъ смыслѣ; она есть явленіе совершенно естественное и необходимое, совершающееся по волѣ Божіей и благодѣтельное для человѣка. Такой высокій взглядъ Сковороды на вселенную и природу челаѣвка объясняется, вѣроятно всего, нравственнымъ характеромъ самого Сковороды. По внутреннему складу Сковорода былъ, несомнѣнно, человѣкъ глубокаго ума и твердаго характера; замѣчая въ себѣ самомъ господство разума надъ грѣховными влеченіями и согласіе воли съ нравственными понятіями, онъ почти не замѣчалъ того, что въ природѣ существуетъ физическое зло, а въ людяхъ сильнѣе склонность ко злу, чѣмъ къ добру. Зависимость Сковороды отъ древнеязыческихъ и древнехристіанскихъ писателей отнюдь не должно преувеличивать. Его никакъ нельзя назвать эклектикомъ, сведшимъ въ одно все сходное въ древнеклассическихъ и святоотеческихъ философахъ. Біографъ свидѣтельствуетъ, что нѣкоторые большіе трактаты Сковороды писалъ въ такой обстановкѣ, при которой онъ не могъ имѣть никакихъ книгъ ³⁾, изъ которыхъ

1) „Книжечка о любви до своихъ, пареченная Ольга Православная“. Телескопъ, стр. 155—156.

2) Басня № 24, стр. 165—166.

3) Мы исключаемъ здѣсь Библию, съ которой Сковорода никогда не разставался.

онъ могъ бы выбирать все нужное ему ¹⁾. Древне классическая и святоотеческая литературы были только условіемъ образованія міровоззрѣнія Сковороды. Мысли великихъ умовъ древности онъ переработалъ по своему при помощи собственнаго анализа, а затѣмъ скомбинировалъ ихъ вполнѣ самостоятельно и въ строгой логической связи, примѣняясь при этомъ къ духу своего времени и потребностямъ и жизни окружающаго общества. Вотъ почему проф. Багалъй не безъ основанія называетъ Сковороду совершенно самостоятельнымъ и цѣлостнымъ. Система Сковороды— строго послѣдовательна. Основная мысль о Богѣ—Духѣ, господствующемъ надъ матеріей, красною нитью проходитъ чрезъ всѣ сочиненія Сковороды и ярко обнаруживается въ толкованіи Библии, въ теологическихъ воззрѣніяхъ и въ нравственно-практической философіи. Согласно съ нею Сковорода настаиваетъ на чисто духовномъ пониманіи христіанства. Послѣдовательное проведеніе мысли о господствѣ духовнаго пачала надъ матеріальнымъ, какъ извѣстно, привело Сковороду къ нѣкоторымъ такимъ положеніямъ, которыя не совсѣмъ согласны съ ученіемъ православной церкви и носятъ раціоналистическій оттѣнокъ; это надобно сказать особенно о взглядѣ Сковороды на объясненіе Библии и на таинства и обряды. Полагая, что высшею формою Богопочитанія христіанинъ долженъ признавать служеніе Богу въ духѣ и истинѣ и чрезъ исполненіе Его воли входить во внутреннее непосредственное общеніе съ Нимъ, Сковорода таинства, праздники и обряды понималъ духовно ²⁾, не считалъ ихъ необходимыми для христіанина и называлъ ихъ „хвостами“ въ дѣлѣ вѣры, хотя, впрочемъ, никогда не говорилъ объ уничтоженіи ихъ. Такимъ образомъ, не признавая Сковороду, подобно г-жѣ Ефименко, раціоналистомъ *pur sang*, мы все-же должны сказать, что обвиненіе его въ раціонализмъ имѣетъ нѣкоторыя основанія. Но это не можетъ еще служить достаточнымъ основаніемъ сближать его съ сектан-

¹⁾ Такъ; сочиненія „Наркиссъ“ и „Асханъ“ онъ написалъ въ пасѣкѣ, у помѣщикавъ Земборскихъ, расположенной въ лѣсу („Житіе Сковороды“, стр. 24—25; сравн. Д. И. Багалъй, соч. Сков., LXXIV).

²⁾ Отд. II, стр. 110.

тами; какъ человѣкъ глубокаго религіознаго чувства, Сковорода былъ отъ души преданъ истинному христіанству, порицалъ всякое сектанство ¹⁾ и всегда желалъ остаться въ единеніи съ церковію.—По своему содержанію положительная этика Сковороды была возвышенна: она требовала много отъ человѣка, но, однако, какъ доказываетъ проф. Багалъй, не требовала аскетизма и самъ Сковорода не былъ аскетомъ. Онъ не былъ также мистикомъ, такъ какъ свѣтильникомъ жизни считалъ разумъ, а не чувство, и требовалъ практическаго осуществленія истинно-христіанскаго идеала. Частные тезисы философіи Сковороды разъяснены въ достаточной степени. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ, прежде всего, вопросъ о взаимоотношеніи вѣры и знанія: Сковорода не указываетъ ясно критерія религіозной истины и не опредѣляетъ границъ и характера разсудочнаго познанія. Надлежаще не разъясненъ у него и вопросъ о происхожденіи матеріи. Встрѣчающееся въ „Израильскомъ змѣ“ выраженіе: „давно уже просвѣщенные сказали вѣсть сію: materia aeterna“, очевидно, противорѣчитъ категорическому заявленію Ковалѣвскаго, что Сковорода считалъ все существующее твореніемъ всемогущаго Бога изъ ничего. На нашъ взглядъ, справедливѣе согласиться съ свидѣтельствомъ біографа, такъ какъ ученіе Сковороды о вѣчности матеріи противорѣчило бы его ясному ученію о безусловности Вседержителя; слова древнихъ философовъ „materia aeterna“ онъ, вѣроятно, понималъ въ указанномъ нами выше смыслѣ. Вопросъ о сущности нравственнаго зла также остался у Сковороды не вполне разъясненнымъ. Зла нельзя понимать только какъ беспорядокъ или несовершенство, такъ какъ оно часто свидѣтельствуетъ о господствѣ въ человѣкѣ извращенной грѣхопадениемъ прародителей воли, подавляющей голосъ совѣсти и сознательно стремящейся ко злу. Весьма возможно, что Сковорода пришелъ къ такому неудовлетворительному рѣшенію вопроса о злѣ благодаря своему оптимистическому взгляду на природу человѣка.

Переходя къ вопросу о значеніи Сковороды въ исторіи рус-

¹⁾ Отд. I, стр. 33—35.

ской мысли, мы должны прежде всего сказать, что для правильной оцѣнки этого значенія нужно разсматривать Сковороду только въ отношеніи къ русскимъ мыслителямъ. При такой точкѣ зрѣнія заслуга Сковороды несомнѣнна, такъ какъ онъ первый въ Россіи занялся философійей. Недаромъ поэтому ученые изслѣдователи называютъ его первымъ русскимъ философомъ, это названіе, по словамъ проф. Зеленогорскаго, неотъемлемо принадлежитъ ему по своей справедливости ¹⁾. Правда Сковорода не создалъ какой-либо новой философской системы, по все же онъ былъ философомъ по своимъ дарованіямъ и призванію и въ этомъ отношеніи превосходилъ послѣдующихъ русскихъ мыслителей—славянофиловъ, стремившихся, подъ вліяніемъ Шеллинга, теоретическимъ путемъ опредѣлить задачи русскаго народа. Татарское нашествіе съ его вандалскимъ разрушеніемъ библіотекъ и нѣкоторыя другія историческія обстоятельства весьма неблагоприятствовали развитію въ Россіи просвѣщенія и проясненію національно-общественнаго самосознанія. Историки свидѣтельствуютъ, что общественная жизнь Слободской Украины въ XVIII вѣкѣ оставляла желать многого въ просвѣтительномъ и религіозно-нравственномъ отношеніяхъ ²⁾. Противъ различныхъ недостатковъ своего времени и выступилъ Сковорода (1722—1794 г.) съ своимъ новымъ словомъ, въ качествѣ „поборника свободы въ сферѣ религіозной, нравственной и гражданской“ ³⁾. Своимъ ученіемъ и дѣятельностію онъ стремится оживить умственные интересы современниковъ и указываетъ имъ путь къ истинной религіозно-нравственной жизни. Чтобы распространить „свѣтъ новой славы“, онъ посредствомъ сочиненій и устно призываетъ украинское общество къ пробужденію отъ нравственнаго сна и требуетъ разумнаго и сознательнаго отношенія къ религіи. Вотъ почему проф. Багалій не безъ основанія называетъ Сковороду религіознымъ реформаторомъ, такъ какъ онъ стремился пробудить критическую мысль

¹⁾ Колубовскій, Ибервергъ-Гейнце, „Исторія новой философіи“, СПб., 1890 г., стр. 532; сравн. Вопр. Фил. в Псих., 1894 г., сент., стр. 312.

²⁾ Преосвящ. Филаретъ, „Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи“, Москва, 1857 г., кн. II, стр. 286, 290—291; III, стр. 103, 152, 207.

³⁾ Костомаровъ Н. И. „Основа“, 1861 г., июль, „Слово о Сковородѣ“, стр. 178.

своихъ современниковъ и первый въ Россіи пытается философскимъ путемъ обосновать религіозно-нравственную дѣятельность человѣка. До какой страсти доходили иногда его обличенія, показываетъ проповѣдь, произнесенная имъ въ 1766 г. въ харьковскомъ коллегіумѣ въ качествѣ вступительной лекціи по христіанскому добронравію и такъ сильно встревожившая обскурантовъ. Выступивъ на кафедре, Сковорода началъ такъ: „весь міръ спитъ! спитъ глубоко, протянувшись, будто ушибенъ! А наставники не только не пробуждаютъ, но еще поглаживаютъ глаголюще: спи, не бойся, мѣсто хорошее чего опасаться?“ Въ своей статьѣ Хиждеу приводитъ выдержки изъ неизвѣстныхъ намъ сочиненій Сковороды. Нѣкоторыя изъ этихъ выдержекъ весьма важны въ томъ отношеніи, что Сковорода говоритъ въ нихъ о народженіи въ Россіи національной философіи и самъ называетъ себя „Сократомъ на Руси“. „Куда мы слѣпы,—говоритъ онъ,—въ томъ, что нужно намъ есть. Въ Руси многіе хотятъ быть Платонами, Аристотелями, Зенонами, Эпикурами, а о томъ не разсуждаютъ, что Академія, Лицей и Портикъ произошли изъ науки Сократовой, какъ изъ яичнаго желтка цыпленокъ вывертывается. Пока не будемъ имѣть своего Сократа, дотолѣ не быть ни своему Платону, ни другому философу. Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ! Скоро-ли ниспослешь къ намъ Сократа, который бы научилъ насъ наипервѣе познанію себя, а когда мы себя познаемъ, тогда мы изъ себя выведемъ науку, которая будетъ наша, своя, природная. Она уже треплется во чревѣ матери своей, но только Анна слышитъ, какъ взыгрался младенецъ во чревѣ Маріиномъ. Да святится имя Твое въ мысли и помыслѣ раба Твоего, который замыслилъ умомъ и пожелалъ волею быть Сократомъ на Руси; но земля Русская обширнѣе греческой и не то—то легко будетъ обхватить проповѣдію своею. Да придетъ царствіе Твое, а тогда зерно, по слову Твоему сѣемое, взойдетъ, яко кринъ, и тогда я выпилъ бы стаканъ кокуты (т. е. цыкуты), какъ согы медовыя. *Non fugio mortem, si famam assequar et cedo dummodo absolvar cinis.* Да будетъ воля Твоя святая на мнѣ во всѣхъ путяхъ моихъ и начинаніяхъ моихъ“¹⁾. Это извѣстіе

¹⁾ „Софросиива“, Телесколь, XXVI, 1835 г., статья В. Хиждеу, стр. 41—42.

Хиздеу, что Сковорода сближалъ себя съ Сократомъ, проф. Багал'ѣй считаетъ неподлиннымъ на томъ основаніи, что „заявленіе Сковороды, что онъ самъ замыслилъ и пожелалъ быть русскимъ Сократомъ, отзывается-де какимъ-то самоувереніемъ и самоувѣренностью“¹⁾. Противъ этого можно возразить, что въ жизни Сковороды было много фактовъ, которые свидѣтельствуютъ о гордости, самолюбіи и необыкновенной душевной силѣ его—этого странника и бѣдняка. Можно поэтому приписать Сковородѣ и скромное желаніе поработать въ пользу національно-русской философіи, быть для нея первенцемъ—Сократомъ. Можно также допустить, что Сковорода сближалъ свое положеніе и дѣятельность съ дѣятельностію аѳинскаго мудреца. Аналогія между Сковородой и Сократомъ дѣйствительно замѣчается въ преобладаніи нравственно-практическаго элемента въ философіи у того и другого, въ подвижной жизни и въ борьбѣ съ различными современными заблужденіями,—безбожіемъ, суевѣріями и т. д. Но по самому своему міросозерцанію Сковорода былъ, какъ мы видѣли, гораздо болѣе платоникомъ, чѣмъ сократикомъ, такъ какъ только немногія черты его философіи (напр. ученіе о самопознаніи) можно объяснить вліяніемъ на него Сократа.

Замѣчательенъ тотъ фактъ, что міросозерцаніе Сковороды сложилось подъ вліяніемъ именно древне-языческихъ и древне-христіанскихъ писателей. Біографъ передаетъ, что вскорѣ послѣ возвращенія на родину изъ Петербурга Сковорода путешествовалъ вмѣстѣ съ генераломъ Вишневымъ за границей и при этомъ посѣтилъ Венгрію, Вѣну, Офенъ, Пресбургъ и прочія окольныя мѣста“, а по заявленію Гесъ-де-Кальве, онъ странствовалъ также въ Польшѣ, Пруссіи, Германіи и Италіи. За границей Григорій Саввичъ старался знакомиться наипаче съ учеными; онъ хорошо говорилъ по-латыни и по-нѣмецки и порядочно понималъ греческій языкъ, и это позволяло ему входить въ близкія сношенія съ учеными и пріобрѣсть новыя познанія, которыхъ онъ не могъ имѣть въ своемъ отечествѣ²⁾.

¹⁾ Соч. Сков., стр. LXX.

²⁾ „Житіе М. И. Ковал'нскаго“, стр. 3. Сравн. „Украинскій Вѣстникъ“, 1817 г., ч. VI, стр. 108.

И что же мы видимъ? Знакомство Сковороды съ западными учеными и ихъ сочиненіями не отразилось на его міровоззрѣніи существеннымъ образомъ и обнаруживается развѣ только въ безпощадной критикѣ буквального смысла Библии, напоминающей, по мнѣнію проф. Зеленогорскаго, отрицательную литературу рационалистовъ XVIII вѣка¹⁾. Изученіе древне-классической и святоотеческой литературъ, очевидно, привело русскаго Сократа къ тому убѣжденію, что именно онѣ, а не современная западно-европейская философія, являются тѣмъ первоисточникомъ, откуда нарождающаяся русская философія должна почерпнуть себѣ на первыхъ порахъ силу и средства, чтобы затѣмъ уже самостоятельно развиваться. Въ этомъ сознательномъ отчужденіи Сковороды отъ запада можно видѣть сходство его съ славянофилами, такъ какъ и у нихъ задача русской философіи опредѣляется съ отрицательной стороны, какъ устраненіе западной рациональной (нѣмецкой) философіи, а съ положительной—какъ такое соглашеніе разума съ вѣрою, въ основѣ котораго должно лежать „живое и чистое любуудріе св. отцовъ“²⁾. Идеи древнеклассической и святоотеческой философіи Сковорода, какъ мы видѣли, подвергъ переработкѣ при помощи собственнаго анализа и скомбинировалъ по своему, сообразно съ потребностями своего времени и особенностями своего философскаго мышленія. Въ его богословско-философской системѣ ясно выдвигаются поэтому такія черты, которыя еще болѣе сближаютъ Сковороду съ славянофилами и составляютъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, отличительныя особенности самобытной русской философіи. Согласно общему положенію славянофиловъ, философія русскаго народа должна всецѣло основываться на Православной вѣрѣ. Соотвѣтственно своему предмету, самый путь изслѣдованія истины долженъ быть предоставленъ не одному разсудку, но вмѣстѣ и волѣ и чувству. Самобытная русская философія, такимъ образомъ, должна удовлетворять не одни требованія ума, но всѣ вообще стремленія и потребности души. Проф. Карповъ, поэтому, прямо называетъ ее философіей синтетизма, поскольку она

1) Вопр. Ф. и Пс., 1894 г., май, стр. 206 и 216.

2) Соч. П. В. Кирѣевскаго, Москва, 1861 г., т. II, стр. 314, 321 и 332.

„разсматриваетъ знаніе и бытіе, идеальное и реальное въ нераздѣльномъ и коренномъ существованіи ихъ, а не выводитъ одного изъ другого, и этотъ выводъ почитаетъ невозможнымъ“¹⁾. Что этотъ синтезъ составляетъ существенную особенность Сковородинской философіи, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Въ ней нѣтъ такого подраздѣленія на рубрики, какъ у Спинозы, Канта и другихъ нѣмецкихъ философовъ, стремившихся достигнуть истиннаго знанія при помощи отвлеченнаго мышленія; въ ней нѣтъ также подраздѣленія на части религіозную и нравственную. Черезъ опредѣленную комбинацію своего ученія Сковорода стремился удовлетворить умственно-теоретическимъ и въ то же время нравственно-практическимъ потребностямъ русскаго человѣка. Проф. А. И. Введенскій отличительными признаками національной русской философіи считаетъ меліоризмъ, трансцендентальный монизмъ и соборность сознанія²⁾. Намъ кажется, что и эти особенности довольно ясно замѣтны у Сковороды. Онъ все свое вниманіе обращаетъ главнымъ образомъ на душу, на ея улучшеніе и спасеніе, смотритъ на жизнь, какъ на разумное стремленіе человѣка къ заранѣе опредѣленной ему цѣли, и самой главной задачей философіи считаетъ пробужденіе въ человѣкѣ этого стремленія и дальнѣйшее руководство имъ. Далѣе, основною мыслию умозрительной философіи Сковороды, какъ извѣстно, служитъ монодуализмъ, т. е., возрѣвіе, признающее безусловное господство Духа надъ міромъ, состоящимъ изъ натуръ духовной и матеріальной. Наконецъ, Сковорода считаетъ философію наукой „всеродной“ (каеолической), поскольку она должна объять по возможности всѣхъ единомысленныхъ людей, стремящихся общими усиліями познать истину и соединенныхъ другъ съ другомъ узами любви и дружбы. Такимъ образомъ, если взглянуть проф. Введенскаго на характерныя черты національно-русской философіи правлень, то окажется, что эти черты намѣчены уже у Сковороды.

¹⁾ Кирѣевскій И. В., Москва, 1861 г., т. II, стр. 309—311. Карповъ В. Н., „Введеніе въ философію“, СПб., 1840 г., стр. 71.

²⁾ Введенскій А. И., „О задачахъ современной философіи въ связи съ вопросомъ о возможности и направленіи философіи самобытно-русской“, Вопр. Фил. и Псих., кн. XX.

Въ вопросѣ о значеніи Сковороды для современнаго ему русскаго общества нужно различать двѣ стороны—усвоеніе его философскихъ идей въ обществѣ и вліяніе на общество его личности. Проф. Багалѣй доказываетъ, что Сковорода желалъ распространенія своихъ сочиненій и дѣйствительно распространялъ ихъ. Его рукописи ходили по рукамъ друзей и знакомыхъ изъ духовенства и свѣтскаго общества, а его стихотворенія и басни разошлись даже въ народѣ чрезъ слѣпцовъ и бандуристовъ. Можно указать немало современниковъ Сковороды изъ высшаго образованнаго русскаго общества, которыми были усвоены его идеи. Таковъ былъ прежде всего воспитанникъ и ближайшій другъ Сковороды—М. И. Ковалѣвскій, раздѣлявшій, въ общемъ, убѣжденія своего учителя, какъ это видно изъ приписываемаго ему сочиненія „Правда вѣры“. Нѣкоторые почитатели Сковороды читали и списывали его сочиненія, знали его воззрѣнія и вели съ нимъ дружескую переписку. Среди нихъ были представители церковной іерархіи, извѣстные своею ученостію, помѣщики, священники и др. ¹⁾ Причины того глубокаго уваженія, которымъ пользовался Сковорода со стороны знавшихъ его современниковъ, заключаются, прежде всего, въ его глубокомъ и сильномъ умѣ, высокой эрудиціи и возвышенности богословско-философскаго ученія, которое онъ пропагандировалъ. Всѣ эти счастливыя условія дѣлали Сковороду лучшимъ представителемъ всѣхъ высшихъ, духовныхъ интересовъ того времени, или „странствующимъ университетомъ или академіей“ ²⁾. Широкой популярности Сковороды и огромному вліянію его на современниковъ много содѣйствовали также добрыя черты его личности и жизнь. Безкорыстіе, чистосердечіе, доброта, честность, откровенность, воздержаніе—вотъ черты характера Сковороды, указываемыя его біографомъ. По его словамъ, Сковорода былъ всегда веселъ, бодръ, цѣломудръ, всѣмъ доволенъ, словоохотенъ, гдѣ не принужденъ говорить, изъ всего выводящій нравоученіе, почтителенъ ко всякому со-

1) Багалѣй Д. И., Кіевская Старина, 1895 г., іюнь, стр. 280—300.

2) Данилевскій Г. П., Основа, 1862, г., іюль, стр. 69; Багалѣй Д. И., „Опытъ исторіи Харьковскаго университета“, т. I (1802—1815), стр. 29, въ „Запискахъ Харьковскаго университета“, 1893 г.

стоянію людей, выбиралъ и любилъ друзей по сердцу ихъ, имѣлъ набожество безъ суевѣрія, ученость безъ киченія, обхожденіе безъ лести ¹⁾. Въ своей жизни Сковорода давалъ окружающему его обществу живой и наглядный примѣръ осуществленія того нравственнаго идеала, который онъ проповѣдывалъ, такъ какъ слово у него не расходилось съ дѣломъ ²⁾. Полагая „рай и совершенство человѣка въ любви къ Богу и дѣланіи истинной пользы ближнему“, Сковорода бесѣдами и примѣромъ своей жизни пробуждалъ дремавшіе умы своихъ соотечественниковъ, внушалъ любовь къ наукѣ, возбуждалъ стремленіе къ добру. Для этого онъ постоянно путешествовалъ пѣшкомъ за сотни верстъ и только на нѣкоторое время оставался для отдыха въ монастыряхъ (I, 30) и у своихъ друзей. Иногда онъ, по словамъ біографа, жилъ у кого-либо для того только, чтобы обращаясь съ ними, бесѣдуя, рассуждая, нечувствительно привлечь ихъ въ познаніе себя, въ любовь къ истинѣ, въ отвращеніе отъ зла и примѣромъ жизни заставить любить добродѣтель (стр. 30). Съ особенною любовью Сковорода входилъ въ сношенія съ простымъ народомъ. Простолюдины, конечно, не читали его большихъ трактатовъ, да и не могли понять всѣхъ тонкостей его философіи. На нихъ онъ производилъ обаятельное вліяніе своею личностію, бесѣдами и жизнію. Лубяновскій говоритъ, что „жители тѣхъ особенно слободъ и хуторовъ, гдѣ Сковорода чаще бывалъ и долѣе оставался, любили его какъ родного и посѣщеніе его считали благодатію. Онъ отдавалъ имъ все, что имѣлъ: не золото и серебро, а добрые совѣты, увѣщанія, наставленія, дружескіе попреки за несогласія, неправду, нетрезвость, недобросовѣстность ³⁾. Неудивительно послѣ всего этого, что слава о Сковородѣ еще при жизни его широко распространилась, и всѣ хотѣли видѣть его. Для однихъ онъ былъ глубокой философъ и мудрецъ, для другихъ—просто добрый человѣкъ и чудакъ. На большинство онъ производилъ впечатлѣніе своимъ добровольнымъ аске-

1) „Житіе Г. С. Сковороды“, стр. 6, 10, 24, 30.

2) Вагалій Д. П., „Кіевская Старина“, 1895 г., мартъ, стр. 265—294.

3) Аскоченскій, „Кіевъ съ древнѣйшимъ ея училищемъ Академією“, т. 2, 1856 г., стр. 129.

тизмомъ и своею нравственной проповѣдью. Можно послѣ этого признать вполне вѣроятнымъ утвержденіе г-жи Ефименко, что „въ тѣхъ панскихъ дворахъ, куда заглядывалъ Сковорода во время своихъ постоянныхъ странствованій, паны мѣняли на время его пребыванія свое обращеніе съ дворовой челядью и крѣпостными ¹⁾).

Проф. Багалъй, по нашему мнѣнію, нѣсколько преувеличиваетъ размѣры распространенія философскихъ идей Сковороды и степень ихъ вліянія на современное ему общество. Весьма возможно, что слухъ о необыкновенной жизни Сковороды и назидательномъ собесѣдованіи распространился далеко за предѣлы Украины (I, 11, 37). Есть извѣстіе, что даже Екатерина II знала о Сковородѣ, дивилась его жизни, уважала его славу и однажды чрезъ Потемкина послала ему приглашеніе изъ Украины переселиться въ столицу, но онъ отказался изъ за любви къ родинѣ и своему дѣлу. Но чтобы имѣть непреувеличенное представленіе о размѣрахъ распространенія идей Сковороды и степени ихъ вліянія на общество, необходимо обратить вниманіе на тѣ причины, которыя препятствовали ихъ распространенію. Такихъ причинъ было нѣсколько. Во первыхъ, не должно забывать, что Сковорода былъ только мѣстный писатель и что районъ его устной дѣятельности былъ все таки невеликъ. По своей бѣдности и по цензурнымъ условіямъ онъ не могъ печатать своихъ сочиненій вслѣдствіе чего даже лица, слышавшія о Сковородѣ и интересовавшіяся имъ, но не имѣвшія почему-либо возможности пріобрѣсть или переписать всѣ его рукописи, не могли, конечно, надлежаще познакомиться съ его богословско-философскими воззрѣніями. Посредствомъ устныхъ бесѣдъ Сковорода распространялъ свои идеи почти исключительно въ предѣлахъ Слободской Украины: ее онъ предпочиталъ всѣмъ другимъ мѣстамъ за ея здоровый климатъ и красоту, въ ней желалъ умереть (I, 38) и въ ней по-преимуществу странствовалъ. Правда, изрѣдка онъ оставялъ свою любимую Украину, когда напр., уходилъ въ Кіевъ, Троицко-Сергіевскую лавру, въ Орловскую губернію, но эти отлучки всегда были непродолжи-

¹⁾ Недѣля 1894, I, стр. 27.

тельными, такъ какъ „любовь къ отечественному краю веля его на родину“. Второю важною причиною, препятствовавшею желательному распространенію идей Сковороды, была неподготовленность Украины къ ихъ надлежащему усвоенію. Сковородѣ пришлось начать свою работу на почвѣ, достаточно еще нерасчищенной въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Правда, своею личностію онъ производилъ на слушателей сильное вліяніе и иногда побуждалъ ихъ слѣдовать его наставленіямъ, но чисто философскія воззрѣнія его могли понять не всѣ даже изъ высшаго, образованнаго общества (I, 29). Этимъ отчасти объясняется и та оппозиція, которую встрѣтилъ Сковорода со стороны нѣкоторыхъ образованныхъ современниковъ и которая была также немаловажною причиною доказываемаго нами факта. Враговъ у Сковороды было немало. Они принадлежали къ образованному классу русскаго общества и недоброжелательно относились къ Сковородѣ по различнымъ мотивамъ. Многіе хулили Сковороду просто потому, что не понимали его воззрѣній и не знали его таковымъ, каковъ „онъ былъ въ самой точности внутренно“¹⁾. Не мало было также консерваторовъ, которые съ достойной лучшаго назначенія звергіей защищали прежній порядокъ вещей. Въ письмѣ своемъ къ архіепископу Георгію Канисскому изъ Нѣжина 1769 г. 29 іюля) Сковорода пишетъ: „Надо мной позорятся,—пускай позорятся; обо мнѣ баютъ, что я ношу свѣчу предъ слѣпцами, а безъ очей не зрѣтъ свѣточа,—пускай баютъ; на меня острятъ, что я звонарь для глухихъ, а глухому не до гулу,—пускай острятъ; они знаютъ свое, а я знаю мое и дѣлаю мое, какъ я знаю, и моя тяга мнѣ успокоеніе“²⁾. Къ числу такихъ недоброжелателей Сковороды принадлежали, напр., тѣ преподаватели Харьковскаго училища, слывшіе за ученыхъ, которые „словомъ и дѣломъ внушали своимъ ученикамъ, что счастье человѣческое состоитъ въ томъ, чтобы имѣть всего много, много чего ѣсть, много чего пить, много во что одѣваться, и въ утѣхахъ праздну веселиться“ (I, 13). Само собою разумѣется, что люди такихъ убѣжденій могли только несочувственно относиться къ

¹⁾ Соч. Сковороды, отд. I, стр. 29.

²⁾ Хилдеу, стр. 165.

просвѣтительной дѣятельности моралиста, требовавшаго ограниченія желаній, обузданія воли и трудолюбиваго и честнаго исполненія долга. Полагая, что „лучше у одного разумнаго и добродушнаго быть въ любви и попеченіи, нежели у тысячи дураковъ“¹⁾, Сковорода всегда откровенно и безпристрастно обличалъ закоренѣлыя заблужденія и предразсудки современниковъ. Консерваторамъ это такъ же не нравилось, какъ и ученіе о сродностяхъ, примѣненіе котораго въ жизни вело къ тому, что „многіе богословы должны были бы сдѣлаться стряпчими по дѣламъ, многіе ученые—разнощиками, многіе судьи—пахарями, военачальники—пастухами, монахи—цѣловальниками“ и пр. Простота жизни, высокость познаній, величайшій подвигъ Сковороды въ любомудріи опытномъ, по словамъ біографа, раздирали ризу лицемѣрія высокоумдрствующихъ. Они, покрывая зависть свою и наготу сердца листвіемъ сожалѣнія, говорили другимъ: „жаль что Сковорода ходитъ около истины и не находитъ ее“²⁾. Мало этого. Стараясь всячески повредить Сковородѣ, эти „оглагольщики“ (завистники) распространяли о немъ ложные слухи, обвиняли его въ ересьяхъ и мизантропіи, внушали молодымъ людямъ отвращеніе къ нему, запрещали имѣть знакомство съ нимъ и даже видѣться съ нимъ³⁾. При жизни своей Сковорода энергично боролся съ своими врагами и опровергалъ ихъ ложныя, обвиненія и уство⁴⁾, и посредствомъ своихъ сочиненій и писемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заботился, чтобы его рукописи не попадали какъ либо въ „невѣрныя и нечестивыя руки“ враговъ, желая, очевидно, чрезъ это отнять у послѣднихъ всякій поводъ къ извращенію его мыслей⁵⁾. Въ средѣ духовенства также были недоброжелатели Сковороды, несочувственно относившіеся къ его ученію и дѣятельности. Одна, вполнѣ понятная, причина этого явленія заключалась въ рѣзкихъ отзывахъ Сковороды о современномъ ему монашествѣ и въ тѣхъ его

1) Басня № 14, стр. 158.

2) Соч. Сковороды, отд. I, стр. 19, 38.

3) „Житіе“, стр. 14, 19, 25—26.

4) Ibid., стр. 25—26.

5) Срезневскій В. И., „Письма Г. С. Сковороды къ священ. Я. Плевацкому (1785—1788). Библиографъ, 1894 г., I, стр. 13.

религіозныхъ взглядахъ, которые расходились съ общепринятыми. Другою причиною многихъ злоключеній Сковороды и его ссоръ съ нѣкоторыми епископами была его твердость въ своихъ даже не имѣющихъ отношенія къ религіи, убѣжденіяхъ, благодаря которой онъ отказывался исполнять тѣ желанія, которыя считалъ несправедливыми, и этимъ, конечно, вызывалъ неудовольствіе къ себѣ со стороны епископовъ. Въ „Житіи“ передаются нѣсколько любопытныхъ фактовъ, иллюстрирующихъ это положеніе. Такъ, будучи учителемъ поэзіи въ переяславскомъ училищѣ, Сковорода написалъ, на основаніи спеціальныхъ изслѣдованій Тредьяковскаго и Ломоносова, новыя правила поэзіи вмѣсто схоластическихъ. Епархіальный епископъ потребовалъ перемѣнить вновь написанныя правила на старыя и, когда тотъ отказывался это сдѣлать, ссылаясь въ свое оправданіе на новыя научныя данныя по спорному вопросу, лишилъ его преподавательскаго мѣста и при этомъ на докладѣ консисторіи собственноручно написалъ: „не живяше посредѣ дому моего творяй гордыню“ ¹⁾. Нѣсколько позже, будучи учителемъ въ Харьковскомъ коллегіумѣ, Сковорода отказался измѣнить написанныя имъ правила христіанскаго добронравія, и тогда бѣлгородскій епископъ „вознегодовалъ на Сковороду съ гоненіемъ, почитая разсужденіе о познаніи Бога и достойномъ почитаніи Его въ устахъ свѣтскаго человѣка за похищеніе власти и преимуществъ своихъ“ ²⁾. Виновницею нѣкоторыхъ размолвокъ Сковороды даже съ друзьями своими была также его вспыльчивость, на которую онъ указываетъ въ одномъ письмѣ своемъ къ свящ. Іакову Правицкому (отъ 1785 г. 3 окт.) въ слѣдующихъ словахъ: „ты знаешь, что я вспыльчивъ, но знаешь вмѣстѣ съ тѣмъ, что я отъ природы кротокъ и человѣченъ, а кротость—главное достоинство человѣка. Добрый, т. е., истинный человѣкъ, всегда являетъ доброе изъ сокровищницы добраго сердца. Несмотря на это, многіе изъ моихъ друзей готовы сейчасъ же язвить меня, какъ только я вздумаю смягчить ихъ бѣшенство, и не думаютъ, что я дѣлаю это изъ пріязни къ

¹⁾ „Житіе“, стр. 4. Сравни. Снегиревъ И., Отечественныя Записки, 1823 г., ч. 16, стр. 101.

²⁾ „Житіе“, стр. 24.

нимъ. Ибо истинно человѣчное сердце и умъ отнюдь не можетъ желать злодѣямъ злого. Также и я, если случайно когда разгорячусь или надоѣмъ, то это дѣлаю не изъ зложелательства, но по тому, что по правдивости своей считаю грѣшнымъ согласиться съ ложью или бороться противъ истины: какъ лѣчение бываетъ не всегда пріятно, такъ и истина часто бываетъ тягостна. И никто не можетъ постоянно соединять полезное съ пріятнымъ¹⁾.

Намъ остается еще сказать о значеніи Сковороды для послѣдующей исторіи философской мысли въ Россіи. Нравственно-философское ученіе знаменитаго въ древности греческаго мудреца Сократа, какъ извѣстно, было усвоено гениальнымъ ученикомъ его Платономъ, который сдѣлалъ изъ его ученія соответствующіе выводы и развилъ ихъ въ грандіозную философскую систему. И для русскаго Сократа нуженъ былъ такой ученикъ, который бы вполне усвоилъ и развилъ его философскія воззрѣнія и затѣмъ защищалъ ихъ отъ противниковъ. Къ сожалѣнію, у Сковороды такого ученика не было; ближайшимъ и любимѣйшимъ ученикомъ и другомъ его былъ М. И. Ковалѣнскій, который, однако, по своимъ дарованіямъ и увлекающейся натурѣ²⁾ не могъ развить или, по крайней мѣрѣ, распространить его подлинное и полное ученіе посредствомъ печати. Мысль о будущемъ нарождающейся національно-русской философіи занимала Сковороду, но онъ не видѣлъ среди своихъ почитателей „русскаго Платона“ и ввѣрялъ судьбу этой философіи волѣ Божіей, по которой все въ мірѣ совершается. „И кто будетъ,—спрашиваетъ Сковорода,—по нашему Сократѣ нашимъ Платономъ? Что будетъ, то будетъ, а кто будетъ? Богъ вѣсть. Мое дѣло теперешнее, а оное—*grata superveniet, quum non superabitur hora*—само придетъ, когда придетъ пора“³⁾. Во всякомъ случаѣ Сковорода былъ твердо увѣренъ, что время философскаго возрожденія въ Россіи, рано или поздно, наступитъ, и тогда „новая слава“ восторжествуетъ надъ невѣжествомъ. „Мудрствуютъ,—говоритъ онъ:—простой народъ спитъ;

1) Библиографъ, 1894 г., I, стр. 6.

2) Отд. I, стр. 32—33.

3) „Софросина“, Хижлеу, стр. 42.

пускай спитъ и сномъ крѣпкимъ, богатырскимъ, что лишь въ сказкахъ; но всякъ сонъ есть пробудный, и кто спитъ, тотъ не мертвецъ и не трупище околѣвшее, — когда выспится, такъ проснется; когда намечтается, — такъ очутится и забодрствуетъ и забудетъ“¹⁾. Такимъ образомъ, какъ плодотворна ни была дѣятельность Сковороды для своего времени, сколько ни выдѣлялся онъ изъ толпы современниковъ своимъ недюжиннымъ талантомъ, но ему не удалось образовать такую школу, которая бы сумѣла сполна провести его философское ученіе, его направленіе. Онъ внесъ въ рутинное міровоззрѣніе русскаго общества искру оживленія и стремленія къ знанію и истинѣ, — и эта искра принесла потомству плодотворные плоды, но все-же ей не суждено было развиться въ сильное пламя философскаго возрожденія въ Россіи. При жизни у Сковороды было немало почитателей, но среди нихъ не было такихъ, которые бы отстаивали его философскія воззрѣнія послѣ его смерти и продолжали его добрую дѣятельность. Между тѣмъ нападки на Сковороду послѣ его смерти не только не ослабѣли, но еще болѣе усилились. Почти не встрѣчая теперь опроверженій, противники Сковороды продолжали распространять, иногда печатно, несправедливые слухи о личномъ характерѣ Сковороды и его дѣятельности²⁾. Вотъ почему еще Хиждеу ясно сознавалъ необходимость защищать Сковороду противъ тѣхъ несправедливыхъ приговоровъ, коими онъ былъ осуждаемъ и въ жизни, и по смерти³⁾. Правда, добрая память о Сковородѣ послѣ его смерти свято сохранялась въ простомъ народѣ. Являлись также и такіе попечители Сковороды изъ русскаго образованнаго общества, которые собирали его сочиненія и въ различныхъ изданіяхъ печатали о немъ статьи и цѣлыя монографіи. Авторами этихъ изслѣдованій были и такія извѣстныя своею ученостію лица, какъ И. И. Срезневскій, архимандритъ Гавріиль, Н. И. Костомаровъ, Г. П. Данилевскій, проф. Сумцовъ и др. Но всѣ эти изслѣдователи имѣли подъ руками мало сочиненій

1) „Телескопъ“, XXVI, 1835 г., стр. 116, — „О внутреннемъ челоѣкѣ“..

2) Вернеть И., „Украинскій Вѣстникъ“, 1817 г., ч. VI, стр. 121. Смолр. также изслѣд. Багалѣя Д. И., Кіевская Старина, 1895 г., іюль, стр. 299.

3) Телескопъ, 1817 г., XXVI, стр. 14.

Сковороды и потому не могли узнать его философію вполнѣ, сдѣлать надлежащую оцѣнку ея, познакомить съ нею русское общество и въ случаѣ надобности защищать ее. Въ большинствѣ случаевъ они мало касались въ своихъ изслѣдованіяхъ философскихъ воззрѣній Сковороды; не понимая ихъ, какъ слѣдуетъ, они называли его то мистикомъ, то массономъ, то рационалистомъ и т. д. Прежніе изслѣдователи преимущественно изображали, не всегда притомъ правильно, характеръ, и жизнь „знаменитаго малороссійскаго философа“ и указывали его громадное значеніе для современниковъ. Нѣкоторые при этомъ сравнивали Сковороду съ Сократомъ, другіе въ дѣятельности Сковороды находили сходство съ дѣятельностію Ломоносова, Новикова, Оригена и т. д. Г. П. Данилевскій въ своемъ изслѣдованіи называетъ Сковороду выдающимся общественнымъ дѣятелемъ своего вѣка и далѣе указываетъ на его значеніе для послѣдующаго времени въ слѣдующихъ словахъ: „Въ Сковородѣ олицетворилось умственное пробужденіе украинскаго общества конца XVIII столѣтія. Это общество стало выходить изъ нравственнаго усыпленія. Сковорода былъ сыномъ того времени на Украинѣ, которое быстро создало рядъ школъ, гимназій, университетъ и, наконецъ, вызвало къ жизни украинскую литературу. Сковорода былъ цѣлою головою выше своихъ сверстниковъ по воспитанію и украинскихъ ученыхъ по наукѣ. Историкъ духовно-философскаго ученія въ Россіи отведетъ ему почетныя страницы въ своемъ трудѣ и скажетъ много похвалъ Сковородѣ, какъ благородному, честному и горячему поборнику науки, которая до него шла путемъ ребяческихъ, школьныхъ, никому не нужныхъ риторическихъ умствованій и отъ которой онъ такъ смѣло сталъ требовать смысла и силы, самоотверженія и службы пользамъ и нуждамъ общественнымъ“. Свою мысль, что харьковскій университетъ много обязанъ Сковородѣ, Данилевскій подтверждаетъ тѣмъ, что первые помѣщики, подписавшіеся въ 1803 г. на почти безпримѣрную сумму въ 618 тыс. руб. для основанія этого университета, были, большею частію, короткіе знакомые и друзья Сковороды; безъ него, по словамъ Данилевскаго, еще долго не было бы въ Харьковѣ универси-

тета ¹⁾. Разбирая указанный взглядъ Данилевскаго на значеніе Сковороды, проф. Багал'ѣй замѣчаніе его о характерѣ науки Сковороды называетъ слишкомъ оптимистическимъ, а его мнѣніе о заслугѣ Сковороды въ дѣлѣ основанія Харьковскаго университета признаетъ вполне основательнымъ. Онъ находитъ, что своимъ ученіемъ Сковорода, дѣйствительно, пробудилъ среди мѣстныхъ дворянъ стремленіе къ просвѣщенію, и потому они чутко откликнулись на приглашеніе Каразина объ учрежденіи въ Харьковѣ перваго въ Россіи университета ²⁾. Если это такъ, то, значитъ, дѣятельность Сковороды не осталась безслѣдною для послѣдующаго времени. Такую заслугу Сковороды сознавали и другіе изслѣдователи, сравнивавшіе его поэтому съ лучшими мужами древняго и новаго времени, хотя эти изслѣдователи и не имѣли полнаго и вѣрнаго представленія о его міровоззрѣніи, такъ какъ его сочиненія по частямъ хранились у разныхъ лицъ и только изрѣдка немногія изъ нихъ появлялись въ печати. Исполнившееся въ 1894 г. столѣтіе со дня смерти Григорія Саввича послужило поводомъ къ собранію и изданію почти всѣхъ его сочиненій и разработкѣ его богословско-философскаго міросозерцанія. Эта разработка показываетъ, что философія Сковороды христіанская, что онъ проповѣдывалъ общечеловѣческіе идеалы, къ которымъ и теперь стремятся люди.

М. Краснюкъ.

---

¹⁾ Данилевскій Г. П., *Основа*, 1862 г., № 8 и 9, стр. 3, 68—69.

²⁾ Багал'ѣй Д. П., *Соч. Сковороды*, стр. XLIII, XLV—LVI.

РѢЧЬ

по освященіи зданія народныхъ училищъ имени поэта
А. С. Пушкина ¹⁾.

Освятивши молитвою и Божиимъ благословеніемъ это обширное и многоэтажное зданіе, приспособленное для множества обитателей, я невольно остановился мыслию на особенной и исключительной цѣли его—вмѣщать внутри своихъ стѣнъ сотни и даже тысячи учащихъ дѣтей. Цѣль высокая, трогательная, совершенно достойная имени великаго поэта Пушкина. Переживается душею понятное чувство радости отъ сознанія, что возженъ еще новый свѣтильникъ просвѣщенія, устроено и приведено въ надлежащій видъ еще новое и обширное зданіе для обученія грядущихъ поколѣній, на пользу духовную многихъ тысячъ дѣтей. Отнынѣ, каждый годъ обычною чередою одни изъ нихъ сотнями будутъ входить въ это зданіе, а другіе, окончивши свой курсъ, въ такомъ же множествѣ выйдутъ изъ него. Начнется непрерывная цѣпь входа желающихъ грамотности и выхода вкусившихъ началъ образованности. Намъ, являющимъ собою старшее поколѣніе, доживающее свой вѣкъ и оканчивающее свою работу, заданную общимъ движеніемъ жизни, пріятно сознавать, что подрастающія молодья поколѣнія, идущія на смѣну намъ, пройдутъ сквозь первую школу несравненно лучшую, чѣмъ та, гдѣ мы почерпали начала грамотности, пройдутъ сквозь школу благоустроенную, снабженную всѣмъ необходимымъ для развитія, приспособленную ко всѣмъ особенностямъ возраста.

Въ этомъ сознаніи не только источникъ нашей радости, совершенно естественной и понятной, но и ключъ нашихъ за-таенныхъ, скрытыхъ въ глубинѣ души надеждъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не проникнуты всѣ мы искреннимъ желаніемъ, чтобы постепенно грамотность распространялась все шире и дальше, чтобы захватывала она собою всѣ нарождающіяся и вхо-

¹⁾ Произнесена 21 ноября н. г., въ завін городскаго Пушкинскаго училища въ гор. Харьковѣ.

дѣянія въ жизнь поколѣнія, чтобы свѣтъ просвѣщенія, какъ свѣтъ луча солнечнаго, проникающій всюду, разливался возможно далеко и широко. Это желаніе благородное, имъ бьются всѣ высоко-настроенныя сердца. На этой надеждѣ—видѣтъ грядущія на смѣну намъ поколѣнія грамотными во всѣхъ областяхъ труда, успокоиваются лучшіе люди страны, ею живутъ, въ нее вѣрятъ, какъ въ разсвѣтъ ясной утренней зари, и ради ея работаютъ, не покладая рукъ своихъ. Въ этой работѣ они видятъ свое призваніе, свой долгъ и свою посильную каплю меда въ общій улей блага и счастья дорогой родины. Это—трудъ созидательный, творческій. Его цѣнитъ Самодержавная власть, и отечество, и общество. И мы, смиренные служители Христовы, готовы привѣтствовать его, если онъ, этотъ трудъ, разумно направленъ.

Но въ направленіи труда часто заключается весь смыслъ и цѣна его. Никто не станетъ спорить о томъ, нужно или не нужно просвѣщеніе, но, если бы вы пожелали узнать, какое же просвѣщеніе необходимо, на примѣръ, нашей Россійской державѣ,—на этотъ вопросъ вы услышите множество самыхъ разнорѣчивыхъ мнѣній. Среди нихъ правильнѣе, истиннѣе и искреннѣе будетъ то, въ которомъ укажутъ на необходимость озарить свѣтъ русскаго просвѣщенія, прежде всего, *свѣтомъ Христовымъ* и за тѣмъ *сіяніемъ родныхъ, православно-русскихъ* началъ нашей родины.

Если къ этимъ началамъ русская мысль неуклонно ведетъ характеръ и направленіе образованія нашей средней и высшей школы, если въ этомъ, а не иномъ направленіи ея усматривается залогъ силы отечества и благо его просвѣщенія,—то не слѣдуетъ ли отсюда съ логическою неумолимостью, что православно-русскія начала, исключительно одни они, должны одухотворять, животворить и направлять наше низшее начальное просвѣщеніе. Въ этихъ началахъ три слова—*Богъ, Царь и Отечество*: Богъ—въ православно-христіанскомъ исповѣданіи Его Имени, Царь—въ Его Самодержавной, неограниченной власти и силѣ, и Отечество—въ его своеобразномъ, самобытномъ русскомъ складѣ понятій. И въ этихъ трехъ словахъ заключается вся сущность направленія школы, ея цѣна и смыслъ. За этотъ именно характеръ обученія въ нашей низшей школѣ стоитъ вся протекшая исторія русской жизни отъ дней Владиміра святого, за него—добровольное въ прошедшемъ времени

собираніе земли русской подъ одну Самодержавную власть и православную вѣру, за него—добываніе русскими людьми этой власти, когда въ прошломъ почему-либо прерывалась она, за него—наши войны и успѣхи оружія, за такое направленіе низшаго обученія нашъ русскій, своеобразный складъ жизни, за него, наконецъ, великое въ исторіи просвѣщенія имя поэта, которое присвоено этимъ училищамъ.

Имя А. С. Пушкина, ставшее нынѣ народнымъ въ самомъ широкомъ употребленіи, несомнѣнно усвоило носителю его тѣ именно начала, на которыхъ должно покоиться русское начальное просвѣщеніе. Пояснимъ это... Но предварительно пройдемъ мимо юношескихъ раннихъ увлеченій поэта, отъ которыхъ никто не свободенъ въ жизни, которыя всѣ мы переживаемъ и о которыхъ молится церковь Господу, прося, дабы Онъ, Милосердный, *не помянулъ человеку грѣхъ его юности и нестыднїя* (Пс. XXIV, 7). Обратимся для доказательства къ зрѣлымъ годамъ жизни и дѣятельности поэта. Въ эти годы глубокая религіозность Пушкина была внѣ сомнѣнїя. Давшій художественное переложеніе высоко-покаянной молитвы преподобнаго Ефрема Сирина, желавшій „украсить свою обитель не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ“, а изображеніемъ пречистыхъ ликовъ Христа и Божіей Матери, отвѣтившій святителю Филарету пзвѣстнымъ четверостишіемъ:

„И нынѣ съ высоты духовной
Миѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смпряешь буйныя мечты“,—

не могъ быть невѣрующимъ человѣкомъ. Извѣстно благоуханное, умилительное описаніе поэтомъ чуда исцѣленія слѣпотоу у раки Димитрія Царевича, изобразить которое могло такъ ярко и плѣнительно только вѣрующее въ чудо чувство; извѣстна длинная искренняя исповѣдь умирающаго Пушкина, настолько трогательная, что отъ нея плакалъ и самъ исповѣдавшій поэта священникъ ¹⁾; найдены, наконецъ, выписки, послѣ смерти поэта, доказавшія, что онъ увлекался чтеніемъ Четвы-Миней и Пролога ²⁾...

Также—внѣ сомнѣній и подозрѣнїя вѣрноподданныческія чувства его, о которыхъ засвидѣтельствовалъ самъ мужественный Императоръ Николай Павловичъ, великодушно простившій поэту „грѣхъ дуэли“.

1) См. письмо Жуковскаго.

2) См. матеріалы къ біограф., Анненкова.

Но для насъ поучительнѣе освѣтитъ міросозерцавіемъ поэта вопросъ о томъ, какого образованія желалъ онъ своей родинѣ. Если въ лицѣ Опыгина, учившагося „чему нибудь и какъ нибудь“, было осмѣяно поэтомъ легкое, поверхностное образованіе, то ясно, что желчь насмѣшки могла родиться при сознаніи необходимости глубокаго и всесторонняго образованія своимъ соотечественникамъ. И самъ поэтъ, какъ извѣстно, учился всю свою недолгую жизнь. Восхвалявши Петра Великаго за то, что

Самодержавною рукою
Онъ смѣло свѣзъ просвѣщенье,—

поэтъ, несомнѣнно, былъ проникнутъ желаніемъ своему отечеству широкаго образованія подъ охраною русскихъ Самодержцевъ.

Учись, мой сынъ, явѣ
Державный трудъ ты будешь постыгать,

говоритъ онъ устами Бориса сыну Θεодору, указывая на необходимость просвѣщенія для русскихъ Государей. Или: припомнимъ это философски-отвлеченное выраженіе Пушкина „о значеніи науки“—

Учись, наука сокращаетъ намъ
Опыты быстро текущей жизни ¹⁾,

которое выражаетъ собою крупное, цѣльное, опредѣленное указаніе значенія науки по отношенію къ вопросамъ жизни. Наконецъ, требованіе христіанскаго просвѣщенія инородцевъ Кавказа чрезъ миссіонеровъ и школы постоянно повторяется поэтомъ въ его „Путешествія въ Эрзерумъ“.

Итакъ, ясно, что поэтъ, будучи убѣжденъ въ силѣ просвѣщенія, желалъ своему отечеству образованія глубокаго, національнаго; подъ охраною Самодержавной власти, и, несомнѣнно, христіанскаго. Самъ онъ, глубокой патріотъ, былъ убѣжденно вѣрующимъ и національнымъ, предугадавшимъ, что къ нему не заростетъ народная тропа и долго будетъ онъ любезенъ русскому народу.—Въ томъ же направленіи православно-русскихъ началъ должны идти и всѣ наши школы и особенно связанныя съ именемъ поэта. Вѣруемъ, что съ такимъ именно свѣтомъ просвѣщенія соединится свѣтъ Христовъ, его озаритъ онъ, первоначально просвѣтившій русскую землю!

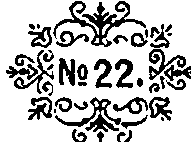

Епископъ Иннокентій.

¹⁾ Трагедія Борисъ Годуновъ.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

30 Ноября № 22. 1901 года.

Содержаніе. Именной Высочайшій указъ Святѣйшему Правительствующему Синоду. — Высочайшая награда. — Отъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ. — Изъ дневника Харьковскаго Епархіальнаго миссіонера за 1900 годъ (продолженіе). — Епархіальныя извѣщенія. — Извѣстія и замѣтки. — Объявленія.

Именной Высочайшій указъ

Святѣйшему Правительствующему Синоду.

Члену Святѣйшаго Синода, Экзарху Грузіи, Архіепископу Карталинскому и Кахетинскому ФЛАВІАНУ Всемилоствѣйше Повелѣваемъ быть Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, съ оставленіемъ въ званіи Члена Святѣйшаго Синода.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ».

Въ Царскомъ Селѣ.
10 ноября 1901 года.

Высочайшая награда.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилоствѣйше соизволилъ, въ 6-й день текущаго ноября, на сопрочисленіе, за 50-ти лѣтнюю службу, къ ордену *св. Анны 3-й степени* діакона Покровской церкви въ слободѣ Ново-Никольскѣ, Купянскаго уѣзда, Константина *Мураховскаго*.

Отъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ.

Министръ Финансовъ, отношеніемъ отъ 5-го февраля сего года за № 76, сообщилъ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода слѣдующее:

Высочайше утвержденнымъ, 25 января сего года, положеніемъ Комитета Министровъ опредѣлено продлить срокъ обмѣна кредитныхъ билетовъ 25 руб., 10 руб. и 5 руб. достоинствъ образца 1887 года и 100 рублевыхъ билетовъ, образца 1866 г., до 1 января 1902 года.

Озабочиваясь, въ интересахъ населенія Имперіи, повсемѣстнымъ и наиболѣе широкою оглашеніемъ сего Высочайшаго повелѣнія, Статсъ-Секретарь Витте проситъ сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы объявленіе о вышеуказанной льготѣ было печатаемо ежемесячно, впредь до истеченія срока, какъ въ Церковныхъ, такъ и въ мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, и чтобы приходскимъ священникамъ, въ особенности же сельскимъ, было поручено разъяснять прихожанамъ настоящее оповѣщеніе Министра Финансовъ:

При означенномъ отношеніи Министра Финансовъ препровождено, для ежемесячнаго печатанія въ Церковныхъ и Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, нижеслѣдующее объявленіе:

Министерство Финансовъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что:

1. Высочайше утвержденнымъ, въ 25 день января сего года, положеніемъ Комитета Министровъ опредѣлено: продлить обмѣнъ кредитныхъ билетовъ 25 руб., 10 руб. и 5 руб. достоинствъ образца 1887 года и 100 руб. билетовъ (радужнаго) образца 1866 года

до 1 января 1902 года.

Посему означенные билеты до 31-го декабря 1901 года включительно принимаются безпрепятственно всѣми правительственными кассами

Признаки кредитныхъ билетовъ, обмѣнъ и обращеніе коихъ прекращается 31 декабря 1901 года:

Билеты въ 5, 10 и 25 рублей.

Рисунокъ лицевой стороны билетовъ отпечатанъ густою синею краскою по свѣтлорычневому фону.

Года выпуска обозначены внизу лицевой стороны билетовъ—въ 5 руб. билетѣ (съ 1887 до 1894 г.) слѣва, а въ 10 руб. (съ 1887 до 1892 г.) и 25 руб. билетахъ (только 1887 г.) посрединѣ билета.

Оборотная сторона билета содержитъ поперечный рисунокъ съ Государственнымъ гербомъ посрединѣ, кропною цифрою влѣво и извлеченіемъ изъ Манифеста—вправо и отпечатана:

5 руб. бил. синею краскою. 10 руб. бил. красною краскою. 25 руб. бил. лиловою краскою.

Сторублевый билетъ—радужный, съ портретомъ Императрицы Екатерины II.

Образцы этихъ билетовъ выставлены во всѣхъ конторахъ и отдѣленіяхъ Государственнаго Банка и въ Казначействахъ.

II. Нижеслѣдующіе 7 родовъ кредитныхъ билетовъ оставлены въ обращеніи безъ всякаго ограниченія.

500 руб. бил. Цвѣтъ зеленоватый. Годъ 1898. Портретъ Императора Петра Великаго. 100 руб. бил. Цвѣтъ песочный. правая четверть бѣлая. Годъ 1898. Портретъ Императрицы Екатерины II. 25 руб. бил. Цвѣтъ лиловый. Годъ 1892. Справа портретъ Императора Александра III, видимый на свѣтъ. Слева женская фигура (Россія) со щитомъ. 10 руб. бил. Цвѣтъ красный. Годъ 1894. Женская фигура (Россія) со щитомъ. 5 руб. бил. Цвѣтъ свій. Годъ 1895. Женская фигура (Россія) со щитомъ. 3 руб. бил. Цвѣтъ зеленый. Года разные. Двухглавый орелъ посрединѣ. Цифра 3 слева. 1 руб. бил. Цвѣтъ желтый. Года разные. Двухглавый орелъ посрединѣ. Цифра 1 слева.

Кромѣ того въ текущемъ году будетъ выпущенъ 50—рублевый билетъ. Цвѣтъ синеватый. Годъ 1899. Портретъ Императора Николая I.

О такомъ сообщеніи Министра Финансовъ Хозяйственное Управленіе, по распоряженію Синодальнаго Оберъ Прокурора, имѣетъ честь объявить по духовному вѣдомству, для зависящихъ распоряженій.

Изъ дневника Харьковскаго Епархіальнаго миссіонера за 1900 годъ.

(Продолженіе *).

2 сентября выѣхалъ въ *Цересьчное*. Изъ разговоровъ съ о. Александромъ выяснилось, что мѣстную штунду свѣдно поддерживаютъ изъ Харькова. Оттого она даже прибавилась, ибо одинъ *тайный* штундистъ сталъ *явнымъ*. О. Александръ завѣрялъ меня, что прошлогодняя моя бесѣда значительно укрѣпила православныхъ, такъ что теперь, повидимому, крестьяне болѣе не увлекаются штундой. 3-го, въ воскресенье, за литургіей проповѣдывалъ на ев. Мѣ. XXII, 1—15, чтенное *евангеліе о званыхъ на брачный пиръ*

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1901 г. № 21.

царскаго сына. Раскрывалъ ту мысль, что до страшнаго суда Господь терпѣть въ Своей Церкви и добрыхъ и злыхъ. За литургіей иѣли дурно. Пѣвчіе были въ разбродѣ. Пѣлъ одинъ дьячекъ. Въ 3 ч. дня заблиговѣстили къ бесѣдѣ. Народу собралось множество. Пришли штундисты во главѣ съ *Демьяненко* и *Смородскимъ*. Бесѣдовали объ *иконахъ*. Ничего изъ ряда выходящаго на этой бесѣдѣ не было. Возражатели мои были грубы до крайности. Смородскій кричалъ: „что взяли въ прошломъ году? Вы хотѣли засудить нашу братію и показывали противъ насъ на судѣ, а Васъ не послушали“!.. Отсюда еще разъ видно, какое зло для миссіи Епархіальному миссіонеру ходить по судамъ. Я душевно благодарю Миссіонерскій Совѣтъ, что меня избавили отъ экспертизъ, 4 сентября вернулся домой. 7-го выѣхалъ въ *Высокополье*. Заѣзжалъ въ *Ковяги*. Батюшка успокоивалъ меня относительно настроенія мѣстной штунды. Говорить: „все тихо“; но мы знаемъ, что Ковяги служатъ разсадникомъ штунды и хлыстовства на весь Валковскій уѣздъ. Здѣсь живутъ и сюда наѣзжаютъ фанатическіе пропагандисты штунды. Значить, о *спокоѣ* мѣстнаго сектантства можно говорить лишь относительно, по сравненію состоянія его съ прежними годами. 8 го за литургіей, въ Высокопольѣ проповѣдывалъ на слова: „Рождѣство Твое, Богородице Дѣво, радость возвѣсти всей вселеннѣй“!.. Раскрывалъ внутренній смыслъ этихъ словъ и вывелъ заключеніе о *почитаніи христіанами Богоматери*, что не признаютъ штундисты. Къ бесѣдѣ заблиговѣстили съ часъ. Народу собралось много, но штундисты не пришли: они уѣхали всѣ на престольный праздникъ въ Ковяги. Я монологически изложилъ ученіе *объ иконахъ* и о *крещеніи дѣтей*. Въ Высокопольѣ зараженіе штундовое сильное. Много сомнѣвающихся. Отраднo, что здѣсь есть грамотѣи, которые вмѣютъ и читаютъ противощтундовыя сочиненія. Пріятно мнѣ было услышать, что Савва Перемоть, бывшій старшина, въ прошломъ году со мной спорившій, какъ штундистъ, прошлымъ постомъ говѣлъ и причащался. Говорилъ, что онъ не штундистъ, а лишь *испытывалъ* штундовое ученіе. Но *общее* состояніе Высокополья тревожно. О. Власову необходимо работать изъ всѣхъ силъ, благо онъ человекъ здоровый и владѣющій словомъ. 9-го сентября возвратился въ Харьковъ, а 10-го уѣхалъ на благоточинническій миссіонерскій съѣздъ въ *Дергачи*. Собраніе было не полное, не оживленное. Сколько могъ, я старался распевалять батюшекъ и внушать имъ заботу о богослов-

скомъ самообразованіи. Къ счастью, въ округѣ сектантовъ нѣтъ. 12-го возвратился въ Харьковъ.

13-го уѣхалъ въ сл. *Ольшану*, по приглашенію о. Грекова. Въ Ольшаной живеть штундистъ *Гончаренко*, злостный пропагандистъ во всей округѣ. Его выпустили изъ острога, и я долженъ былъ успокоить возбужденныхъ православныхъ людей. 14-го, на Воздвиженіе Креста, въ церкви у благочиннаго говорилъ поученіе о *значеніи Креста для религіозно-нравственной жизни человека*. Благодарю Бога: проповѣдь произвела на крестьянъ доброе впечатлѣніе. Мнѣ передавали, что церковный староста, купецъ деревенскій, сказалъ: „Этому проповѣднику можно давать за проповѣдь по три рубля“. По-сельски цѣна высокая. Слава Богу за Его милость!... Собесѣдованіе со штундистами открыли въ церкви, у о. Грекова, часа въ 3. Рѣчь шла о *рукотворной святости*. Гончаренко спорилъ ужасно, но я не безъ удовольствія здѣсь засвидѣтельствую, что онъ плохо начитанъ по Библіи и не доброрѣчивъ. Онъ пробовалъ было плакать, но я не допустилъ его до слезъ. Впечатлѣніе на народъ бесѣда произвела сильное. Слушателей было не только полно храмы, а и въ оградѣ стояла толпа. Можно отсюда заключить, насколько въ народѣ сильна жажда слышать миссіонерскую проповѣдь. Штунда въ Ольшаной количественно не усиливается. 15-го вернулся домой.

17-го сентября, утромъ, уѣхалъ въ сл. *Андреевку*, Зміевск. у. на Благочинническій миссіонерскій съѣздъ. 18-го, лишь съ полдня начали собраніе, такъ какъ духовенство очень туго собиралось, начиная съ самаго благочиннаго. На засѣданіи выяснилось, что духовенство не овладѣло еще тѣми свѣдѣніями, какихъ требуетъ миссія отъ современныхъ священниковъ. Мою рѣчь о мѣрахъ предупрежденія занесенія въ округъ штунды рѣзко перебивали, заявляя, что пастыри не могутъ осуществитъ идеаль священства при нынѣшнихъ требованіяхъ отъ нихъ и при условіи современнаго ищущаго существованія духовенства. Съ великимъ трудомъ сдѣлали мы нужныя постановленія. Въ концѣ однако разъяснилось, къ моему утѣшенію, что не по лѣни или небрежности священники ратуютъ противъ предъявляемыхъ къ нимъ требованій, а по признанію глубокаго разлада между ихъ призваніемъ и жизненными условіями, по признанію своей слабой подготовленности осуществлять это призваніе. Въ округѣ въ двухъ селахъ—*Кочетѣ* и *Граковѣ*—есть мирные и безвредные раскольники. Сектантовъ

нигдѣ нѣтъ. 19-го пріѣхалъ домой, нравственно озадаченный своей поѣздкой въ Андреевку.

20-го отиравался въ *Сумы* тоже на благотворительской миссіонерской сѣздѣ. Съ о. Аркадіемъ толковали о дѣлахъ Братства. Жалуются на слабое сочувствіе духовенства къ этому Братству. Я рѣшилъ доложить объ этомъ сѣзду. 21-го, сѣздѣ. Собрались поголовно всѣ священники округа. Съ виѣшней стороны собраніе дружное и блестящее. Церковные порядки въ округѣ поддерживаются въ должномъ видѣ. О. благотворительный, протоіерей Никольскій, за всѣмъ слѣдитъ строго. Говорятъ, что его округъ поддерживаетъ и Братство. Въ чемъ же дѣло?—Въ 1-мъ Сумскомъ округѣ *совсѣмъ* нѣтъ сектантовъ. По этому къ борьбѣ съ толстовствомъ священники относятся равнодушно: кое кто состоитъ членомъ Братства, а какихъ-либо особыхъ стараній къ поддержанію Братства не проявляетъ... Это бросается въ глаза настоящимъ братчикамъ и они *справедливо* ропшутъ... Я усердно просилъ собраніе поддержать Бѣлопольское Братство... 23-го, утромъ, я возвратился въ Харьковъ.

24-го уѣхалъ въ *Новую-Водолагу* на благотворительской миссіонерской сѣздѣ. Оказалось, въ округѣ два прихода—Одрынка и Огульцы—заражены хлыстовствомъ и штундой. Въ Одринкѣ хлысты склоняются къ штундѣ. Это примѣчательно. 26-го возвратился въ Харьковъ.

27-го, утромъ, уѣхалъ *въ Славянскъ* на благотворительское собраніе 4-го Изюмскаго округа. 28-го—собраніе. Выяснилось, что два прихода округа—*Привоолье и Михайловка*—заражены штундой. Сектанты въ нихъ одни и тѣ же, коренные жители Привоолья, арендаторы земли въ Михайловкѣ. На собраніи мы устраивали примѣрное обсужденіе спорныхъ вопросовъ объ *иконахъ*, о *крестѣ* и др. Въ округѣ есть миссіонерская бібліотека, которую о. Дмитріевъ заботливо содержитъ. Вообще онъ зорко слѣдитъ за состояніемъ церквей въ своемъ округѣ, за что заслуживаетъ особой признательности. Въ штундовыя же села онъ постоянно ѣздилъ со мной и помогаетъ мнѣ тамъ бесѣдовать съ сектантами. Сѣздѣ духовенства въ Славянскѣ прошелъ оживленно и во всѣхъ отношеніяхъ порядочно. 30-го сентября, утромъ, пріѣхалъ домой. 1-го октября уѣхалъ въ *Сватову Луку*. Цѣлый день просидѣлъ въ вагонѣ и на станціи Узловой. Въ Сватово пріѣхалъ часа въ 3 утра. Ночевалъ на постояломъ дворѣ. 2-го—сѣздѣ. Въ округѣ есть раскольники, въ слободѣ Краснянкѣ. Ихъ здѣсь до 300 душъ безпоповцевъ. Полемики съ ними не ведется. Въ *Поповкѣ* появлялся

штундистъ Соловьевъ. Пропаганда его не имѣла успѣха, вслѣдствіе особой твердости въ вѣрѣ мѣстныхъ крестьянъ. Къ тому же Соловьевъ оказался воромъ, а священникъ слободы Поповки заботливымъ пастыремъ своего стада. Появлялся какой-то толстовецъ въ слоб. *Свистуновка*, но, къ счастью, плевель не посѣялъ. Въ виду доложеннаго, я предложилъ собранію обсудить главнѣйшіе способы борьбы съ сеетанствомъ и просилъ всѣхъ быть на стражѣ. Теперь же въ округѣ понятія о миссіонерской полемикѣ зачаточныя.

3-го ѣздилъ въ *Кармазиновку*. Батюшка проситъ открыть здѣсь, вмѣсто единовѣрческаго, чисто православный приходъ, такъ какъ прихожане Кармазиновки почти всѣ на то согласны, а окрестные хутора обѣщаютъ войти въ составъ Кармазиновскаго прихода, если онъ будетъ переименованъ въ православный. Къ сожалѣнію, есть упорные единовѣрцы, которые грозятъ уйти въ расколъ, если въ Кармазиновкѣ уничтожатъ единовѣріе. Положеніе трудное: церковь была бы богаче, въ случаѣ переименованія ее въ православную; съ другой стороны есть великая опасность отъ такого переименованія: можетъ появиться расколъ въ селѣ Кармазиновкѣ. Прошу Миссіонерскій Совѣтъ снова обсудить этотъ вопросъ и однажды на всегда уведомить свящ. Васюткина о своемъ рѣшеніи. Тогда онъ будетъ знать, куда ему направлять свои усплія.

4-го октября уѣхалъ въ *Старобѣльскъ*, куда и прибылъ поздно вечеромъ. 5-го—Благочинническій съѣздъ. Собралось довольно священниковъ. Въ округѣ нѣтъ ни раскольниковъ, ни сектантовъ. Въ виду этого, батюшки на первыхъ порахъ были довольно беззаботны. Но стали мы заниматься по программѣ для съѣздовъ; начали обсуждать—кто и какъ пастырствовалъ и проповѣдывалъ за годъ—и благодущіе у всѣхъ исчезло. Оказалось, что библейско-богословская и миссіонерская подготовка у священниковъ слаба. Съ этимъ недостаткомъ, конечно, нужно бороться, особенно по нынѣшнямъ труднымъ временамъ,—это я и старался внушить священникамъ, получивъ съ ихъ стороны самое крѣпкое увѣреніе, что къ слѣдующемъ году все будетъ лучше. 6-го октября, по приглашенію г. уѣзднаго наблюдателя, я посѣтилъ нѣкоторыя школы Старобѣльска и интересовался постановкою въ нихъ преподаванія Закона Божія. 7-го осматривалъ Братскую книжную лавку. Подборъ книгъ не большой; чаще требуютъ учебныя книги для церковныхъ школъ; но все же лавка приноситъ народу несомнѣнную пользу.

8-го уѣхалъ въ сл. *Спываковку* къ благочинному прот. Алек-

стевскому. Бесѣдовалъ съ нимъ о дѣлахъ округа. 9-го, Благочиннической сѣздъ въ *Новой Айдарь*. Обнаружилось, что въ округѣ масса раскольниковъ. Въ *Черниговкѣ* напр. 163 об. пола; въ *Лашпновкѣ* 400 душъ; въ *Райгородкѣ* 200 душъ; въ Старой Айдарь 19 душъ. Въ числѣ этихъ раскольниковъ много австрійцевъ; не мало безноповцевъ; есть и бѣглоповцы. Выяснилось, что *никакой* миссіонерской борьбы съ ними священники не ведутъ. Было ясно также, что и подготовки къ этой борьбѣ батюшки не имѣютъ. Они оправдываются тѣмъ, что раскольники — народъ тихій. Очень хорошо; по тысячную толпу раскольниковъ нельзя оставлять безъ воздѣйствія. Къ этому есть и средства; въ округѣ существуетъ полная и хорошо подобранная библіотека; а раскольники — народъ ве книжный. Въ одной слободѣ округа, Смольяниновой, въ 1896 г. появился штундистъ; но слѣда не оставилъ. Въ виду всего этого, было постановлено, чтобы священники тщательно ознакомилась съ главными пунктами обличенія раскола; завели бы съ ними частныя бесѣды и были вообще на стражѣ противъ вторгающагося въ Донской Область сектанства. 9-го я осматривалъ въ сл. Безгиновой миссіонерскую библіотеку: еще разъ самолично увидѣлъ ея сравнительно полный составъ, добрые библіотечные порядки и уѣхалъ въ сл. *Лашпновку*. 10-го къ вечеру бесѣдовалъ здѣсь съ раскольниками, въ присутствіи многихъ православныхъ, о *вѣчности и неодолимости Христовой Церкви*. Обличалъ австрійцевъ. Предлагалъ имъ еднотворіе. Они не упорствовали и въ концѣ заявили: „подумаемъ“. Если бы Богъ помогъ имъ прозрѣть!... 11-го, утромъ, бесѣдовалъ съ раскольниками въ *Черниговкѣ*. Слушатели были. Говорили о Церкви же. Австрійцы сильно упорствовали и прямо заявили, что въ *единовѣріе* они не пойдутъ. Почему?— „Станутъ, дескать, православные *вмѣстѣ* молиться, а это не порядокъ“. Темные люди!.. Я усердно просилъ мѣстнаго священника поработать надъ обличеніемъ раскола. Это тѣмъ проще, что сильныхъ возраженій со стороны раскола ожидать нельзя: раскольники малограмотны и православные имъ не сочувствуютъ.

12-го октября сѣздъ благочиннической въ *Бѣловодскѣ*. И въ этомъ округѣ есть раскольники, и здѣсь миссія противъ нихъ не существуетъ никакой. Различіе отъ 5-го округа состоитъ въ томъ, что здѣсь нѣтъ даже миссіонерской библіотеки. Значить, кто и хотѣлъ бы заняться полемикой, да руководство нѣтъ. Этотъ изъянъ я поставилъ на видъ благочинническому собранію и просилъ

его къ слѣдующему году положить „начало благое“ миссіонерскому дѣлу въ округѣ. 13-го въ г. Старобѣльскѣ я участвовалъ въ за-сѣданіи отдѣленія училищнаго совѣта. Между прочимъ о. предсѣдателю говорилъ о своихъ впечатлѣніяхъ со съѣздовъ и просилъ его посодѣйствовать должной постановкѣ Закона Божія въ церковныхъ школахъ.

14-го уѣхалъ, чрезъ Сватово, въ сл. *Пристѣнъ*. 15-го, за литургіей, говорилъ здѣсь поученіе на чтенное Евангеліе, 7 гл. Мк. Народу было довольно. Вечеромъ, на виѣбогослужебномъ собраніи изъяснялъ 10 гл. Мѣ. о *правѣ учительства въ Церкви*. Объясненіе слушали и сектаны, но никто не возражалъ мнѣ. Послѣ бесѣды, въ домъ о. Моисея, приходили сектанты и православные начетчики. Говорили о разныхъ предметахъ вѣры. Въ числѣ православныхъ есть очень любознательные люди. Однѣ, напр., спрашивалъ: какъ звали жену Каина? Что значить, что человекъ, по Библии, имѣетъ духъ, душу и тѣло? Въ Пристѣнѣ народъ интересуется вопросамъ вѣры. Штундисты заставляли всѣхъ вдумываться въ эти вопросы. Вотъ почему моего пріѣзда пристѣнцы ждуть, какъ праздника, и всегда охотно собираются на бесѣды. 16-го былъ на благотворительномъ миссіонерскомъ съѣздѣ въ *Купянскѣ*. Выяснилось, что въ сл. *Монашиновкѣ* къ поселившимся штундистамъ прибавленій не было; но православные равнодушны къ храму. По праздникамъ базаруютъ. Священникъ, о. Н. Грабовскій, человекъ молодой, способный. Проповѣдуетъ въ храмѣ вѣдѣнность; но съ полемикой со штундой не ознакомился, на что я и просилъ его обратить вниманіе. Въ хуторѣ *Дороганевкѣ* соборнаго прихода штундистовъ около 100 д. об. пола. Есть здѣсь пресвѣтеръ; штунда дѣйствуетъ по всѣмъ своимъ правиламъ. Въ хуторѣ *Осиновой*—13 д., въ хуторѣ *Прокоповкѣ*—8 д., да въ самомъ Купянскѣ—7 семей. Итого, какъ видно, соборный приходъ значительно зараженъ сектантствомъ. Для борьбы съ нимъ нужно энергическое противодѣйствіе. Священники обѣщались поработать надъ штундой. На *Узловой*, прих. Куриловскій, есть штундисты. Собраній ихъ не допускаютъ прав. рабочіе. Священникъ здѣсь, о. Чугаевъ, молодой и можно ждать отъ него добраго пастырствованія. Въ *Чернетчинѣ* всего 16 штундистовъ. Новыхъ обращеній нѣтъ лѣтъ 6. Главари штунды живутъ въ прих. Монашиновки. Живетъ въ Чернетчинѣ до 500 д. раскольниковъ. Миссіонерскаго противодѣйствія имъ нѣтъ. На это обстоятельство я просилъ мѣстнаго священника обратить вниманіе. Въ Пристѣнѣ штунды болѣе 100 душъ. Орга-

вызована она образцово. За годъ среди нея были однако волненія по вопросу о причащеніи. Пріѣзжали Деляковъ и Балихинъ. Волненіе затихло, но совсѣмъ не исчезло. И теперь среди штундистовъ есть разочарованные. Богъ дастъ, они присоединятся къ нашей Церкви. О. Моусей Петровъ работаетъ прилежно. Къ народу относится по-пастырски. И на съѣздѣ онъ выдѣлялся изъ ряда священниковъ своими полемическими свѣдѣніями. Онъ—хорошій мнѣ сотрудникъ. Въ виду сказаннаго, долгомъ почитаю рекомендовать его особому вниманію миссіонерскаго совѣта. 17-го октября я возвратился домой, пробывъ въ поѣздкѣ ровно 17 дней.

19-го вновь уѣхалъ въ сл. *Алекстееву* Зміевскаго уѣзда на благотворительное миссіонерское собраніе. 20-го открылось самое собраніе. Грязь, дождь, вѣтеръ. Пріѣхало всего 10 священниковъ. Съ ними мы разсуждали о направленіи проповѣди въ округѣ, о рѣшеніи разныхъ богословскихъ вопросовъ и о постановкѣ вообще дѣла внутренней миссіи. 21-го, по случаю Царскаго дня, былъ на молебнѣ въ храмѣ. Храмъ высокій, свѣтлый, хорошій. Иконопись образцовая и поютъ хорошо. Спасибо благотворителю о. Антоновскому. Онъ поддерживаетъ церковное дѣло въ приходѣ на желательной высотѣ. Вечеромъ вернулся домой.

22-го уѣхалъ въ *Печенги* тоже на Благотворительное собраніе. Остановливался въ Чугуенѣ у свящ. Юшкова. Говорили съ нимъ про того штундиста, который хотѣлъ приложиться къ Церкви. Оказывается, онъ обѣщанія своего не сдержалъ и теперь живетъ въ Харьковѣ. 23-го—съѣздъ въ *Печенгахъ*. Штундой заражено въ округѣ 8 приходовъ. Важно, что я узналъ о Печенѣжскомъ *Преображенскомъ* приходѣ. Оказывается, здѣсь нынѣ изъ 46 записанныхъ штундистовъ осталось всего 28 съ дѣтьми. Если это правда, —пріятно слышать. Во всякомъ случаѣ повременимъ радоваться, такъ какъ о. Москалевъ только что поступилъ на приходъ и, возможно, дѣлаетъ послѣшнія заключенія. Изъ другихъ сообщеній заслуживаетъ особаго вниманія то, которое объявляло открыто появившейся штунду въ сл. *Хотомль*. Это новый пунктъ. Штунда здѣсь появилась въ 9 семьяхъ. Грустно. Миссія въ округѣ нельзя сказать, чтобы процвѣтала. Сама священники говорятъ о ней, какъ о дѣлѣ новомъ. Но есть въ округѣ и испытанные борцы со штундой, какъ о. Ивановъ. Будемъ ждать, когда общій уровень поднимется до желаемой высоты. 24-го вернулся домой.

25-го уѣхалъ въ сл. Ольшану Харьковскаго уѣзда. Эта поѣздка осталась мнѣ памятной. По дорогѣ лошади три раза принимались

насъ пести—да такъ, что мы едва спаслись... 26-го октября за литургіей, въ храмѣ у Благочиннаго, говорилъ поученіе о *почитаніи святыхъ*. Народу было много. Часа въ два дня открылъ засѣданіе съѣзда. Обнаружилось, что штунда въ округѣ не растеть, кромѣ *Пересѣчнаго*, гдѣ прежде колебаншійся сталь открытымъ сектантомъ. Но миссіонерской подготовкѣ священники и здѣсь не имѣють. Объ этомъ мы говорили достаточно. Рассказываютъ, одинъ діаконъ подслушивалъ нашу бесѣду. Ознакомившись съ предъявленными къ священникамъ требованіямъ, онъ меланхолически махнулъ рукой и сказалъ: „не буду искать священническаго мѣста“! Это очень характерно. Духовенство повсемѣстно проникается важностью своей отвѣтственности,—что можетъ лишь благотворно вліять на дѣла нашей миссіи. 27-го октября заходилъ въ одну церковно-приходскую школу и вечеромъ возвратился домой.

Харьковскій Епархіальный Миссіонеръ Дм. Боголюбовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.).

Епархіальныя извѣщенія.

Окончившій курсъ Семинаріи, Григорій *Карповъ*, опредѣленъ на священническое мѣсто при церкви сл. Семикотовки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Окончившій курсъ Семинаріи, Георгій *Курячій*, опредѣленъ на священническое мѣсто при церкви сл. Байдовки, того же уѣзда.

— Священникъ церкви с. Средняго Бурлука, Волчанскаго уѣзда, Петръ *Измайловъ*, перемѣщенъ на священническое мѣсто при Петро-Павловской церкви, сл. Печенѣгъ, того же уѣзда.

— Священникъ с. Булацеловки, Зміевскаго уѣзда, Павелъ *Стефановскій*, перемѣщенъ на священническое мѣсто къ церкви с. Средняго Бурлука, Волчанскаго уѣзда, а на его мѣсто перемѣщенъ священникъ с. Ащенскаго, Сумскаго уѣзда, Іоаннъ *Власовскій*.

— Діаконъ сл. Трехъизбянска, Старобѣльскаго уѣзда, Владиміръ *Павловъ*, опредѣленъ священникомъ къ церкви той же сл., а на его мѣсто опредѣленъ псаломщикъ Троицкой церкви, сл. Моисеевки, того же уѣзда, Михаилъ *Жуковскій*.

— Діаконъ Троицкой церкви сл. Марковки, Старобѣльскаго уѣзда, Василій *Поликарповъ*, опредѣленъ священникомъ къ церкви сл. Николаев-

ки 2 й, Волчанскаго уѣзда, а на его мѣсто опредѣленъ діакономъ учитель Андрей *Луговской*.

— Псаломщикъ Рождество-Богородичной церкви с. Кальченкова, Сумскаго уѣзда, Александръ *Кобыляцкій*, рукоположенъ въ санъ діакона Георгіевской церкви с. Павленкова, Лебединскаго уѣзда, 20 октября н. г.

— Учитель церковно-приходской школы с. Ильмовъ, Сумскаго уѣзда, Федоръ *Новомірскій*, опредѣленъ п. д. псаломщика (16 октября) Рождество-Богородичной церкви сл. Кальченкова, Сумскаго уѣзда.

— И. д. псаломщика Вознесенской церкви, с. Никольскаго, Изюмскаго уѣзда, Александръ *Макаровский*, взятъ въ военную службу, а на его мѣсто опредѣленъ п. д. псаломщика Скорбященской церкви при Печенѣжскомъ исправительномъ арестанскомъ отдѣленіи, Волчанскаго уѣзда, Дмитрій *Краснопольскій*.

— Утвержденъ въ должности церковнаго старосты Борисо-Глѣбской церкви с. Ясенка, Ахтырскаго уѣзда, кандидатъ химіи Федоръ *Эрманъ*.

— Регентъ церковныхъ хоровъ хорошо знающій свое дѣло, ищетъ мѣсто, можетъ преподавать пѣніе въ училищахъ, какъ духовное, такъ и свѣтское, имѣетъ рекомендацію. Обращаться: Харьковъ, по Монастырской улицѣ, Саржапевскій пер., домъ Оберемокъ. № 10. М. С. *Панфилову*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Православные храмы за границей.—Построеніе новыхъ храмовъ въ Россіи.—Освященіе церкви въ новомъ зданіи Кіевской Духовной семинаріи.—Церковныя торжества въ монастыряхъ.—Новое благотворительное учрежденіе.—Дѣтскіе приюты.—Двадцатипятилѣтіе дома призрѣнія престарѣлыхъ и малолѣтнихъ въ Петербургѣ.—Заботы о религіозно-нравственномъ воспитаніи воинскихъ чиновъ.—Педагогическій музей въ Кіевѣ.

Въ послѣднія десятилѣтія особенно усилилось православно-церковное строительство за границей—не только среди инославнаго Запада, но и на далекомъ Востокѣ. Въ различныхъ центрахъ земного шара то тамъ, то здѣсь воздвигаются церкви Божіи, которыя точно звѣзды засвѣчиваются на темномъ небосклонѣ, и какая радость сіяетъ въ сердцѣ тѣхъ православно-русскихъ людей, которые, будучи заброшены на чужбину, получаютъ возможность по-русски вознести свои молитвы къ Отцу небесному? Отъ умиленія у нихъ обыкновенно неудержимо катятся горячія слезы неизреченной радости. Такъ, по сообщенію «Церк. Вѣст.», теперь до-

страивается православный храмъ въ Кеото—въ Японіи, и всѣ православные—какъ японцы, такъ и русскіе—съ нетерпѣніемъ ждутъ его окончанія. Для средней Японіи это будетъ цѣлое событіе. Вообще значеніе храма въ Кеото весьма велико. Кеото—для всѣхъ юго-западныхъ провинцій Японіи—вѣчто вродѣ Москвы для центральной Россіи. Примѣръ и вліяніе того, что дѣлается въ Кеото, отзываются на всей Японіи. Поэтому миссія, одновременно съ храмомъ, устраиваетъ тамъ и духовное (женское) училище. Священникомъ же въ Кеото назначенъ ученѣйшій изъ среды японскаго православнаго духовенства, отецъ Симеонъ Мін. Онъ хорошо знаетъ Россію, такъ какъ окончилъ курсъ въ кievской духовной академіи. Японскіе православные, прѣготовляя со своей стороны средства для христіанской проповѣди, ожидаютъ теперь, какъ отзовется на помощь имъ православная Россія. Да не оскудѣетъ же духъ милости среди православныхъ сыновъ Россіи въ пользу юной церкви японской!—Законченъ постройкой православный храмъ и надалекомъ западѣ—въ Буэносъ-Айресѣ, въ Аргентинской республикѣ. 23 минувшаго сентября состоялось его освященіе во имя Св. Живоначальной Троицы, и оно произвело наилучшее впечатлѣніе даже на иновѣрцевъ, обычно относящихся съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ къ „схизматикамъ“. Когда настоятель церкви прот. К. Изразцовъ по окончаніи литургіи, предъ молебномъ, въ присутствіи президента республики, его министровъ и всего дипломатическаго корпуса, произнесъ на испанскомъ языкѣ слово, въ которомъ, объяснивъ значеніе храма, призывалъ всѣхъ къ единенію во Христѣ, то мѣстная печать съ сочувствіемъ отнеслась къ православно-русскому торжеству и наир. серьезнѣйшая и лучшая мѣстная газета „Нація“ писала по этому поводу: „Вся церемонія оставила насъ подъ пріятно взволновавшимъ впечатлѣніемъ, но особенно заставили трепетать наше сердце слова о всеобщемъ братствѣ, произнесенныя русскимъ священникомъ, что мы желали бы слышать и отъ священниковъ всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій“. Другая, наиболѣе излюбленная здѣшней аристократіей, вечерняя газета „El Diario“ даетъ такой отзывъ о нашей церкви: „Какъ великолѣпный чинъ освященія русской церкви! Для насъ, взирающихъ на обряды безъ пристрастія, онъ былъ половъ простой величественностью, которая трогала душу“.—Самый храмъ очень красивъ и, будучи построенъ въ московскомъ стилѣ, будетъ вѣчно напоминать о златоглавой Москвѣ, откуда именно и даны были главныя средства для его построенія.

— Въ послѣднее время было начато и продолжаемо, частію же доведено до конца сооруженіе немалого числа православныхъ церквей въ мѣстностяхъ, гдѣ въ этихъ церквахъ замѣчалась весьма большая, даже крайняя надобность. Одна изъ церквей, еще раньше начатыхъ постройкою, находится въ с. Казацкомъ, балтскаго уѣзда. На достройку ея Государь Императоръ 18 сентября Всемилюстивѣйше пожаловалъ 2.000 р. Вновь начата постройкою соборная для моряковъ церковь въ Кронштадтѣ, составляющая, по заявленіямъ моряковъ, предметъ завѣтныхъ желаній всѣхъ ихъ. На постройку ея будетъ оказана помощь отъ казны. Наличные морскіе чины, послѣ молебствія собственноручно првступивъ къ работамъ, чрезъ свое начальство выразили базпредѣльную благодарность Государю Императору за милостивую поддержку начинанія. Въ отиѣтной телеграммѣ Государь, благодаря морскихъ чиновъ за выраженныя чувства, высказалъ пожеланіе скорого успѣха въ сооруженіи морского собора. Закончены устройствомъ и торжественно освящены двѣ православныхъ церкви—въ Финляндіи и холмско-варшавскомъ краѣ, устройство которыхъ для мѣстнаго населенія имѣетъ особую важность. 28 октября въ Вильмаstrandѣ высокопреосвященнымъ архіепископомъ финляндскимъ Николаемъ, въ присутствіи генералъ-губернатора съ прочими властями и всѣхъ мѣстныхъ православныхъ прихожанъ, совершено освященіе обновленнаго и расширеннаго храма въ честь Покрова Пресвятой Богородицы. Стропительныя работы исполнены военными инженерами округа на средства, отпущенныя Св. Синодомъ и военнымъ министерствомъ и собранныя путемъ частной подписки. 30-го сентября происходило освященіе новой каменной церкви въ г. Островѣ, ломжинской губ., сооруженной въ память священнаго коронованія Ихъ Величествъ. Это уже седьмая приходская церковь въ губерніи, кромѣ церквей военныхъ. Замѣчательна исторія церкви, передаваемая въ «Холм.-Варш. Еп. Вѣд.». Въ 1896 г. начальникомъ уѣзда былъ русскій человѣкъ съ твердыми православными убѣжденіями и сильною волею, А. А. Спиридоновъ. По случаю коронаціи явилась мысль—чѣмъ-нибудь ознаменовать это событіе. Энергичный г. Спиридоновъ предложилъ мѣстному населенію, состоящему почти исключительно изъ иновѣрцевъ, увѣковѣчить память о радостномъ событіи сооруженіемъ православнаго храма, нужда въ которомъ ощущалась уже давно, такъ какъ существовавшая церковь при 6 артилл. бригадѣ, которая была устроена

лѣтъ 30 назадъ въ наемномъ номѣщеніи во дворѣ, окруженномъ нечистоплотными еврейскими жилищами, по виду болѣе похожая на сарай, чѣмъ на храмъ, своею тѣсною и приближенностію производила тяжелое впечатлѣніе на религіозное чувство православныхъ. Предложеніе было принято; магистратъ постановилъ отпустить на церковь 4,000 р. и отвелъ для нея мѣсто въ центрѣ города. Принялись за дѣло горячо; потомъ встрѣтились препятствія. Но Божіе дѣло не погвбло. Потекли пожертвованія, которыхъ собрано до 9,000 р. Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна пожаловала для строящейся церкви священническое облаченіе и воздухи собственной работы Ея Величества. Въ сентябрѣ сего года церковь была приготовлена къ освященію. Внутри она производитъ прекрасное впечатлѣніе изяществомъ отдѣлки и нѣжностію красокъ. Общая вмѣстимость храма съ хорами болѣе чѣмъ на 300 человекъ. Ко дню освященія въ церковь поступилъ цѣнный пожертвованія вещами отъ разныхъ лицъ. Освященіе совершалъ благочинный церковей I варшавскаго округа протоіерей о. П. Каллистовъ, въ сослуженіи съ другими священниками. Послѣ освященія храма, изъ новой церкви отправился въ старую, за св. антиминомъ, крестный ходъ въ сопровожденіи множества богомольцевъ, среди которыхъ были всѣ мѣстные военныя и гражданскія власти; но пути шпалерами стояли войска. По прибытіи крестнаго хода къ старой церкви, какъ пишетъ очевидецъ, предъ присутствующими рѣзко обозначился контрастъ между убожествомъ старой и великолѣпіемъ новой церкви, вызвавшей въ православныхъ богомольцахъ радостное сознаніе того, что тяжелое время униженія прошло. Обратное шествіе крестнаго хода также оставляло сильное впечатлѣніе, всею обстановкою своею поднимая духъ православныхъ.

«Церк. Вѣст.».

— 11 октября состоялось торжество освященія церкви въ новомъ зданіи Кіевской духовной семинаріи, во имя св. Вселенскихъ учителей и святителей Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста. Наканунѣ освященія храма всеобщее бдѣніе совершалъ преосвященный Сергій, епископъ Уманскій, въ сослуженіи о.о. архимандритовъ: инспектора Кіевской духовной академіи Платона и ректора семинаріи Ѳеодосія, о.о. членовъ правленія и преподавателей семинаріи: протоіереевъ Р. А. Барилевича, І. Е. Богородицкаго и священниковъ Д. Ѳ. Дмитрева, М. Е. Едлинскаго и А. Р. Дашкіева и о. духовника воспитанниковъ семинаріи свя-

щенника Ѡ. Дурдуковскаго. Предъ началомъ всеобщаго бдѣнія, по входѣ преосвященнаго владыки, о. ректоромъ семинаріи внесена была во храмъ присланная высокопреосвященнымъ митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ Теофостомъ въ даръ новой церкви икона Успенія Божіей Матери. Встрѣченная преосвященнымъ Сергіемъ, при пѣніи всѣми воспитанниками семинаріи тропаря Успенія Божіей Матери, икона положена была затѣмъ, при чудномъ пѣніи тріо кондака празднику Успенія, на аналоѣ среди церкви, рядомъ съ храмовой иконой. Послѣ этого началось служеніе всеобщаго бдѣнія. Шѣли два хора Михайловскаго монастыря и хоръ изъ лучшихъ голосовъ воспитанниковъ семинаріи и учениковъ образцовой школы при семинаріи. Пѣснь же „Свѣте тихій“ пропѣта была всѣми воспитанниками семинаріи. По окончаніи литіи, предъ утреней, просвященнымъ Сергіемъ сказано было глубокопрочувствованное слово на текстъ „Возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдёмъ!“, въ которомъ владыка обстоятельно выяснилъ важное значеніе храма особенно для юношества, которое готовитъ себя къ дѣятельности пастырей и совершителей Таинъ Божіихъ. Всеобщее бдѣніе окончилось въ 9^{1/2} часовъ вечера. Довольно обширный новый храмъ духовной семинаріи переполненъ былъ молящимися до тѣсноты. Съ такой-же торжественностью на другой день совершены были освященіе новоустроеннаго храма и первая литургія въ немъ, которыя совершалъ высокопреосвященный Теофостъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій, въ сослуженіи преосвященнаго Сергія, епископа Уманскаго, со. архимандритовъ: намѣстника Кіево-Печерской лавры Антонія, инспектора Кіевской духовной академіи Платона, ректора семинаріи Θεодосія и настоятеля Кіево-Выдубецкаго монастыря Евлогія, протоіереевъ П. Г. Преображенскаго, Р. А. Барилевича и І. Е. Богородицкаго и священниковъ Д. Ѡ. Дмитрева, М. Е. Едлинскаго и А. Г. Дашкіева. Къ концу чинослѣдованія освященія храма прибылъ изъ Софійскаго собора крестный ходъ со св. мощами. Во главѣ крестнаго хода отъ Софійскаго собора до Срѣтенской слѣдовалъ преосвященный Макарій, бывшій епископъ Калужскій и Боровскій, а отъ Срѣтенской церкви до семинаріи преосвященный Сильвестръ, епископъ Каневскій. По прибытіи крестнаго хода съ мощами, состоялся выходъ изъ алтаря въ прилегающій къ церкви корридоръ, изъ котораго, при возгласѣ высокопреосвященнаго митрополита „Возмите врата, князи, ваша, и возьмитесь врата

вѣчная, и видеть Царь Славы“, и при торжественномъ пѣніи хора „Господь съялъ, то есть Царь Славы“, св. мощи внесены были въ храмъ, а потомъ и въ алтарь. Одна частица мощей вложена была въ антиминсъ, а другая въ серебряномъ ковчегѣ положена была подъ престолъ. Послѣ этого, по приглашеніи обычныхъ многолѣтій Царствующему Дому, Св. Синоду и высокопреосвященному митрополиту Феогносту, а также создателямъ и благотворителямъ храма и всѣмъ православнымъ христіанамъ совершена была на новоосвященномъ престолѣ божественная литургія. На литургіи присутствовали: г. Начальникъ края, генералъ адъютантъ М. И. Драгомировъ, управляющій Государственными имуществами Кіевской и Подольской губерній Г. А. Чуйкевичъ, директоръ Кіевского политехническаго института Императора Александра II В. Л. Кирпичевъ, городской голова В. Н. Проценко, профессора Кіевской духовной академіи, нѣкоторые изъ профессоровъ университета св. Владимира, въ полномъ составѣ учебный и педагогическій персоналъ духовной семинаріи, городское духовенство и масса молящихся.

«Кіевл.».

— На праздникъ 14 сентября въ Лѣснинскомъ женскомъ монастырѣ собралось въ нынѣшнемъ году свыше 5,000 человекъ. Многіе пришли съ крестными ходами, имѣя во главѣ священниковъ. Праздникъ въ Лѣснѣ справленъ былъ торжественно. Литургія совершена архіерейскимъ служеніемъ; за богослуженіемъ были провнесены проповѣди: одна—въ церкви, на тему о религіозномъ наставленіи народа, другая на погостѣ, во время крестнаго хода, о значеніи праздника. Одна изъ проповѣдей была сказана на мѣстномъ нарѣчій. Многочисленное стеченіе народа на праздникъ и значительный съѣздъ поклонниковъ изъ образованнаго класса вновь засвидѣтельствовали объ уваженіи, которымъ пользуется Лѣснинская обитель, усердно служащая народу своими средствами. Кромѣ службъ церковныхъ, монастырь привлекаетъ къ себѣ населеніе и своими учрежденіями. При монастырѣ, вмѣстѣ школа, гдѣ крестьянскія дѣти обоюго пола обучаются грамотѣ и разнообразному ручному труду. Въ привислинскомъ краѣ есть еще нѣсколько мѣстностей, куда на церковные праздники собираются изъ окрестностей массы богомольцевъ. Таковъ Яблочинскій Свято-Онуфріевскій монастырь. Этотъ монастырь, въ теченіе многихъ вѣковъ служившій оплотомъ православія для окрестныхъ жителей, донынѣ привлекаетъ весьма многихъ православныхъ паломниковъ.

На послѣдній храмовой праздникъ сошлось въ монастырь до 3 или 4 тысячъ богомольцевъ всѣхъ званій и состояній, въ особенности крестьянъ. Многіе изъ богомольцевъ и здѣсь исповѣдались и причащались св. таинъ. Паломничество въ монастырь для этихъ богомольцевъ не было обрядовой формальностью. Всѣ присутствовавшіе при церковныхъ службахъ были видимо проникнуты и истиннымъ религіознымъ воодушевленіемъ. Въ Красностоцкомъ женскомъ монастырѣ также перебивало до 20,000 паломниковъ и не меньше 8,000 богомольцевъ исповѣдывались и причащались св. таинъ. Подобныя православныя празднества, всею своею обстановкою и господствующею на нихъ чисто-религіозною настроенностью, могутъ оказывать и на прочее мѣстное—не православное население благотворнѣйшее дѣйствіе, пробуждая и усиливая въ этомъ населеніи чистое религіозное чувство, а иногда и расположеніе къ православной церкви. Послѣднее можно, кажется, сказать и о подобныхъ указаннымъ православныхъ празднествахъ, на которыхъ присутствуютъ иногда внославыя христіане, какъ это замѣчено относительно праздника въ Красностоцкомъ монастырѣ. На этомъ праздникѣ, на который вообще стекаются богомольцы безъ различія исповѣданій, въ нынѣшнемъ году собравшіеся р.-католики участвовали какъ бы рядомъ съ православными, въ обычномъ на подобныхъ праздникахъ пѣніи священныхъ пѣснопѣній послѣ всенощной. „Далеко за полночь“, пишетъ одинъ изъ очевидцевъ присутствовавшихъ на красностоцкомъ праздникѣ, „паломники славяли Бога Творца и Божию Матерь. Пѣніе православное церковно-славянское и пѣніе польско-католическое сливались какъ бы въ одинъ согласный аккордъ,—и забылись прошедшіе вѣка человѣческой розни“.

«Цер. Вѣст.»

— Преосвященный Приамурскій, обративъ вниманіе на невозможность для лицъ женскаго пола, особенно дѣвицъ, изъ сектантокъ, въ первое время по обращеніи въ православную церковь, найти пріютъ и средства къ пропитанію, а также защиту отъ бывшихъ единовѣрцевъ, напелъ нужнымъ учредить въ центрѣ сектантства—Благовѣщенскѣ съ миссіонерскою цѣлію женскую общину съ уставомъ иноческаго общежитія, въ которой помимо инокинь, находили бы надежный и спокойный пріютъ и возможность трудиться, для пропитанія себя, и всѣ дѣвицы и женщины, желающія присоединиться къ церкви изъ сектантства. Въ общинѣ могъ бы быть основанъ и воспитательный пріютъ для дѣвочекъ,

остающихся сиротами послѣ смерти православныхъ родителей, а равно и для круглыхъ сектантскихъ сиротъ. «Цер. Вѣст.»

— Центральное управленіе дѣтскихъ пріютовъ Вѣдомства учреждений Императрицы Маріи, убѣдившись въ большой пользѣ, приносимой сельскому населенію устройствомъ лѣтнихъ пріютовъ-яслей для призрѣнія крестьянскихъ дѣтей, остающихся во время полевыхъ работъ родителей безъ всякаго надзора, принимало въ теченіе послѣднихъ лѣтъ цѣлый рядъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлю содѣйствовать открытію возможно большаго числа пріютовъ-яслей во всѣхъ губерніяхъ Россіи. Съ этою цѣлю Центральное Управленіе пріютовъ, издавъ особую брошюру о пріютахъ-ясляхъ, разослало большое число экземпляровъ этой книги всѣмъ губернаторамъ, губернскимъ, уѣзднымъ и сельскимъ попечительствамъ, дѣтскихъ пріютовъ Вѣдомства учреждений Императрицы Маріи, а равно и многимъ предводителямъ дворянства, предсѣдателямъ земскихъ управъ, земскимъ начальникамъ, мировымъ посрелникамъ, помѣщикамъ, земскимъ и крестьянскимъ учрежденіямъ, причемъ оно рекомендовало устройство яслей и просило объ оказаніи содѣйствія, какъ въ распространенію въ мѣстномъ населеніи свѣдѣній о пользѣ, приносимой яслями, такъ и открытію такихъ заведеній. Вслѣдствіе этихъ мѣръ, во многихъ губерніяхъ, по почину и при содѣйствіи мѣстныхъ попечительствъ пріютовъ Вѣдомства учреждений Императрицы Маріи, стали открываться сельскіе пріюты-ясли, изъ которыхъ многіе походились въ непосредственномъ вѣдѣніи названныхъ попечительствъ, а многіе другіе состояли въ вѣдѣніи земскихъ и другихъ учрежденій. Эти пріюты-ясли дали самыя отрадныя результаты и встрѣтили всеобщее сочувствіе. Тѣмъ не менѣе, въ Центральномъ Управленіи пріютовъ нынѣ часто получаютъ заявленія о томъ, что дѣло распространенія сельскихъ яслей повсемѣстно въ Россіи все еще не развивается такъ скоро и въ такихъ размѣрахъ, какъ это было бы желательно, и что при новизнѣ этого дѣла препятствіемъ являются, главнымъ образомъ, недостаточное знакомство общества съ порядкомъ устройства и веденія яслей, отсутствіе опытныхъ руководителей для этихъ заведеній на мѣстахъ и невмѣніе необходимыхъ инструкцій и руководствъ для ихъ устройства. По этому въ настоящее время при Центральномъ Управленіи дѣтскихъ пріютовъ Вѣдомства учреждений Императрицы Маріи и въ непосредственномъ его вѣдѣніи образовался кружокъ лицъ, интересующихся вопросомъ объ улучшеніи участи безпра-

зорныхъ дѣтей сельскаго населенія и поставившихъ себѣ задачей оказать, подъ руководствомъ Центрального управленія приютовъ, содѣйствіе къ дальнѣйшему развитію дѣла устройства сельскихъ яслей въ Россіи, посредствомъ распространенія свѣдѣній о ясляхъ, изданія и разсылки брошюръ и руководствъ, устройства чтеній, организаціи временныхъ курсовъ для подготовленія необходимыхъ руководителей и руководительницъ, для яслей, командированія опытныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ въ губерніи для устройства яслей и изысканія необходимыхъ для успѣшнаго развитія сельскихъ яслей денежныхъ средствъ. Въ виду этого Центральное Управленіе дѣтскихъ приютовъ обращается ко всѣмъ лицамъ, сочувствующимъ дѣлу развитія сельскихъ яслей и желающимъ содѣйствовать этому дѣлу личными трудами или денежными пожертвованіями, или имѣющимъ возможность сообщить по этому дѣлу полезныя свѣдѣнія или печатныя брошюры, руководства или инструкціи, — съ просьбою присылать свои заявленія въ Канцелярію по управленію всѣми дѣтскими приютами Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи (Спб., Казанская ул., д. 7), въ присутственныя дни отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ дня, денежные же пожертвованія на устройство сельскихъ яслей адресовать въ состоящей при названной Канцеляріи Высочайше учрежденный Главный Комитетъ для сбора пожертвованій въ пользу дѣтскихъ приютовъ Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи (Спб., Казанская ул., 7). «Полт. Еп. Вѣд.».

— 1-го ноября исполнилось двадцатипятилѣтіе со времени учрежденія въ С.-Петербургѣ одного изъ наиболѣе видныхъ благотворительныхъ учрежденій — дома призрѣнія Тименкова-Фролова. Создателемъ этого учрежденія явился покойный с.-петербургскій 1-й гильдіи купецъ А. И. Тименковъ, который, движимый чувствомъ челоѣколюбія и состраданія къ ближнему, предпринялъ въ 1869 г., съ Высочайшаго соизволенія и по Высочайше утвержденному плану, составленному академикомъ архитектуры К. К. Вергеймомъ, постройку богадѣльни со школою и церковью. Для этой цѣли А. И. Тименковымъ былъ приобрѣтенъ участокъ земли въ 5.891²/₃ кв. саж., на Выборгской сторонѣ, по набережной Большой Невы и по Симбирской улицѣ. Къ наименованію дома призрѣнія была присоединена фамилія покойнаго купца В. А. Фролова, друга и товарища по торговымъ дѣламъ Тименкова. Закладка храма и дома совершена 25-го іюня 1871 года, и въ то же время Тименковымъ былъ представленъ на утвержденіе Правительства уставъ дома призрѣнія. Однако, самому благотворителю не суждено было ви-

цѣль осуществленіе предпринятаго имъ симпатичнаго дѣла: 27-го сентября 1871 года Тименковъ скончался, успѣвъ окончить только вчернѣ постройки храма и зданія для богадѣльни со школою. Послѣ смерти Тименкова осталось духовное завѣщаніе, по которому онъ отказалъ все свое имущество, въ движимости, недвижимости и деньгахъ, всего до 4.000.000 рублей, на призрѣніе немощныхъ и воспитаніе немущихъ. Въ исполненіе этой воли покойнаго, душеприващикомъ его былъ приобрѣтенъ еще одинъ участокъ земли въ 604 $\frac{1}{2}$ кв. саж., смежный съ мѣстомъ дома призрѣнія. 31-го мая 1872 года уставъ дома утвержденъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, а 1-го іюня 1874 года, согласно духовному завѣщанію, образованъ особый комитетъ для управленія новымъ учрежденіемъ, закончившій, въ продолженіе 1875 и 1876 г.г. всѣ работы по постройкѣ и устройству дома призрѣнія. Въ усыпальницу, устроенную подъ алтаремъ церкви дома, были перенесены съ Большеохотинскаго кладбища останки умершихъ: А. И. Тименкова, В. А. Фролова и ихъ бывшаго хозяина М. Н. Солодовникова. Наконецъ, 1-го ноября 1876 года состоялось открытіе дома призрѣнія и начать приѣмъ призрѣваемыхъ въ богадѣльню и школу, а 16-го января 1877 года высокопреосвященный митрополитъ Исидоръ освятилъ храмъ при домѣ и главный престолъ во имя св. Андрея криваго. Къ этому времени въ домъ призрѣнія было принято 29 мужчинъ, 167 женщинъ, 9 мальчиковъ и 26 дѣвочекъ. Въ томъ же году, 24-го января, домъ призрѣнія былъ осчастливленъ посѣщеніемъ Государя Императора Александра II, который выразилъ желаніе, чтобы въ число призрѣваемыхъ были приняты отставные нижніе чины-инвалиды и ихъ жены, помѣщавшіеся до того времени въ Маріинской охтенской богадѣльнѣ. Эта Монаршая воля была тогда же исполнена комитетомъ дома, принявшимъ 18 мужчинъ и 71 женщину. Совершавшіяся въ то время событія восточной войны и общее стремленіе русскаго народа оказать сильную помощь раненымъ на театрѣ военныхъ дѣйствій воинамъ, дали комитету поводъ направить благотворительность дома призрѣнія къ нуждамъ Краснаго Креста. Съ этою цѣлью 17-го февраля 1878 года, съ Высочайшаго соизволенія Государыни Императрицы Маріи Александровны, былъ открытъ въ помѣщеніи дома временный лазаретъ, на 30 кроватей, для больныхъ и раненныхъ нижнихъ воинскихъ чиновъ, по преимуществу, происходящихъ изъ столичныхъ купческаго и мѣщанскаго обществъ. 14-го апрѣля 1880 года лазаретъ этотъ былъ удостоенъ посѣщеніемъ Ея Величества Государя

рыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ бытность Ея Величества Цесаревной. За время существованія лазарета, съ 17-го февраля 1878 года по 11-е сентября 1880 года, въ немъ находились на пользованіи 222 нижнихъ чина, причемъ на содержаніе лазарета израсходовано 16.033 руб. 67 коп. По закрытіи лазарета, занимавшееся имъ помѣщеніе отведено подъ ремесленные мастерскія мужской школы и съ этого времени введено обученіе мальчиковъ переплетному, сапожному и портняжному мастерствамъ. Въ 1882 году состоялся первый выпускъ окончившихъ курсъ ученія въ школѣ—8-ми воспитанниковъ и 10-ти воспитанницъ, получившихъ образованіе по программамъ, приуроченнымъ къ курсу 4-хъ классовыхъ министерскихъ городскихъ училищъ. 1-го апрѣля 1891 года, озабочиваясь улучшеніемъ и расширеніемъ дома призрѣнія, комитетъ приступилъ къ постройкѣ особаго зданія для школы по плану, составленному академикомъ архитектуры П. Ю. Сюзоромъ, 18-го августа того же года совершена закладка зданія, а 28-го декабря 1895 года состоялось перемѣщеніе сюда школы изъ стараго зданія. Въ настоящее время въ домѣ призрѣвается 452 престарѣлыхъ лица, въ томъ числѣ 57 мужчинъ и 395 женщинъ, а въ школѣ обучается 230 дѣтей, изъ нихъ 115 мальчиковъ и 115 дѣвочекъ. Заботы дома призрѣнія не ограничиваются однимъ временемъ пребыванія питомцевъ въ стѣнахъ школы, а распространяются также за предѣлы ея: оканчивающихъ курсъ ученія домъ призрѣнія снабжаетъ средствами на первоначальную экипировку, выбывающихъ изъ школы по малоуспѣшности въ ученіи опредѣляетъ въ ремесленные заведенія для усовершенствованія въ разныхъ мастерствахъ, выходящимъ замужъ воспитанницамъ выдаетъ денежное пособіе на свадьбу, помѣщаетъ обнаружившихъ особую способностя къ ученію въ соотвѣтствующія учебныя заведенія для продолженія образованія и проч. На всѣ перечисленные виды пособія изъ суммъ дома израсходовано за 25 лѣтъ до 65.000 руб. Такимъ образомъ, благодаря единичной волѣ и доброму усердію одного изъ русскихъ простыхъ людей, совершилось выдающееся дѣло благотворенія,—созданъ домъ, подъ кровомъ котораго въ теченіе двадцати пяти лѣтъ нашли себѣ пожизненный, даровой, вполне обеспеченный пріютъ до 1650 престарѣлыхъ и увѣчныхъ лицъ и гдѣ за тѣ же двадцать вѣтъ лѣтъ до 1500 малолѣтнихъ сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей получили, при полномъ содержаніи, соотвѣтствующее воспитаніе и образова-

ніе, съ обученіемъ, кромѣ того, необходимѣйшимъ ремесламъ и рукодѣліямъ. «Правит. Вѣстн.»

— Опубликованъ весьма важный циркулярный отзывъ Главнаго Штаба гг. командующимъ войсками всѣхъ военныхъ округовъ о религіозно-нравственномъ воспитаніи войскъ. Этотъ циркуляръ рекомендуется также „къ свѣдѣнію и должному исполненію“ всему военному духовенству. Согласно этому циркуляру военное вѣдомство принимаетъ цѣлый рядъ слѣдующихъ мѣропріятій. Съ осеня текущего года вводятся во всѣхъ частяхъ войскъ виѣбогослужебныя собесѣдованія войсковыхъ священниковъ съ нижними чинами, не менѣе одного раза въ недѣлю. Военному начальству рекомендуется вселять въ нижнихъ чиновъ убѣжденіе посѣщать богослуженія, говѣть, соблюдать посты, совершать общія молитвы. Обращено вниманіе на необходимость поддерживать связь нижнихъ чиновъ съ ихъ семьями на родинѣ. Предлагается отвлекать нижнихъ чиновъ отъ бездѣльнаго шатаванія въ праздничные дни по городу. Указано на необходимость ввести развлеченіе въ казармахъ: чтеніе книгъ, по выбору начальства, чтеніе съ туманными картинами и т. д. Указано на пресѣченіе сквернословія. Комиссія выработала проектъ войсковой церкви упрощеннаго типа, каковыхъ намѣчено къ постройкѣ 69, на что потребуется 2,648,000 руб. Въ удовлетвореніе названнаго строительства Государь Императоръ соизволилъ разрѣшить къ отпуску въ нынѣшнемъ году 300,000 р. и въ 1902—1903 гг. по 450 тыс. руб. вмѣстѣ съ тѣмъ комиссія разрѣшила вопросъ объ учрежденіи церковныхъ причтовъ при войсковыхъ частяхъ. По ея разсчету, необходимо 200 причтовъ. Комиссія высказывается также за необходимость введенія въ войскахъ правильнаго церковнаго пѣнія. Все это, несомѣнно, благія мѣропріятія и будетъ способствовать религіозно-нравственному воспитанію войскъ. «Корм.»

— Управляющимъ Министерствомъ, Товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія Ив. Мещаниновымъ 23 августа сего 1901 г. утверждено Положеніе о педагогическомъ музеѣ при Управленіи Кіевскаго учебнаго округа. Канцелярія Кіевскаго учебнаго округа черезъ подвѣдомые ей органы учебнаго правленія округа розслала «Положеніе», съ объяснительной запиской къ нему. Музей, какъ видно изъ записки, учреждается съ цѣлью предоставить служащимъ въ учебныхъ заведеніяхъ округа, а также постороннимъ лицамъ наглядно, на образцахъ, или путемъ чтенія знакомство съ наилучшей постановкой учебно-воспитательнаго дѣла, а также съ раз-

вѣдѣнъ и современнымъ состоянiемъ школьнаго дѣла у насъ и за границей. Музей будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ: а) коллекціи наглядныхъ пособій, употребляемыхъ въ низшихъ, среднихъ и промышленныхъ учебныхъ заведеніяхъ, в предметовъ, касающихся школьной архитектуры и гигиены, в физическаго воспитанія; б) изъ собранія учебныхъ руководствъ и пособій на русскомъ и иностранныхъ языкахъ и в) изъ спеціально педагогической библіотеки. Весьма симпатично въ этомъ дѣлѣ то, что пользованіе музеемъ предоставляется бесплатно всѣмъ лицамъ, служащимъ въ учебныхъ заведеніяхъ подвѣдомственныхъ Кіевскому учебному округу, а также, съ разрѣшеніемъ Попечителя, и постороннимъ лицамъ. Не менѣе симпатична и цѣль учреждаемаго музея: она состоитъ въ томъ, чтобы доставить дѣятелямъ средней и высшей школы возможность наглядно, на образцахъ или по печатнымъ источникамъ знакомиться съ наилучшей постановкой учебно-воспитательнаго дѣла, а также съ исторіей школы и ея современнымъ состоянiемъ въ Россіи и за границей. Такимъ образомъ музей долженъ съ одной стороны содѣйствовать ближайшимъ, практическимъ потребностямъ преподаванія, съ другой—облегчать теоретическую, научную разработку учебно-воспитательныхъ вопросовъ. Коллекціи учебниковъ и спеціально-педагогической библіотеки, составляющихъ 2-й и 3-й отдѣлы музея, предположено придать особый характеръ подвижности, такъ что весь книжный матеріалъ музея станетъ одинаково доступнымъ всѣмъ дѣятелямъ школы въ предѣлахъ округа безъ различія типа школы и мѣстности, гдѣ она находится. Этому послѣднему условію музея должны особенно порадоваться и труженники церковно-приходскихъ школъ. Интересъ къ лучшей постановкѣ школьнаго дѣла часто переходитъ въ разочарованіе при мысли, что нѣтъ средствъ и пособій для этого и не откуда было ихъ достать. Теперь энергія можетъ быть подкрѣплена учрежденіемъ высоко-гуманнаго и легко доступнаго педагогическаго музея, который къ услугамъ желающаго предлагаетъ бесплатное пользованіе руководствами, учебниками и книгами для классаго чтенія по разнымъ предметамъ преподаванія въ русскихъ и иностранныхъ школахъ, а также—спеціально педагогической библіотекой. Что же касается способа пользованія необходимымъ книжнымъ матеріаломъ, то, согласно положенію, книги будутъ не только выдаваться, но и высылаться безъ всякихъ формальностей и безъ денежнаго залога во всѣ мѣстности учебнаго округа по письменнымъ требованіямъ лицъ учебнаго состава среднихъ и высшихъ

школь; гарантіей исправнаго и своевременнаго возвращенія взятыхъ книгъ будетъ служить исключительно принадлежность къ педагогической корпораціи. Этотъ характеръ подвижности составитъ отличительный и самый снмнатичный призывъ педагогической библіотеки музея, которая явится не книгохранилищемъ только закрытымъ, малодоступнымъ, но и постоянной, живою помощью учебнаго округа преподавателямъ въ педагогическихъ трудахъ и работахъ. «Полт. Еп. Вѣд.»

О В Ѣ Я В Л Е Н І Я

Обращаемъ вниманіе читателей журнала „В. и Р.“ на только что вышедшую въ свѣтъ книгу профессора П. И. Ливницкаго:

„ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ“.

ОПЫТЪ СИСТЕМАТИЧЕСКАГО ИЗЛОЖЕНІЯ ФИЛОСОФІИ.

Кіевъ. 1901 г. Цѣна 1 р. 10 коп.; съ перес. 1 р. 30 коп.

Продается въ складѣ изданія (Кіевъ, Боричевъ Токъ, кварт. П. П. Кудрявцева) и въ книжныхъ магазинахъ Н. Я. Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ (Екатеринославская 4). Выписывающіе одновременно не менѣе 10 экз., за пересылку не платятъ.

ИКОНОСТАСНАЯ ФАБРИКА

Ивана Ефимовича Гетмана съ С-ми

ВЪ ТАМАРОВКѢ,

Курской губерніи, Бѣлгородскаго уѣзда.

(Серебр. мед. на всерос. выст. 1887 г. въ Харьковѣ).

ПРИНИМАЕТЪ ЗАКАЗЫ НА УСТРОЙСТВО

ИКОНОСТАСОВЪ И КЮТОВЪ

въ православныхъ церквахъ, написаніе въ нихъ живописи и украшенія стѣнъ альфрейной росписью.

Заказы исполняются прочно, аккуратно и по умѣреннымъ цѣнамъ, гдѣ нужно—съ разсрочкой платежа.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

—* НА *—

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„ЦЕРКОВНЫЯ ВѢДОМОСТИ“.

Журналъ издается при Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ въ двухъ частяхъ—официальной и неофициальной.

Въ *официальной* части помѣщаются: Высочайшія повелѣнія по вѣдомству православнаго исповѣданія, руководственныя и разъяснительныя постановленія Св. Синода, приказы и сообщенія Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода и распоряженія состоящихъ при Центральномъ Управленіи духовнаго вѣдомства учреждений—Хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ, Учебнаго Комитета, Училищнаго Совѣта и др. Въ официальной части журналъ сей есть органъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода.

Въ *неофициальной* части помѣщаются слова избранныя изъ твореній святоотеческихъ и проповѣди современныхъ архипастырей и пастырей Русской церкви и статьи богословскаго и церковно историческаго содержания примѣнительно къ нуждамъ и запросамъ времени. Особый отдѣлъ посвящается возможно полному обзору текущей церковной жизни и заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о монастыряхъ и церквахъ, о праздникахъ и церковныхъ торжествахъ, о выдающихся событіяхъ епархіальной жизни, о распоряженіяхъ архипастырей и состоящихъ при нихъ епархіальныхъ учреждений, о духовно-учебныхъ заведеніяхъ, церковно-приходскихъ школахъ, изъ жизни русскаго раскола и сектантства и пр. Въ журналѣ дѣлается обзоръ богословской журнальной литературы и отмѣчаются выдающіяся изъ выходящихъ въ свѣтъ книгъ духовнаго содержания, также ведется постоянная хроника церковной жизни на православномъ востокѣ и на православномъ западѣ и даются отвѣты на разные запросы и недоумѣнія, возникающія въ пастырской и церковно-богослужебной практикѣ. Журналъ выходитъ еженедѣльно въ объемѣ трехъ печатныхъ листовъ.

Цѣна на годъ 3 руб. съ пересылкой, за границу 4 руб., отдѣльный номеръ—10 коп. Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ въ Конторѣ „Церк. Вѣд.“ (Конногвард. бульв. д. 5, кв. 7), а для иногороднихъ въ Хозяйственномъ Управленіи при Св. Синодѣ. „Церковныя Вѣдомости“ печатаются въ 42000 экз.

Редакторъ Протоіерей Петръ Смирновъ.

Открыта подписка на 1902 г. на большую ежедневную политическую, общественную и литературную газету, издаваемую безъ предварительной цензуры, съ еженедѣльными иллюстрированными добавленіями,

„РУССКІЙ ЛИСТОКЪ“

(XIV годъ изданія).

Газета принадлежитъ въ числу наиболее распространенныхъ ежедневныхъ изданій, благодаря своему чисто русскому направленію, безусловной свѣжести и новизнѣ помѣщаемыхъ сообщений и всего матеріала, а также благодаря живости, краткости и ясности печатаемыхъ въ ней статей извѣстныхъ журналистовъ. Всѣ административныя новости (сообщаемыя по телефону изъ Петербурга и по телеграфу изъ другихъ мѣстъ) появляются въ „РУССКОМЪ ЛИСТКѢ“ не только одновременно съ петербургскими газетами, но даже часто и раньше послѣднихъ. Свои корреспонденты имѣются во многихъ городахъ Россіи и за границей—въ Царягѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Софіи, Римѣ, Женевѣ и др., а въ случаяхъ особой важности командированы спеціальныя корреспонденты. (Въ истекшемъ году было послано 6 кор.—въ Данцигъ, Реймсъ и Дюнкерхенъ на торжества, въ Брюссель—на конгрессъ, въ Боснію и Герцеговину—во время смуты). Обширность программы „РУССКАГО ЛИСТКА“ даетъ возможность предложить читателямъ большое обиліе самаго разнообразнаго матеріала. Ежедневно въ фельетонахъ помѣщаются лучшіе романы, повѣсти, историческія и научныя статьи. Иллюстрированныя добавленія извѣстныя по своей художественности, въ 1902 г., какъ было и въ истекшемъ 1901 г. будутъ выходить ЕЖЕНЕДѢЛЬНО в за годъ составлять объемистый томъ съ массою рисунковъ, портретовъ, модъ и т. п. Всѣ болѣе крупныя событія дня иллюстрируются фотографическими снимками нашего фотографа.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой: на годъ 8 р., на 6 м. 4 р. 50 к., на 4 м. 3 р. 30 к., на 3 м. 2 р. 50 к., на 2 м. 1 р. 70 к., на 1 м. 90 к. При годовой подпискѣ допускается разсрочка: при подпискѣ—5 р. и къ 1 іюля—3 р. или при подпискѣ 3 р., къ 1 апрѣля—3 р. и къ 1 іюля—2 руб. Кроме того, допускается особая разсрочка по 1 руб. въ мѣсяць—въ теченіе 8 мѣсяцевъ, считая съ января. Адресъ главной конторы: Москва, Мясницкая, домъ № 20. Свои отдѣленія—въ Москвѣ, Петербургѣ, Тулѣ, Калугѣ и Рязани.

Редакторъ-издатель Н. Л. Казецій.

ЖУРНАЛЬ

„СПАСАНІЕ НА ВОДАХЪ“

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕМѢСЯЧНО.

Дѣйствительные члены Императорскаго Россійскаго Общества спасанія на водахъ, состоящаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, дѣлающіи взносъ въ пользу Общества отъ 5 руб., а также почетные и пожизненные члены Общества получаютъ журналъ бесплатно. Объявленія для помѣщенія въ журналъ „Спасанія на водахъ“ принимаются за плату по 20 коп. со строки цѣтита. Членамъ Общества, а также годовымъ и полугодовымъ абонентамъ дѣлается уступка, согласно установленной таксѣ. Журналъ „Спасаніе на водахъ“ имѣетъ читателей внутри Россіи и за границей свыше 12.000. Лица, желающіе поступить въ дѣйствительные члены Общества и получать журналъ или помѣстить объявленіе, благоволятъ адресоваться на имя редактора журнала „Спасаніе на водахъ“. С.-Петербургъ, Садовая улица, Юсуповъ садъ. Редакція открыта, кроме воскресныхъ и праздничныхъ дней, ежедневно отъ 12 до 4 час. дня. Телефонъ № 1238.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на духовный богословско-апологетический журналъ

ВѢРА И ЦЕРКОВЬ

на 1902 годъ—четвертый годъ изданія.

Журналъ „Вѣра и Церковь“ имѣетъ своею задачею отвѣчать на запросы религиозной мысли и духовной жизни современнаго общества въ противодѣйствіе раціонализму и невѣрію. Въ соотвѣтствіе такой основной задачи журнала, въ немъ помѣщаются статьи по всемъ отдѣламъ богословія въ широкомъ смыслѣ этого слова, служащія къ разъясненію преимущественно такихъ богословскихъ вопросовъ, которые подвергаются несогласнымъ съ ученіемъ православной Церкви толкованіямъ въ современной жизни и мнимо-либеральной печати. Статьи этого перваго—научно-богословскаго отдѣла, утверждаясь на священномъ Писаніи и церковномъ Преданіи и въ то же время стремясь къ научной обоснованности, предлагаются въ общедоступномъ изложеніи; здѣсь, между прочимъ, печатаются публичные богословскія чтенія для свѣтскаго образованнаго общества изъ круга ведущихся въ Москвѣ и другихъ городахъ. Второю отдѣломъ журнала, который справедливо назвать—церковно-общественнымъ, мы посвящаемъ обзорную выдающихся явленій церковной жизни современнаго общества. Въ немъ отмѣчаются, а по мѣрѣ нужды и обсуждаются на ряду съ типами и фактами положительнаго характера и встрѣчающіяся въ жизни отклоненія отъ устоевъ церковности, преимущественно засвидѣтельствовавшія печатнымъ словомъ. Въ виду выдвинутаго жизнью вопроса объ образованіи и воспитаніи нашего юношества именно въ духѣ православной вѣры, въ журналѣ помѣщаются, между прочимъ, сообщенія и рефераты, читаемые въ „Отдѣленіи педагогическаго общества при Московскомъ университетѣ по вопросамъ религиозно-нравственнаго образованія“. Заключительную часть отдѣла въ каждой книжкѣ журнала составляетъ духовная библиографія, имѣющая предметомъ своимъ вновь выходящія книги преимущественно богословско-апологетическаго и учебнаго содержанія. Для болѣе нагляднаго представленія о содержаніи и характерѣ журнала назовемъ важнѣйшія изъ статей его за 1901 годъ: „Современная критика священныхъ петховавѣстныхъ писаній и ея слабыя стороны“, „Любовь и правда“, „Безсмертіе души съ точки зрѣнія положительной науки“, „Цѣль и смыслъ жизни (счастье и совершенство въ отношеніи къ цѣли жизни)“, „Опытъ раскрытія смысла и значенія посланія Св. Синода о гр. Л. Толстомъ, по поводу толковъ объ немъ въ образованномъ обществѣ“, „Невозможность религіи безъ представленія о личномъ Богѣ“, „Современные моралисты—Л. Толстой и Фр. Ницше“, „Нравственное значеніе догмата Церкви“, „Библейскій раціонализмъ и борьба съ нимъ православнаго богословія“, „Религиозно-философскія воззрѣнія гр. Л. Толстого и ихъ психологическій генезисъ“, „Неплюевскія братства и школы“, „Церковное пѣніе въ Россіи“, „Въ защиту аскетизма“, „Служеніе Церкви борьбой съ расколомъ“ (по перспскѣ Н. И. Субботина съ архим. Павломъ), „Архіеп. Амвросій Харьковскій“, „Богословскіе труды еп. Виссаріона“ и др. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія журналъ одобренъ для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній; многими епархіальными преосвященными онъ рекомендованъ для церковныхъ и благочинническихъ бібліотекъ. Журналъ выходитъ десять разъ въ годъ (за исключеніемъ іюня и іюля мѣсяцевъ) книжками въ 8—10 печ. листовъ. Подписка цѣна на годъ пять рублей, съ доставкой и пересылкой—шесть рублей. Подписка принимается у редактора-издателя, законоучителя Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая, протоіерея Іоанна Ильича Соловьева (Москва, Остоженка, зданіе Лицея) и въ книжныхъ магазинахъ Москвы и С.-Петербурга. Въ редакціи продаются оставшіеся экземпляры журнала за 1900 и 1901 годы по цѣнѣ пять рублей за годъ съ пересылкой. Редакторъ-издатель прот. І. Соловьевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ

(33-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

СО МНОГИМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ

Н И В А .

Гг. подписчики «НИВЫ» получают въ теченіе 1902 года: 52 №№ художественно-литературнаго журнала «НИВА», заключающаго въ себѣ въ теченіе года около 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ. Первые *12 томовъ* полного собранія сочиненій *Н. С. Льскова*, отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ на хорошей бумагѣ, съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ, составленнымъ Р. И. Сементковскимъ. Остальные томы сочиненій Льскова, значительно дополненныхъ произведеніями, не вошедшими въ прежнія изданія или еще вовсе не напечатанными, подписчики получаютъ въ 1903 году. Въ первые 12 томовъ войдутъ романы: *Соборные*.—*Обойденные*.—*Островитяне*.—*Некуда*. Разказы: *Запечатлѣнный ангель*.—*Одиодуль*.—*Кадетскій монастырь*.—*Русскій демократъ въ Польшѣ*.—*Плуженеры-безсеребренники*.—*Косой лѣвша*.—*Очарованный странникъ*.—*Шерамуръ*.—*На краю свѣта и мн. друг.* *12 томовъ* полного собранія сочиненій *В. А. Жуковскаго*, распятого формата, въ 2 столбца, отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ на хорошей бумагѣ, съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ поэта. Въ эти 12 томовъ, которые будутъ изданы подъ редакціею знатока Жуковскаго, профессора А. С. Архангельскаго,—войдутъ лирическія стихотворенія, баллады, повѣсти въ стихахъ, сказки, посланія, мелкія стихотворенія, прозаическія произведенія, дневникъ и письма: *Людмила*.—*Швецъ во станѣ русскихъ воиновъ*.—*Осенний кисель*.—*Шильонскій узникъ*.—*Поликратовъ перетель*.—*Кубокъ*.—*Спящая царевна*.—*Война мышей и лягушекъ*.—*Сказка о царѣ Берендѣѣ*.—*Ночной смотръ*.—*Сельское кладбище*.—*Орлеанская дѣва*.—*Уддно*.—*Палк и Дамаянти*.—*Рустемъ и Зорабъ*.—*Одиссея и мн. друг.*, равно какъ и цѣлый рядъ еще неизданныхъ поэтическихъ произведеній знаменитаго писателя. 12 книгъ „Ежемесячныхъ литературныхъ приложеній“, содержащихъ романы, повѣсти, разказы, популярно-научныя и критическія статьи и проч.—современныхъ авторовъ. 12 №№ „парижскихъ модъ“, выходящихъ ежемесячно и содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ по фасонамъ лучшихъ мастеровъ. 12 листовъ рукодѣльныхъ и вышивальныхъ работъ (около 300) и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, выходящихъ ежемесячно. „Стѣнной календарь“ на 1902 г., отпечатанный красками. Подписная цѣна на годовое изданіе со всѣми приложеніями: безъ доставки: 1) въ С.Пб.—5 р. 50 к. 2) въ Москвѣ, въ конт. Н. Н. Печковской (Петровск. линія)—6 р. 25 к. 3) въ Одессѣ, въ кн. маг. „Образованіе“ (Ришельевск. № 12)—6 р. 50 коп. Съ доставкой въ С.-Петербургъ—6 руб. 50 коп. Съ пересылкою во всѣ мѣстности Россіи 7 руб. За гравюру—10 руб. Требования просятъ адресовать въ С.-Петербургъ, въ Главную Контору журнала «Нива» (А. Ф. Марксу), Малая Морская, д. № 22.

О продолженіи изданія журнала
„МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

въ 1902 г.

Въ новомъ 1902 году „Миссіонерское Обозрѣніе“ вступаетъ въ седьмой годъ своего изданія и по своему направленію и характеру остается неизмѣнно—зоркимъ и убѣжденнымъ стражемъ интересовъ внутренней миссіи, въ широкомъ значеніи и пониманіи этого святаго дѣла. вмѣсто съ тѣмъ Редакція въ новомъ году изданія отвѣдетъ на страницахъ „Миссіонер. Обозрѣнія“ видное мѣсто для апологетическихъ и полемическихъ статей по выясненію и опроверженію господствующихъ въ извѣстной антицерковной части такъ называемаго, интеллигентнаго общества религіозно-правственныхъ лжеученій и заблужденій. Посвятивъ въ истекающемъ году цѣлый рядъ статей по обличенію моднаго толстовскаго лжеученія, въ новомъ году редакція будетъ продолжать всестороннее раскрытіе неправды толстовской доктрины. Въ новомъ 1902 г. книги журнала выйдутъ въ значительно увеличенномъ объемѣ. Съ разрѣшенія Св. Синода съ новаго 1902 года подписная плата на „Миссіонерское Обозрѣніе“ *остается ОДНА—ВЪ ШЕСТЬ руб., за границу 9 руб.*; подписка на неполное изданіе (*въ 5 руб.*) *не будетъ приниматься.* Программа книж. журнала „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ остается прежняя. Между прочимъ, въ отдѣлѣ сектовѣдѣнія будутъ помѣщены интересныя „черчки русскаго сектантства и его социальна-политическыхъ воззрѣній“ профессора Лейпцигскаго университета доктора богословія Іоанна Геринга, въ переводѣ проф. Харьк. универ. прот. Буткевича. Въ отдѣлѣ миссіонерской полемики будетъ вестись (К. Н. Плотниковымъ) критическое обозрѣніе печатаемыхъ въ епархіальныхъ органахъ бесѣдъ съ раскольниками и сектантами. Особенное вниманіе обращено также и на лѣтопись духовной и свѣтской печати. Въ проповѣдническомъ приложеніи 1902 г., особымъ счетомъ страницъ, будетъ продолжено печатаніе церковныхъ словъ заслуженнаго ординарнаго профессора Кіевской духовной Академіи, В. Ѡ. Пѣвничаго, издавна пользующагося почтенною извѣстностью знаменитаго церковнаго вѣтца. Въ теченіе 1902 г. предполагено издать 2-й томъ проповѣдей маститаго профессора на пастии. Книжки приложенія представляютъ собою сборники статей экзегетическихъ (будетъ въ 1902 г. дано миссіонерское изъясненіе соборныхъ посланій), свитоотеческихъ и апологетическихъ, (главнымъ образомъ изъ отдѣльно не изданныхъ трудовъ проф. Пѣвничаго). Отдѣлъ для народнаго чтенія въ семьѣ и школѣ—духовныя стихотворенія, священноисторическіе очерки и беллетристическіе рассказы изъ жизни и быта раскола и сектантства. Редакціей издается православный МИССИОНЕРСКИЙ календарь, который, въ качествѣ бесплатнаго приложенія къ журн. „Мис. Обозр.“, въ началѣ новаго года будетъ разосланъ нашимъ подписчикамъ (вмѣсто объявленнаго въ прошломъ году стѣннаго вѣчнаго календаря,—изданіе котораго встрѣтило непреодолимыя препятствія). Миссіонерскій календарь представляетъ собой перый опытъ подобнаго изданія. Цѣна календарю въ продажѣ будетъ не менѣе 1 руб. При „Миссіонерскомъ Обозрѣніи“ будетъ продолжаться также и изданіе „Народно-Миссіонерской Библіотечки“ и подписчикамъ будетъ дано свыше 50 экз. (вновь изданныхъ и пересмотрѣнныхъ исключительно для Библіотечки) отдѣльныхъ выпусковъ, состоящихъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: а) Отвѣты изъ слова Божія; б) Свитоотеческія наставленія объ основныхъ истинахъ вѣры; в) Духовно-беллетристическіе и религіозно-бытовые рассказы и очерки изъ жизни сектантовъ и раскольниковъ. Цѣна 2 р. Присылающіе требованіе при подпискѣ на журналъ прилагаютъ только 1 р. 50 к. Оставшіяся въ незначительномъ количествѣ изданія журн. Мис. Обозр. за прежніе годы можно выписать изъ Конторы Редакціи—за 1896, 1898 и 1899 по 4 р., 1901 г. по 5 р., за 1900 г. (неполное изданіе)—3 р. Пересылка по вѣсу. Адресъ Редакціи: С.-Петербургъ, Литейный, № 34. Подписка принимается въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ столицы и всѣхъ городахъ.

Редакторъ-издатель В. М. Скворцовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДУХОВНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Журналъ „Воскресный День“ допущенъ въ библіотеки духовно-учебныхъ заведеній.
АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Мясницкая, домъ Николаевской церкви.

Вступая въ шестнадцатый годъ изданія, журналъ „Воскресный День“ попрежнему будетъ выходить еженедѣльно, со множествомъ рисунковъ и съ разными приложениями. „Воскресный День“ даетъ въ годъ за 4 руб. съ пересылкой и доставк.: 52 №№ журнала иллюстрированнаго, въ объемѣ 1½ печатныхъ листовъ, большого формата каждый. 52 №№ газеты „Современная летопись“ по слѣдующей программѣ: 1) Статьи по церковно-общественнымъ вопросамъ. 2) Церковно-общественная жизнь въ Россіи. 3) Распоряженія епархіальныхъ начальствъ. 4) Среди газетъ и журналовъ. 5) Церковно-общественная жизнь за границей. 6) Разныя извѣстія. 52 №№ „Воскресныхъ листовъ“, пріобрѣтшихъ такую извѣстность, что ихъ каждый годъ расходится нѣсколько миллионъ экземпляровъ. „Въ Воскресныхъ Листкахъ“ будутъ помѣщаться простые назидательные рассказы изъ житій святыхъ съ нравственными приложениями для простаго народа. Кроме этого редакція въ 1902 г. дастъ еще 24 приложения, а именно: 12 книгъ поученій „Пастырское Слово“ на всѣ воскресные и праздничные дни. Книги „Пастырское Слово“ будутъ разсылаться за нѣсколько мѣсяцевъ до произнесенія поученій въ Церкви. 12 книгъ виѣбогослужебн. бесѣдъ „Воскресный Собесѣдникъ“; содержаніемъ бесѣдъ будетъ объясненіе Символа вѣры съ нравственными уроками, примѣрами изъ жизни святыхъ и обыденной жизни.

Подписная цѣна на „Воскресный День“ со всѣми приложениями, съ пересылкой и доставкой, на годъ 4 руб., на ½ года 2 р. 50 к. Благочинные, выписывающіе журналъ не менѣе 10 экз., получаютъ еще 11 экз. безплатно. Подписка принимается въ Москвѣ, въ редакціи: Мясницкая, д. Николаевской церкви.

Редакторъ-издатель священникъ С. Уваровъ.

Для школъ вышло новое изданіе библіотеки „Дѣтскаго Чтенія“ о жизни Николая Васильевича Гоголя съ портретомъ Гоголя, факсимиле и собственноручнымъ рисункомъ. Чтеніе для школъ и народа. Составилъ
Д. И. Тихомировъ.

Цѣна 10 коп.

Съ требованіями обращаться по адресу: МОСКВА, Б. Молчановка, редакція журнала „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“. Земствамъ, школамъ и книгопродавцамъ уступка 30%. За пересылку по разстоянію.

ПРИРОДА И ЛЮДИ

Мин. Нар. Пр. разрѣш. къ выпискѣ въ безпл. библ. и чит.

Открыта подписка на 1902 г. (XIII г. изд.). Подписн. годъ начин. съ 1 Ноября.

Въ теченіе 1902 года всѣ подписчики получаютъ: 52 иллюстрированныхъ №№, въ которыхъ будутъ помѣщаться выдающіяся событія всего міра, очерки и рассказы изъ исторіи науки, путешествій и изобрѣтеній, романы и повѣсти, живописныя описанія чудесъ и великихъ явленій природы, фокусы, забавы и развлечения. 12 книгъ съ рисунками, объемомъ свыше 2000 страницъ, въ которыхъ будутъ помѣщаться сочиненія извѣстныхъ писателей, состоящія изъ романовъ, рассчитанныхъ на занимательное, но поучительное чтеніе, подъ общимъ заглавіемъ: „БИБЛИОТЕКА РОМАНОВЪ“ (приключенія на сушѣ и на морѣ). 1) Великій лѣсъ. Ж. Верна. 2) Островъ сокровищъ. Р. Стивенсона. 3) Лагерь въ горахъ. Э. Элмса. 4) Потерянное крушеніе. Р. Стивенсона. 5) Понтиакъ, вождь Оттавовъ. Э. Элмса. 6) Исскатели каучука. Его же. 7) Желѣзный шпатель. Макса Пембертона. 8) Морскіе волки. Его же. 9) Исторія Жанъ-Мари Кабидулина. Ж. Верна. 10, 11, 12) Приключенія капитана Маріетта и кромѣ того бесплатно безъ всякой доплаты за пересылку могутъ получить, по желанію, на выборъ: Жизнь животныхъ Брэма подъ редакціей д-ра зоологія А. М. Никольскаго. Роскошное изданіе съ массою рисунковъ и хромолитографіями. 12 иллюстрированныхъ выпусковъ большого формата, на велеевой бумагѣ, свыше 600 рисунковъ. 1000 страницъ убористой печати. 3 тома, 60 печатныхъ листовъ или Энциклопедическій словарь вполне законченный, подъ редакціей д-ра философіи М. М. Филиппова. 12 выпусковъ формата словарей Бракгауза и Мейера. 3800 столбцевъ убористой печати. 3 тома 120 печатныхъ листовъ. Подписная цѣна на журналъ „ПРИРОДА и ЛЮДИ“ со всѣми приложениями остается прежняя: 5 руб. за годъ безъ доставки; съ доставкой и пересылкою по всей Россіи 6 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 марта 1 р., къ 1 мая 1 р. и къ 1 Юля остальные, или по одному рублю въ мѣсяць до полной уплаты подписной цѣны. Главная контора и редакція: СПб., Стрѣмянная, собств. д. № 12.

Издатель П. Сойнинъ.

Редакторъ Ф. Груздевъ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

выходить съ 1893 г. въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года. Ученыя Записки распадаются на два отдѣла: официальный и научный. Въ официальномъ отдѣлѣ помѣщается годовою отчетъ университета, актыныя рѣши, отзывы о диссертацияхъ, обзорныя лекціи и т. п. Въ научномъ отдѣлѣ помѣщаются работы преподавателей университета; изъ студенческихъ же работъ печатаются (по возможности въ извлеченіи) лишь сочиненія, удостоенныя золотою медалю. Научныя статьи ученыхъ записокъ печатаются какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на одномъ изъ боѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языковъ, а также на латинскомъ, по выбору автора. Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго университета. Подписная цѣна 6 руб. въ годъ.

Редакторъ проф. Е. Пассекъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

„ХАРЬКОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ“

газету политическую, общественную и литературную

на 1902 годъ.

Въ будущемъ 1902 году „Харьк. Вѣд.“ будутъ выходить ежедневно, въ прежнемъ форматѣ, вмѣстѣ съ официальной частью. Постоянныя рубрики неофициальной части остаются прежнія, а именно:

- 1) Передовыя статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики;
- 2) Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію мѣстныхъ и общихъ вопросовъ;
- 3) Мѣстныя извѣстія (городскія и изъ уѣздовъ);
- 4) Последнія извѣстія (мѣропріятія, слухи, провѣтки и т. п.);
- 5) Телеграммы;
- 6) Обзоръ періодической печати (столичной и провинціальной);
- 7) Корреспонденціи;
- 8) Новости науки, литературы и искусства;
- 9) Театръ и музыка;
- 10) Внутреннія извѣстія;
- 11) Земская и городская хроника;
- 12) Внѣшнія извѣстія;
- 13) Судебный отдѣлъ;
- 14) Фельетонъ (беллетристика оригинальная и переводная, критика и разборъ журваловъ, научныя очерки и т. п.);
- 15) Библиографическія замѣтки;
- 16) Смѣсь;
- 17) Справочный отдѣлъ. Редакторъ Ефимовичъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Харьковъ, въ контору „Харьк. Губ. Вѣд.“ Петровскій пер., д. Шахова.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	1 м.	2 м.	3 м.	4 м.	5 м.	6 м.	7 м.	8 м.	9 м.	10 м.	11 м.	12 м.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Съ пересылкою . . .	1 20	2 10	3 —	4 —	5 —	5 75	6 20	7 —	8 —	9 —	9 50	10 —
Съ доставкою . . .	1 —	2 —	2 50	3 50	4 —	5 —	5 50	6 50	7 —	8 —	8 50	9 25
Безъ достав. и пересылки.	— 80	1 50	2 25	3 —	3 75	4 50	5 25	6 —	6 50	7 50	8 —	8 25

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ НА
МОСКОВСКІЯ ЦЕРКОВНЫЯ ВѢДОМОСТИ

еженедѣльное изданіе Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія въ Москвѣ. Каж-
 дый № въ размѣрѣ отъ 1¹/₂ до 2-хъ печатныхъ листовъ.

Московскія Церковныя Вѣдомости имѣютъ своею цѣлю доставлять серьезное
 чтеніе по вопросамъ религіозно-нравственнымъ, церковно-историческимъ и прак-
 тическимъ не для духовныхъ только, но и свѣтскихъ лицъ, интересующихся озна-
 ченными вопросамъ. „Московскія Церковныя Вѣдомости“ имѣютъ въ виду пред-
 лагать сужденія о фактахъ и явленіяхъ жизни съ точки зрѣнія ученія Православ-
 ной Церкви, подвергать обсужденію тѣ вопросы, которые вызываются самою
 жизнію и потребностями времени и потому должны представлять современный
 интересъ. По временамъ будутъ помѣщаться иллюстраціи. Подписка принимается: а)
 въ Епархіальной библіотекѣ, въ Петровскомъ монастырѣ, на Петровкѣ, б) въ
 редакціи—Б. Якимовка, церковь Петра и Павла, квартира Протоіерея Іоанна
 Θεодоровича Мансветова, с) въ конторѣ Печковской—на Петровкѣ и въ извѣст-
 ныхъ книжныхъ магазинахъ г. Москвы. Подписная цѣна: На годъ съ перес. 5 р.—
 безъ перес. 3 р. 50 к. На полгода съ перес. 3 р.—безъ перес. 2 р.

Объ изданіи **УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ** въ 1902 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университет-
 скаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету,
 и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различ-
 ныхъ его частей. Согласно съ этою цѣлю, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:
 1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта. 2. Новыя постановленія и рас-
 поряженія по Университету. 3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки
 студентовъ и постороннихъ слушателей. 4. Обзорныя преподаванія по полуго-
 діямъ. 5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.
 6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библі-
 отеку и въ студенческой ея отдѣлъ. 7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіеся къ
 устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной ча-
 сти Университета. 8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и
 другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета. 9. Годичные отчеты по
 Университету. 10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
 11. Разборы диссертаций, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соискан-
 нія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертации. 12. Рѣчи, произ-
 носимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ. 13. Вступи-
 тельныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей. 14. Ученые
 труды преподавателей и учащихся. 15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Университетскія Извѣстія въ 1902 году будутъ выходить ежемѣсячно книж-
 камп, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣ-
 стій безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкой семь руб-
 лей. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи
 Правленія Университета. Студенты Университета Св. Владимира платятъ за годо-
 вое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб. сер., а студенты прочихъ Универ-
 ситетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается. Университетскія
 Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ. Гг. иногородніе
 могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета Н. Я.
 Оглобину въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевѣ, на Крещати-
 цкѣ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Универ-
 ситета Св. Владимира.

Гл. Редакторъ В. Иконниковъ.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые десять лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать“? Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московский періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католицизму“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеховскаго.—„Язычество и іудейство во времени земной жизни Господа нашего Іисуса Христа.“ Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штундистахъ“. А. Шугаевскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовныя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществомъ“? В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Бѣляева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождественна.—„О церковныхъ плодотвореніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покой воскреснаго дня“. Доцента А. Бѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Феофана Прокоповича о свѣд. Преданіи“ М. Савленича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кириловича.—„Православенъ-ли интегритионъ, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартынова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоръ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Вудряцева, П. Линицкаго, М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

■ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Рectorъ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ ЗНАМЕНСКІЙ
и Инспекторъ Семинаріи, Константинъ ИСТОМИНЪ.